

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 3 • 2014 • МАЙ—ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования

- Иванов В.В., Павлов П.Н., Козлов В.А., Сутырина Т.А.
Формирование социального капитала в России 3
- Мелешкина А.И. Институциональные основы гендерных различий в экономическом поведении 17

Демография

- Варшавская Е.Я., Чудиновских О.С. Миграционные планы выпускников региональных вузов России 36

Вопросы управления

- Белявский В.Н. Механизм формирования адаптивной операционной системы предприятия. 59

История экономики и управления

- Васильева Н.И., Назарова И.А. Промышленные кризисы в российской экономической теории начала XX века. 78

Мировая экономика

- Михайлова С.Ю. Устойчивое экономическое развитие Арктики: проблемы и перспективы 100

Юбилей ученого

- Виктору Никитичу Черковцу — 90 лет. 117

Interdisciplinary Studies

- Ivanov V.V., Pavlov P.N., Kozlov V.A., Sutyryna T.A.
Social Capital Formation in Russia 3
- Meleshkina A.I. Institutional Foundations of Gender Differences
in Economic Behavior 17

Demography

- Varshavskaya E.Ya., Chudinovskikh O.S. Migration Inten-
tions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions . . 36

Management Issues

- Bilyavskiy V.N. Mechanism of Forming Adaptive Operating System
of Enterprises 59

History of Economy and Management

- Vasilieva N.I., Nazarova I.A. Industrial Crises in the Russian
Economic Theory of the Beginning of the XX Century 78

World Economy

- Mikhailova S.Yu. Sustainable Development of Arctic: Challenges
and Prospects 100

Anniversary of the Scientist

- The 90th Birthday of Viktor Nikitich Cherkovets. 117

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.В. Иванов¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва, Россия),

П.Н. Павлов²,

ИПЭИ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия),

В.А. Козлов³,

НИУ «Высшая школа экономики», Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (Москва, Россия),

Т.А. Сутырина⁴,

ИПЭИ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

В настоящей работе представлен обзор исследований, в которых проанализировано экономическое значение социального капитала. Охарактеризовано актуальное состояние сферы социального капитала в России. Представлено описание ряда инструментов государственной политики, которые могут использоваться в целях накопления (расширенного воспроизводства) социального капитала в российском обществе.

Ключевые слова: социальный капитал, коллективные действия, общественные блага, подотчетность государства, доверие.

V.V. Ivanov,

Moscow State University, Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia),

P.N. Pavlov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia),

V.A. Kozlov,

Higher School of Economics — National Research University, Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia),

T.A. Sutyryna,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

¹ Иванов Владимир Владимирович, ст. преподаватель экономического ф-та МГУ, ст. науч. сотр. ИЭП; тел.: +7 (903) 110-01-61; e-mail: vvivanov@econ.msu.ru

² Павлов Павел Николаевич, науч. сотр.; тел.: +7 (926) 852-78-60; e-mail: pavlov@iet.ru

³ Козлов Владимир Александрович, канд. экон. наук, доцент НИУ ВШЭ, ст. науч. сотр. ИЭП; тел.: +7 (495) 772-95-90; e-mail: vakozlov@hse.ru

⁴ Сутырина Татьяна Александровна, науч. сотр.; тел.: +7 (915) 399-48-06; e-mail: sutirina@iet.ru

SOCIAL CAPITAL FORMATION IN RUSSIA

This paper presents an overview of studies on economic effects of social capital. It provides a description of the current state of social capital in Russia. The paper provides a number of public policy instruments for the accumulation (expanded reproduction) of social capital in the Russian society.

Key words: social capital, collective actions, public goods, government accountability, trust.

1. Экономическое значение социального капитала

В настоящее время термин «*социальный капитал*» используется большинством исследователей как метафорическое определение степени распространенности норм честности и доверия, облегчающих организацию коллективных действий. Основная заслуга по включению этой концепции в экономическую теорию принадлежит американскому политологу Р. Патнэму. Публикация его книги «Чтобы демократия работала» дала старт огромному числу экономических публикаций, использующих понятие социального капитала [Putnam et al., 1993].

Одна из первых попыток измерения экономического значения социального капитала была предпринята в 1997 г. С. Нэком и Ф. Кифером, которые наметили магистральные направления для проведения дальнейших исследований [Knack, Keefer, 1997, p. 1251–1288]. Во-первых, выяснилось, что в странах с более высоким уровнем доверия выше экономическая активность, измеренная долей инвестиций в ВВП, и выше темпы экономического роста. Во-вторых, в странах с высокими запасами социального капитала лучше функционирует государственная бюрократия. Другими словами, можно предположить, что социальный капитал оказывает на экономические параметры:

- а) прямое воздействие через снижение издержек коллективных действий и рискованных трансакций (которые зачастую являются основой инновационного процесса),
- б) косвенное воздействие путем снижения издержек обеспечения подотчетности государства, производящего общественные блага и вырабатывающего экономическую политику.

Подотчетность государства

Социальный капитал тесно связан с возможностями общества к обеспечению подотчетности органов государственной власти. Используя данные о политическом процессе в итальянских регионах, группа исследователей во главе с Г. Табеллини нашла зависимость между уровнем социального капитала, который измерялся

через прокси-показатель участия населения в анонимном донорстве крови, и уровнем электоральной подотчетности [Nannicini et al., 2010]. В регионах с большими запасами социального капитала избиратели активнее наказывают политиков в ходе электорального процесса за невыполнение обещаний и злоупотребления властью. Этот результат можно интерпретировать следующим образом: с развитием норм кооперации в обществе растут стандарты относительно допустимого/неприемлемого поведения, которые распространяются в том числе и на представителей государственной власти.

К схожим выводам пришли Л. Гуизо и П. Пинотти, анализируя исторический кейс расширения избирательных прав в Италии в 1912 г. [Guizo, Pinotti, 2012]. Политическое участие, которое измерялось явкой на выборах, оказалось связано с уровнем социального капитала. Тем не менее было бы серьезным упрощением предполагать, что ограничения, задающие рамки поведения политиков, принимают исключительно электоральную форму (именно такие предпосылки реализовывались в ряде базовых моделей политической экономии). Помимо дискретного электорального процесса контроль за исполнением функций государства реализуется через непрерывную гражданскую активность.

Исследование зависимости между уровнями развития экономики и гражданского общества провел Дж. Стиглиц, для чего он проанализировал эмпирические данные о послевоенном росте Италии (с 1948 по 2001 г.) [Stiglitz, 2002, p. 163–182]. Основная идея работы заключалась в том, что граждане, которые разделяют некие общие ценности (при этом в обществе преобладает высокий уровень доверия), будут предъявлять более строгие требования к стандартам поведения своих представителей в парламенте. Такая общность граждан будет готова нести издержки по приобретению дополнительной информации о деятельности своих представителей и всей государственной власти, в большей степени ориентируясь на социальные потребности, а не на свои частные интересы. То есть в работе показано, что уровень гражданской культуры положительно влияет на экономические результаты посредством контроля эффективности функционирования институтов власти.

Р. Меняшев и Л. Полищук на основе данных базы георейтинга протестировали гипотезу о воздействии социального капитала на измеренную с помощью опросов подотчетность властей в российских регионах [Полищук, Меняшев, 2011]. Несмотря на отсутствие механизмов электорального контроля, регионы с запасами обобщенного, «открытого» доверия характеризуются большей удовлетворенностью от положения дел в городах и положительным восприятием подотчетности власти.

Существуют свидетельства того, что общество со сравнительно более высокими запасами социального капитала лучше справляется с производством различных *общественных благ*. Экспериментальное исследование влияния социального капитала на управление ресурсами общего доступа провела Э. Остром [Ostrom, 2000] на примере управления природными резервами (земельные, водные, лесные и т.д.). Автор показала, что социальный капитал положительно влияет на эффективность управления подобными видами ресурсов посредством того, что члены общества, разделяя общие ценности и вступая в общественные организации, снижают издержки по организации и координации коллективных действий.

Похожее исследование на примере управления коллективной собственностью жилых домов⁵ беднейших районов Нью-Йорка провели С. Седжерт и Г. Винкель [Seagert, Winkel, 1998]. Авторы пришли к выводу, что социальный капитал может повысить отдачу от коллективного использования жилых домов посредством снижения издержек по обеспечению безопасности и поддержанию качества жилья. Данное исследование характеризует эффективность институтов самоорганизации, которые в конечном итоге (через повышение уровня доверия, социальной и гражданской активности населения) влияют на благосостояние общества.

В России Л. Полищук, А. Пересецкий и Е. Борисова исследовали управление коллективной собственностью в городах на примере товариществ собственников жилья Москвы и Перми [Полищук и др., 2010]. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на очевидные материальные проблемы, связанные с управлением жилыми домами в российских городах (например, высокая доля износа жилых фондов), присутствуют также другие проблемы, выраженные в низкой склонности граждан к самоорганизации, к использованию новых институциональных форм управления. По их мнению, это обусловлено в первую очередь низким уровнем социального капитала в России в целом и в российских городах в частности. Так, существуют явные проблемы дефицита доверия в обществе, низкой гражданской активности, низкой интенсивности горизонтальных связей в обществе. Все это выражается в итоговой низкой эффективности таких форм коллективного управления собственностью, как товарищества собственников жилья, или же других форм коллективных действий.

Наиболее важным результатом, полученным в ходе теоретических и эмпирических исследований, является комплементарность

⁵ Всего в исследование было включено 487 объектов недвижимости.

между социальным капиталом и качеством формальных институтов, объясняющая существование «хороших» и «плохих» равновесий. Индивиды с низким уровнем доверия друг к другу предъявляют спрос на государственное регулирование, которое в свою очередь усиливает коррупцию. Корруптированная среда снижает вероятность формирования норм честности и доверия, что препятствует эффективному производству общественных благ.

2. Социальный капитал в России

Измерение уровня накопления социального капитала на основе показателей доверия в обществе, как правило, проводят с помощью социологических опросов⁶. Одним из наиболее часто используемых в настоящее время глобальных опросов, позволяющих определить уровень доверия в обществе и провести межстрановые сопоставления по данному показателю, является опрос *World Value Survey (WVS)*⁷. В России его впервые провели в 1990 г. (вторая волна обследования). На тот момент показатель доверия в РСФСР превышал мировой почти на 8 пп. Как видно из рис. 1, впоследствии разница между Россией и остальными странами мира сокращалась очень быстро. К концу исследуемого периода российские показатели не превышали среднемировой уровень. Некоторое падение общего уровня доверия в мире, по данным WVS, может быть связано с изменением структуры выборки, в частности с включением большего числа развивающихся (беднейших среди них) стран и стран с переходной экономикой. Предполагается, что изменения, происходившие в странах СНГ, вызвали наблюдаемые сдвиги в сфере социального капитала в глобальном масштабе.

Также опрос WVS (уже в более поздних волнах) позволяет ответить на вопрос об относительной склонности людей в той или иной стране к кооперации: измеряется средняя величина по 10-балльной шкале — от абсолютной склонности к оппортунизму (окружающие всегда воспользуются возможностью получить выгоду за счет других) до абсолютной склонности к альтруизму (окружающие всегда помогут). По результатам этого опроса Россия, так же как и в случае с показателем доверия, несколько уступает остальному миру по уровню кооперации (5,4 балла против 5,7 в мире).

Данные по уровню доверия за последние несколько лет можно получить из проводимого раз в два года континентального опроса

⁶ В данном случае интерес представляет ответ на вопрос о том, насколько вообще можно доверять другим людям.

⁷ Первая волна опроса была запущена в 1981 г. См. официальную страницу исследования: www.worldvaluessurvey.org/

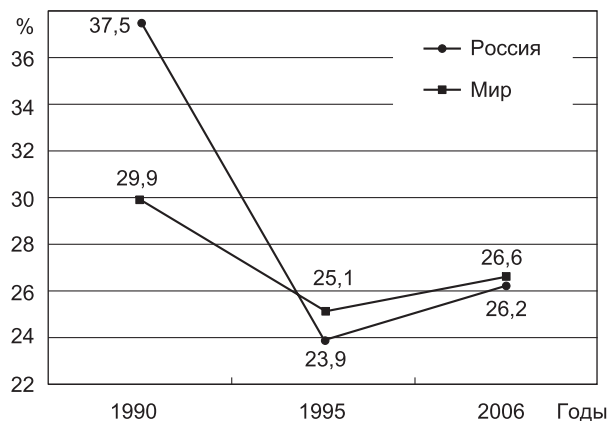

Рис. 1. Доля респондентов, положительно ответивших на вопрос WVS о возможности доверять большинству людей, %

Источник: WVS.

European Social Survey (ESS)⁸. В нем используется целый ряд специфических индикаторов состояния сферы социального капитала. Так, по 10-балльной шкале измеряется степень согласия респондентов с рядом утверждений:

1. «Большинству людей можно доверять» (доверие);
2. «Большинство людей стараются быть честными» (честность);
3. «Люди в большинстве случаев способны прийти на помощь» (сострадание).

В большинстве случаев уровень социального капитала в обществе замеряется по степени согласия респондентов с первым утверждением. Основываясь на данных ESS по четырем волнам обследования (т.е. за период с 2006 по 2012 г.), можно заметить, что уровень доверия в России в последние годы плавно возрастал (рис. 2). Отметим, что рост перечисленных показателей социального капитала характеризуется различными темпами. Больше всего за указанный период (на 17%) выросла оценка респондентами готовности незнакомых людей прийти на помощь (сострадание), в меньшей степени (около 6,5%) — оценка честности других людей. Ключевой показатель доверия вырос примерно на 12%.

Следует также проанализировать положение России среди других европейских стран, представленных в выборке обследования ESS. В качестве примера можно рассмотреть шестую, последнюю на настоящий момент волну обследования (т.е. данные за 2012 г.).

⁸ Россия не участвовала в первых двух волнах обследования в 2002 и 2004 гг., данные для измерения показателей доступны только с 2006 г.

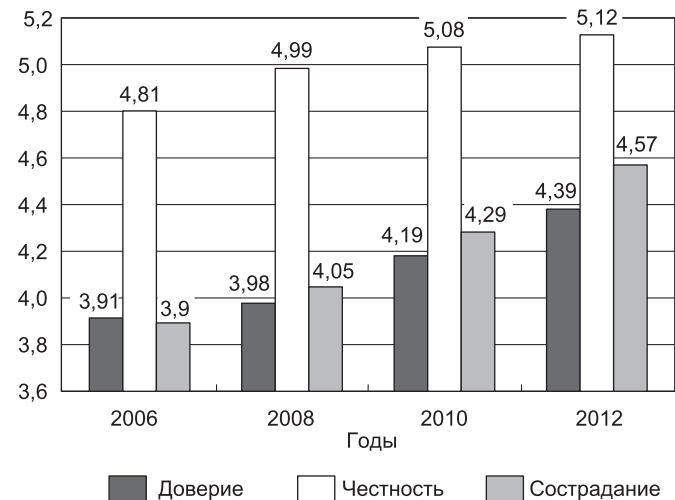

Рис. 2. Средние показатели социального капитала в российском обществе по данным ESS

Источник: ESS.

При проведении межстрановых сопоставлений выяснилось, что, несмотря на устойчивый рост показателей социального капитала, Россия находится среди отстающих стран (рис. 3–5)⁹.

Россия отстает от стран Западной и Северной Европы, но опережает ряд стран Восточной и Южной Европы. Ниже России по уровню доверия расположились Кипр и Португалия, существенно пострадавшие от кризисных явлений в экономике, а также традиционный аутсайдер — Болгария¹⁰. Внушает оптимизм тот факт, что в 2012 г. Россия опередила по всем показателям, используемым при замерах состояния социального капитала, Польшу и Чехию. Это позволяет надеяться на приближение к среднеевропейскому уровню.

Между тем стоит напомнить, что, по данным четвертой волны обследования ESS (2008 г.), показатели ниже российских по всем компонентам социального капитала наблюдались только в таких странах, как Греция, Румыния, Болгария и Турция.

К 2012 г. практически исчез феномен, характерный для третьей и четвертой волны обследования, когда при меньшей степени доверия к окружающим у российских респондентов присутствовала склонность относительно высоко оценивать остальные поведенческие установки сограждан, которые входят в содержание понятия «социальный капитал» (честность и сострадание).

⁹ По ряду стран данные ESS-2012 к настоящему моменту находятся в процессе подготовки к опубликованию.

¹⁰ В опрос 2012 г. не вошли Украина и Турция, которые также традиционно оказываются на уровне ниже российского.

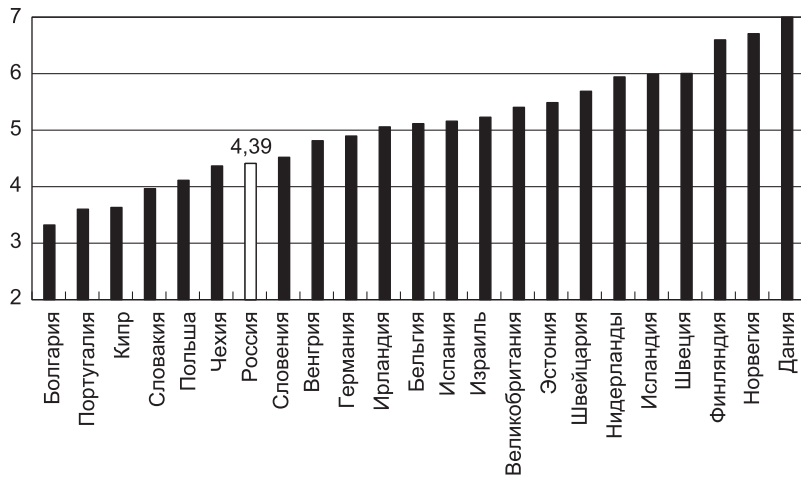

Рис. 3. Степень согласия с утверждением «Большинству людей можно доверять» по данным ESS (2012)

Источник: ESS.

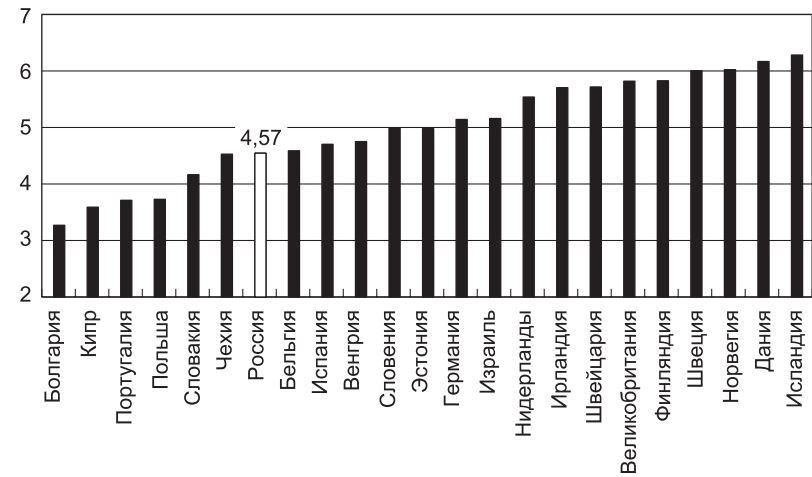

Рис. 5. Степень согласия с утверждением «Люди в большинстве случаев способны прийти на помощь» по данным ESS (2012)

Источник: ESS.

важным индикатором доверия к государственной власти следует считать доверие к основным производимым государством общественным благам — системе законов и полиции.

Данные ESS за 2012 г. для всех стран свидетельствуют о наличии статистически значимой, но не очень высокой по абсолютному значению корреляции между различными показателями социального капитала и показателями доверия к полиции и системе законов (таблица).

Коэффициенты корреляции между показателями социального капитала и показателями доверия граждан к государственным институтам¹¹

	Социальный капитал		
	Доверие	Честность	Сострадание
Доверие к законам	0,377	0,353	0,318
Доверие к полиции	0,328	0,34	0,336

Источник: расчеты авторов по данным ESS за 2012 г. (все страны).

В России за 6 лет, в течение которых проводилось четыре раунда ESS, произошло падение общего уровня доверия как к законам, так и к полиции. В 2012 г. наблюдался самый низкий уровень до-

¹¹ Корреляционные коэффициенты во всех случаях значимы на уровне статистической значимости 5%.

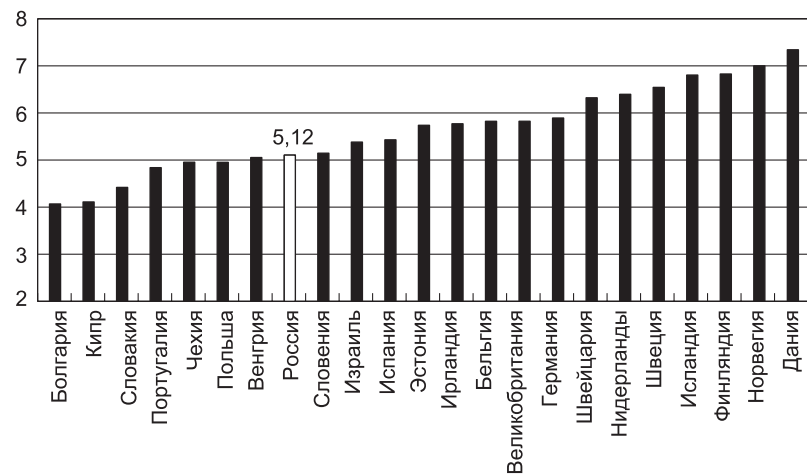

Рис. 4. Степень согласия с утверждением «Большинство людей стараются быть честными» по данным ESS (2012)

Источник: ESS.

Социальный капитал и доверие к государственным институтам

Представляет интерес вопрос о взаимосвязи показателей социального капитала и доверия граждан к государственным институтам. Учитывая тот факт, что в разных странах существует разное представление о политиках, парламенте и политических партиях,

верия общества к законам, а негативный тренд по обоим показателям наблюдается с 2008 г. (падение доверия к законам на 13,3%, к полиции — на 8,6%). То есть практически пропорционально с ростом показателей социального капитала, доверия граждан друг к другу, снижался уровень их доверия к институтам государственной власти (рис. 6).

Отмеченные тенденции могут прямо свидетельствовать об актуальности неотложного решения задач в сфере повышения подотчетности органов государственной власти, что, во-первых, согласуется с изученным авторами статьи международным опытом (решение подобной задачи принципиально возможно) и, во-вторых, может быть простимулировано зафиксированными процессами накопления социального капитала.

Рис. 6. Динамика изменения показателей доверия государственным институтам в России (2006–2012)

Источник: ESS.

На данном этапе необходимо признать, что, несмотря на ряд позитивных изменений, наблюдаемых в последние годы, уровень социального капитала в России все еще остается достаточно низким. В то же время указанная характеристика позволяет говорить о величине недоиспользованного модернизационного потенциала, ограниченного состоянием сферы социального капитала. Тем более важными и своевременными в этом случае являются усилия, вектор которых ориентирован на исправление сложившейся ситуации.

3. Перспективы формирования социального капитала в России

Для разработки инструментов развития социального капитала необходимо изучить закономерности его динамики. И здесь представляет интерес работа П. Агийона, Ю. Алгана, П. Каю и А. Шлей-

фера, сконструировавших формальную модель с межпоколенческой трансмиссией норм [Aghion et al., 2010]. Согласно построенной ими модели, индивиды с низким уровнем доверия друг к другу предъявляют повышенный спрос на государственное регулирование, что в свою очередь способствует усилению проявлений коррупции. Все это приводит к снижению вероятности формирования и закрепления норм честности и доверия в обществе. Указанные исследователи, проанализировав большую выборку стран, обнаружили взаимосвязь между уровнем недоверия и степенью зарегулированности экономики.

В последнее время начали появляться теоретические работы, описывающие возможности выхода из ловушки самовоспроизводящегося низкого уровня социального капитала (или ловушки недоверия). В них зависимость от траектории предшествующего развития общественной системы анализируется в сочетании с фактором случайного появления экономических агентов-лидеров, которые собственным поведением могут изменить ожидания, а следовательно, и поведение остальных членов общества, сформировав новые устойчивые социальные нормы [Acemoglu, Jackson, 2011].

В области эмпирических исследований факторов динамики социального капитала прогресс сильно ограничен проблемами сбора данных, методологическими проблемами измерения социального капитала.

Трансмиссия ценностей и убеждений, которые затем через формирование норм влияют на гражданское поведение, является основным механизмом устойчивости уровня доверия. При этом образование как важнейший элемент социализации может быть точкой роста гражданской культуры. В рамках эмпирических исследований связь между образованием и нормами кооперации изучалась довольно подробно. Представляется целесообразным отметить ряд интересных результатов, полученных в сфере исследований данной взаимосвязи [Helliwell, Putnam, 2007, p. 1–19]. Прежде всего следует отметить, что некоторые исследователи выявили положительную корреляцию между нормами кооперации и уровнем образования [Glaeser et al., 2007, p. 77–99; Milligan et al., 2004, p. 1667–1695]. Это можно объяснить навыками социализации, приобретенной в ходе получения образования. Кроме того, высокий уровень образования снижает издержки критического восприятия и переработки информации. Открытым остается вопрос о том, как именно в системе образования транслируются нормы кооперации. Здесь большой интерес представляет недавняя работа Ю. Алгана, П. Каю и А. Шлейфера, в которой тестируется значимость методик преподавания для формирования социального капитала [Algan et al.,

2011]. Основным выводом авторов, полученным на основе эконометрического исследования (по данным для выборки развитых стран), является важность технологии обучения с точки зрения формирования норм кооперации. Школьники и студенты в тех странах, где обучение проходит в рамках групповых проектных работ, демонстрируют больший уровень доверия и кооперации по сравнению с ровесниками в странах, где основная образовательная практика заключается в записывании материалов за учителем — так называемое «вертикальное преподавание». Результат остается устойчивым после контроля на уровень остаточных знаний, оценки школьниками преподавателей и т.д. Выводы данной работы могут быть учтены при определении стратегии развития российской системы образования в целях решения долгосрочной задачи по формированию базовых условий для накопления и расширенного воспроизводства в России социального капитала, норм гражданской кооперации и сотрудничества.

Помимо межпоколенческой трансмиссии норм теория уделяет внимание также непосредственному опыту индивида. Плотность и частота социальных взаимодействий всегда считалась возможным фактором увеличения честности и доверия. Однако только развитие полевых экспериментов с контролируемыми изменениями позволило протестировать данную гипотезу. Богатую пищу для размышления дает практика микрофинансирования в развивающихся странах, предполагающая принцип коллективной ответственности. В полевом эксперименте в Индии заемщики случайным образом разбивались на «часто взаимодействующие» и «редко взаимодействующие» группы [Feigenberg et al., 2013, p. 1459–1483]. По итогам двухлетнего займа участники группы с интенсивным взаимодействием продемонстрировали более высокую степень кооперации в лабораторном эксперименте, а также большую готовность разделять риски с другими людьми.

Результаты подобных исследований предлагают масштабный материал для изучения дизайна социальных программ и реформ системы образования. Примером механизмов увеличения плотности социальных взаимодействий могут служить программы государственного софинансирования производства общественных благ, например ППМИ (Проект по поддержке местных инициатив), осуществляемый в Кировской области с 2010 г.¹² Его цель состоит в бюджетной поддержке инициатив граждан, направленных

¹² С 2013 г. финансирование ППМИ осуществляется в рамках государственной программы Кировской области «Содействие развитию институтов гражданского общества и поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций» на 2013–2015 гг.

на решение проблем местного значения. При этом средства областного бюджета, составляющие основную часть финансирования проектов местного значения, выделяются на условиях софинансирования инициатив граждан со стороны муниципальных образований, юридических и, что особенно важно, физических лиц. В 2013 г. в рамках ППМИ было реализовано 429 проектов, общая стоимость которых составила 272,7 млн рублей. Из них связаны со строительством и ремонтом автомобильных дорог 33%, со сферой водоснабжения — 21, с благоустройством территорий — 16%. Важность подобных механизмов, способствующих формированию демократических процедур на местном уровне, сложно переоценить.

Основным источником возможного прироста социального капитала, по мнению авторов представленной здесь статьи, является система образования, которая, во-первых, социализирует человека, а во-вторых, предлагает ему стандарты поведения в обществе. Проблема формирования культуры доверия усугубляется растущим этническим многообразием в российских школах и университетах. Важнейшим фактором, влияющим на уровень гражданской культуры, оказываются стандарты честности и академической этики, с которыми сталкивается человек в период социализации. Значение реформ системы образования в современной России для создания социального капитала пока недооценено и заслуживает дальнейших тщательных исследований.

Заключение

Экономисты только начинают изучать потенциал экономического развития, связанный с действием норм гражданской кооперации. Исследования показывают, что, с одной стороны, при низком качестве формальных институтов неформальные нормы честности и доверия приобретают высокую отдачу, с другой стороны, так как они комплементарны к формальным институтам, им сложно сформироваться. Современная российская ситуация характеризуется одновременно не очень высоким межличностным доверием и низким качеством государственных институтов. Это является препятствием для проведения устойчивых модернизационных реформ. Открытым все еще остается вопрос о динамике социального капитала, его связи с повседневными практиками и механизмами социализации. Несмотря на то что основные исследования в этой области впереди, уже сейчас необходимо учитывать «культурные» последствия реформ системы образования и различных социальных программ.

- Полищук Л.И., Меняшев Р.Ш. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12.
- Полищук Л., Пересецкий А., Борисова Е. Управление коллективной ответственностью в российских городах: анализ товариществ собственников жилья // Вопросы экономики. 2010. № 11.
- Acemoglu D., Jackson M. History, Expectations and Leadership in the Evolution of Social Norms // NBER Working Papers. 2011. N 17066.
- Aghion P., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Regulation and Distrust // Quarterly J. of Economics. 2010. Vol. 125. N 3.
- Algan Y., Cahuc P., Shleifer A. Teaching Practices and Social Capital // NBER Working Papers. 2011. N 17527.
- Feigenberg B., Field E.M., Pande R. The Economic Returns to Social Interaction: Experimental Evidence from Microfinance // Rev. of Economic Studies. 2013. Vol. 80. N 4.
- Glaeser E., Ponzetto G., Shleifer A. Why Does Democracy Need Education? // J. of Economic Growth. 2007. Vol. 12. N 2.
- Guizo L., Pinotti P. Democratization and Civic Capital // CEPR Discussion Paper. 2012. N 8847. February.
- Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // Eastern Economics J. 2007. Vol. 33. N 1.
- Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // Quarterly J. of Economics. 1997. Vol. 112. N 4.
- Milligan K., Moretti E., Oreopoulos Ph. Does Education Improve Citizenship? Evidence from the United States and the United Kingdom // J. of Public Economics. 2004. Vol. 88. N 9–10.
- Nannicini T., Stella A., Tabellini G., Troiano U. Social Capital and Political Accountability // CEPR Discussion Papers. 2010. N 7782.
- Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // J. of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. N 3.
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. New Jersey, 1993.
- Seagert S., Winkel G. Social Capital and the Revitalization of New York City's Distressed Inner-city Housing // Housing Policy Debate. 1998. Vol. 9. N 1.
- Stiglitz J.E. Participation and Development: Perspectives from the Comprehensive Development Paradigm // Rev. of Development Economics. 2002. Vol. 6. N 2.

А.И. Мелешкина¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ

Статья посвящена анализу причин проблемы гендерного неравенства и ее последствий для экономического развития. В качестве объекта исследования выступают гендерные различия в следующих характеристиках экономического поведения: альтруизм, восприятие риска и отношение к конкуренции. На основе проведенного эконометрического анализа выявлено наличие взаимосвязи между степенью гендерного неравенства и распространенными в обществе представлениями о гендерных ролях. Кроме того, рассмотрены способы измерения причин и следствий гендерного неравенства. Выводы, сделанные в статье, могут использоваться в качестве рекомендаций по методике институционального проектирования гендерной политики как на страновом, так и мировом уровне.

Ключевые слова: гендерный институционализм, экономическое поведение, политика гендерного равенства, восприятие риска, альтруизм, отношение к конкуренции, социальные институты, гендерные роли.

A.I. Meleshkina,

Moscow State University (Moscow, Russia)

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF GENDER DIFFERENCES IN ECONOMIC BEHAVIOR

The article addresses the causes of gender inequality and its implications for economic development. The objects of this research are such gender differences in economic behavior as altruism, risk perception and attitude to competition. The undertaken econometric analysis reveals the correlation between the degree of gender inequality and current public assumptions about gender roles. Moreover, the article considers possible ways to measure the causes and effects of gender inequality. Conclusions of this research can be used as recommendations for institutional design of gender policy both at global and national level.

Key words: gender institutional economics, economic behavior, gender policy, risk perception, altruism, attitude to competition, social institutions, gender roles.

Введение

Решение проблемы гендерного неравенства требует разработки целого комплекса мер, необходимость и применимость которых широко обсуждаются в мировой политике. Организация Объеди-

¹ Мелешкина Анна Игоревна, аспирант кафедры прикладной институциональной экономики экономического ф-та; тел.: +7 (925) 365-56-02; e-mail: ann.meleshkina@mail.ru

ненных Наций, Международная организация труда, Женевские конвенции уделяют вопросу гендерного неравенства особое внимание, так как применение дискриминирующих практик имеет глобальные последствия.

Негативное влияние гендерного неравенства проявляется в снижении уровня человеческого и социального капитала, в неэффективном распределении ресурсов из-за ограниченного доступа женщин к рынку труда и правам собственности. Учитывая масштаб проблемы гендерного неравенства, необходимо максимально четко представлять ее причины в рамках как мирового сообщества, так и каждой страны. Для этого используется ряд индикаторов гендерного неравенства (Gender-Related Development Index, Gender Empowerment Measure, Global Gender Gap Index), однако ни один из них не является эффективным показателем. Из-за непонимания причин существующей проблемы допускаются ошибки в политике гендерного равенства, которые создают неверные социально-экономические стимулы для принятия индивидуальных и коллективных решений, что выражается в формировании еще более дискриминирующих законов и практик. Необходимо помнить о том, что причины макроэкономических проблем кроются в том числе и на микроуровне, в организации домашнего хозяйства и индивидуальных предпочтениях, которые формируются в определенной институциональной среде.

Вопрос природы гендерных норм в рамках институциональной экономики изучается в зарубежной литературе как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. А. Дженнингс, А. Мэйхью и В. Даггер продолжают научную традицию Т. Веблена, рассматривая гендерные нормы в качестве индикаторов общественного развития, затрагивающего культурные и религиозные традиции страны [Jennings, 1993, p. 111–130; Mayhew, 1999, 279–485; Dugger, 1996, p. 287]. Среди работ представителей гендерного институционализма выделяются исследования П. Мартина, в которых фундаментальные принципы экономики сочетаются с методами социологии [Martin, 2004, 1249–1273]. Гендерная социализация, определяющая существующие в обществе представления о гендерных ролях, описана в работах Н. Фолбре [Folbre, 1994, p. 335], Д. Элсона [Elson, 1999, p. 611–627] и Б. Харрис-Уайта [Harriss-White, 2000, p. 235–252].

Значительная часть зарубежных исследований посвящена выявлению гендерных различий в экономическом поведении с использованием методов социологии и психологии. Й. Алган, П. Каю, М. Крук и Ф. Макей на основе анализа данных социологических опросов и региональных статистических сборников доказывают, что существует влияние политических и социальных практик на общественные представления о ролях мужчины и женщины [Algan,

Cahuc, 2007, p. 46; Krook, Mackay, 2011, p. 1–21]. Популярными методами изучения гендерных различий являются полевые эксперименты и анкетирование, что подтверждают работы П. Агенора и М. Монтиеля [Agenor, Montiel, 1996, p. 816], С. Сегуино и М. Флоро [Seguino, Floro, 2003, 147–166], М. Пауэлла и Д. Ансича [Powell, Ansic, 1997, 605–628]. Для научных работ в области гендерной экономики характерен междисциплинарный подход, что сказывается на строгости предпосылок экономической теории, однако позволяет объяснить конкретные социально-экономические явления.

В отечественной науке гендерный фактор в экономике рассматривали Е. Здравомыслова и А. Тёмкина. В их работах проводится анализ этапов развития гендерных исследований в советский и постсоветский периоды и подчеркивается их междисциплинарный характер [Здравомыслова, Тёмкина, 2000, с. 15–24; 2002, с. 33–51]. Работы Е. Мезенцевой касаются анализа гендерного фактора в поведенческой экономике, а также статистического анализа гендерной дифференциации в разрезе регионов и отраслей [Мезенцева, 2003, с. 50–72; 2007, с. 187–219]. Блок работ И. Калабихиной выявляет необходимость гендерного равенства для инновационного развития российской экономики, описывает существующие в современной России гендерные стереотипы в сфере образования и на рынке труда [Калабихина, 2011, с. 146–163]. Исследования Н. Римашевской посвящены рассмотрению гендерных стереотипов с точки зрения их влияния на человеческий капитал России [Римашевская, 2000, с. 6–16].

Индикаторы уровня гендерного неравенства и его причин

Измерение масштаба гендерного неравенства проводится двумя основными методами — выявления причин гендерного неравенства и измерения его последствий. На межстрановом уровне сопоставимыми индексами являются индекс развития с учетом неравенства полов (Gender-Related Development Index — GDI), показатель степени реализации прав женщин (Gender Empowerment Measure — GEM), мировой индекс гендерного неравенства (Global Gender Gap Index) и индекс равенства полов (Gender Equity Index). Перечисленные показатели отражают различия в благосостоянии мужчин и женщин и свободы их деятельности, фокусируясь на конкретных результатах гендерной дискриминации. Однако заострение внимания только на результатах не позволяет выявить причины неравенства полов. По своей сути гендерное неравенство является совокупностью человеческого поведения, индивидуальных представлений и общих верований. Таким образом, институты определяют предпочтения агентов и создают образцы их поведения. С гендерными во-

просами непосредственно связаны социальные институты, которые имеют долгосрочный характер норм, ценностей и кодексов поведения. Своё выражение социальные институты, связанные с гендерным неравенством, находят в традициях, ценностях и культурных практиках, неформальных и формальных нормах. Тогда причины гендерного неравенства необходимо искать в нормах, которые определяют распределение власти между мужчинами и женщинами в сфере семьи, экономической сфере и общественной жизни.

С точки зрения прав человека существуют три меры, определяющие то, какое место женщины занимают в обществе, — индекс политических прав женщин (WOPOL), индекс экономических прав женщин (WECON) и индекс социальных прав женщин (WOSOC) [CIRI Human Rights Data Project, 2011, p. 3–28]. Эти ежегодные показатели отражают наличие и гарантированное исполнение международно признанных прав женщин. На основе индексов делаются выводы о проблемных в отношении гендерного равенства институтах, а также о последствиях их функционирования. WOSOC является наиболее информативным индексом социальных отношений и практик [Bjornskov et al., 2007, p. 7–9]. Тем не менее он не позволяет различать конкретные аспекты социальных институтов. Например, важно отличать то, что происходит в семье, от того, что происходит в общественной и социальной жизни. Кроме того, все три индекса могут принимать только четыре значения: от 0 (нет прав) до 3 (гарантия и соблюдение прав), что создает трудности для сравнительного анализа и ранжирования стран.

Более удобным в использовании является индекс социальных институтов и гендера (Social Institutions and Gender Index — SIGI). Он составлен на базе данных ОЭСР «Gender, Institutions and Development». Конструкция индекса представляет собой пять субиндексов, характеризующих конкретные социальные нормы и практики, отвечающие за разные аспекты гендерного неравенства: семейный кодекс (Family Code), гражданские свободы (Civil Liberties), личная неприкосновенность (Physical Integrity), предпочтения сыновьям (Son Preferences) и права собственности (Ownership Rights) [Social Institutions..., 2012]. Комплексно указанные субиндексы выявляют институты, которые вносят вклад в ухудшение положения женщин. SIGI даёт возможность проследить, какие именно социальные институты имеют провалы в проектировании и приводят к гендерной дискриминации.

По SIGI проведены две волны измерений (2009 и 2012 гг.) в странах, не являющихся членами ОЭСР. Этот индекс даёт представление о проблемных институтах и остаётся значимым даже при включении контрольных переменных региона, религии и уровня экономического развития [Branisa et al., 2010, p. 14–18]. В данной статье будет использован SIGI-2009 для сопоставимости временных показателей.

Как упоминалось выше, SIGI состоит из ряда субиндексов.

Субиндекс *Family Code* относится к сфере частной жизни и связан с институтами, которые влияют на принятие решений в рамках семьи, переговорную силу женщин в домашнем хозяйстве. В состав *Family Code* входят:

— *Parental Authority* — родительские права, отражающие право женщины быть опекуном ребенка во время брака и после развода;

— *Inheritance* — наследование на основе формального права наследования супругов;

— *Early Marriage* — ранний брак (измеряется процентом девушек от 15 до 19 лет, которые состоят/состояли в браке);

— *Polygamy* — распространенность полигамии в обществе (странам, в которых эта информация недоступна, присваивались баллы на основе семейного законодательства).

Civil Liberties охватывает показатели свободы передвижения и свободы одежды:

— *Freedom of Movement* характеризует возможность женщины свободно передвигаться за пределами дома;

— *Freedom of Dress* основан на обязательстве женщин использовать вуаль или паранджу для покрытия части своего тела в общественных местах.

Physical Integrity включает различные показатели, касающиеся насилия в отношении женщин:

— *Violence against Women* свидетельствует о существовании законов против насилия в семье, сексуального насилия или изнасилования и сексуального домогательства;

— *Female Genital Mutilation* измеряется процентом женщин, которые подвергались женскому обрезанию.

Ownership rights охватывает экономическую сферу и описывает доступ женщин к трем типам собственности:

— *Women's Access to Land* — право иметь в собственности землю;

— *Women's Access to Bank Loans* — возможность женщин брать кредит;

— *Women's Access to Property Other than Land* — права собственности на иные виды собственности.

Son Preferences — показатель вторичного соотношения полов, который отражает факт выборочных аборт после определения пола ребенка на ранних сроках беременности.

Все субиндексы принимают значения от 0 до 1, где 0 — отсутствие или очень низкий уровень гендерного неравенства, 1 — высокий уровень неравенства. SIGI-2009 учитывает все субиндексы в равной мере.

По результатам SIGI-2009 среди 102 стран, наименьший уровень гендерного неравенства, связанный с социальными институтами,

наблюдается в Парагвае, Хорватии, Казахстане, Аргентине и Коста-Рике. Низшие позиции в рейтинге занимают Судан, Афганистан, Сьерра-Леоне, Мали и Йемен. Различия в субиндексах между странами являются систематическими, на основе чего выделяются квантили стран по уровню гендерного неравенства [Branisa et al., 2010, p. 18–19].

Представления о гендерных ролях и экономическое поведение

Идея данной статьи заключается в проверке гипотезы о влиянии институциональной среды на механизм принятия индивидуальных решений с учетом гендерного фактора. Однако важной задачей исследования является не просто обоснование зависимости характеристик экономического поведения от институциональной среды, а объяснение механизма восприятия индивидом социальных норм через формирование стереотипов, представлений о гендерных ролях. SIGI — оптимальный показатель, отражающий состояние формальных и неформальных норм, социальных практик в каждой стране. Этот индекс поддается сопоставлению и имеет метрическую, а не номинальную шкалу, позволяет проводить дисперсионный анализ.

В качестве характеристик экономического поведения в ходе принятия решений выбраны склонность к риску, отношение к альтруизму и готовность к конкуренции. Для выявления перечисленных поведенческих характеристик использованы данные исследования World Values Survey (WVS), волна 2005–2008 [WVS 2005 Wave..., 2011]. Выборка сформирована по 21 стране, не входящей в ОЭСР (табл. 1). Такой выбор обусловлен тем фактом, что данные регионы демонстрируют наибольший гендерный разрыв в оплате труда [The Global Gender Gap Report, 2009, p. 27–29]. Кроме того, это необходимо для сопоставимости данных WVS и SIGI-2009.

Следует напомнить, что за характеристиками экономического поведения стоят убеждения и представления о том, что ожидает общество от женщины и мужчины. Гендерные стереотипы являются образцами поведения, отклонение от которых, как правило, вызывает неодобрение общества. Один и тот же стереотип может по-разному влиять на индивидуальные решения мужчин и женщин (табл. 2, 3). Выделяют традиционные стереотипы: женщина-домохозяйка, а мужчина — кормилец и глава семьи — и отклонения от традиционных гендерных ролей: женщина-карьеристка, женщина-расточительница, мужчина-альфонс и т.д. [Ickes, 1993, p. 79].

Для измерения склонности к риску, альтруизму и конкуренции использовалась степень согласия со следующими утверждениями WVS:

Таблица 1

Показатели гендерного неравенства исследуемых стран

Страна	Wage equality for similar work 2009* Из 134 стран	Estimated earned income 2009** Из 177 стран	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Аргентина	0.57 (106)	0.56 (71)	0.0486361	0	0.1287797	0	0
Бразилия	0.52 (114)	0.56 (69)	0.0689011	0	0.298769	0	0
Буркина-Фасо	0.81 (5)	0.66 (28)	0.5393882	0	0.6309179	0	0.3450181
Вьетнам	0.74 (23)	0.71 (16)	0.032424	0	0.3863392	0	0
Гана	0.77 (15)	0.71 (15)	0.3662139	0	0.3957452	0	0.5222482
Грузия	0.82 (3)	0.33 (119)	0.0648481	0	0.3863392	0	0
Замбия	0.76 (19)	0.54 (76)	0.6919716	0	0.3863392	0	0.6847302
Индия	0.66 (72)	0.32 (121)	0.6065527	0.598761	0.1699892	0.75	0.5222482
Индонезия	0.72 (36)	0.46 (98)	0.3540548	0.598761	0.3936178	0	0
Китай	0.71 (45)	0.65 (35)	0.004053	0	0.298769	1	0
Мали	0.74 (26)	0.66 (32)	0.7973498	0	0.9709072	0	0.3450181
Марокко	0.60 (91)	0.25 (129)	0.2627905	0	0.1287797	0.25	0.3450181
Молдова	--	0.63 (41)	0.0470149	0	0.2163499	0	0
Россия	0.66 (68)	0.63 (40)	0.1402772	0	0.1287797	0	0
Руанда	--	0.74 (5)	0.3297368	0	0.5151189	0	0.6847302
Таиланд	0.76 (17)	0.62 (43)	0.1564892	0	0.1699892	0	0
Тринидад и Тобаго	0.67 (66)	0.47 (96)	0.1516949	0	0.1699892	0.25	0
Украина	0.64 (77)	0.58 (63)	0.0405301	0	0.2163499	0	0
Уругвай	0.50 (119)	0.57 (65)	0.0526891	0	0.2163499	0	0
Эфиопия	0.64 (79)	0.61 (51)	0.3272618	0	0.7742441	0	0.6780117
ЮАР	0.67 (67)	0.45 (102)	0.4232618	0.298076	0.2163499	0	0.3450181

* [The Global Gender..., 2009]. ** [Human Development..., 2009].

- 1) для меня важны приключения и риск;
- 2) для меня важно помогать окружающим меня людям;
- 3) конкуренция — это хорошо.

В качестве индикаторов гендерных стереотипов, господствующих в обществе, принимались согласие/несогласие со следующими утверждениями:

- 1) *Housewife* — роль домохозяйки приносит женщине удовлетворение;
- 2) *Politic* — мужчины являются более успешными политическими лидерами, чем женщины;
- 3) *Business* — мужчины больше преуспевают в ведении бизнеса по сравнению с женщинами;
- 4) *University* — обучение в университете более важно для мальчика, чем для девочки;
- 5) *Rights* — равноправие мужчин и женщин является необходимым условием демократии;
- 6) *Divorce* — развод всегда оправдан;
- 7) *Abort* — аборт всегда оправдан;
- 8) *Beat* — для мужчины избиение жены оправданно.

В рамках анализа сохранена формулировка вопросов в соответствии с методологией WVS. Степень согласия с утверждениями в рамках WVS оценивалась по разным шкалам. Для однотипности представления данных и последующей обработки все ответы были приведены к двухбалльной шкале (согласен/не согласен).

Для доказательства неодинакового воздействия гендерных стереотипов на экономическое поведение мужчин и женщин был использован метод построения таблиц сопряженности и теста хи-квадрат с использованием программы SPSS Statistics 17.0; критический уровень значимости стандартизованных остатков 1,65, уровень значимости $p < 0,05$.

В табл. 2 и 3 поставлен знак «+», если выполняется утверждение: среди индивидов, имеющих/не имеющих данные стереотипы, выше, чем в среднем по выборке, удельный вес склонных/не склонных к риску/альтруизму/конкуренции. Иными словами, данные таблиц выявляют наличие групп индивидов с характерными представлениями о гендерных ролях и соответствующим типом экономического поведения.

Например, женщина, уверенная в удовлетворенности ролью домохозяйки, не склонна к риску и конкуренции. Мужчины, признающие в женщине домохозяйку, не склонны к альтруизму. Таким образом, один и тот же стереотип связан с разными факторами экономического поведения мужчин и женщин.

Убеждения в том, что основная роль женщины — домохозяйка, представление о мужчинах как о более успешных политиках и биз-

Таблица 2

Соотношение представлений о гендерных ролях и склонность к риску, конкуренции и альтруизму (женщины)

Согласна с утверждениями						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна
Housewife	+	-	+	-	-	-
Politic	-	-	-	-	-	-
Business	-	+	-	-	-	-
University	-	+	+	-	-	-
Rights	-	-	-	-	-	-
Divorce	+	-	+	-	-	+
Abort	-	-	+	-	-	+
Beat	-	+	+	-	-	+
Не согласна с утверждениями						
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна	Не склонна	Склонна
Housewife	-	+	-	-	+	+
Politic	-	-	-	-	-	-
Business	+	-	-	-	-	-
University	+	-	-	-	-	-
Rights	-	+	+	-	-	+
Divorce	-	+	-	-	-	-
Abort	-	-	-	-	-	-
Beat	+	-	-	-	-	-

Источник: составлено автором на основе исследования World Values Survey 2005—2008.

Соотношение представлений о гендерных ролях и склонность к риску, конкуренции и альтруизму (мужчины)

	Согласен с утверждениями					
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен
Housewife						
Politic	-	+				
Business	-	+	+			
University	-	+	+			
Rights	+	-		+		
Divorce			+			
Abort	-	+	+			
Beat	-	+	+			
	Не согласен с утверждениями					
	Риск		Конкуренция		Альтруизм	
	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен	Не склонен	Склонен
Housewife						
Politic	+	-			+	
Business	+	-				
University	+	-				+
Rights	-	+		-	+	
Divorce						+
Abort						+
Beat	+	-		-		+

Источник: составлено автором на основе исследования World Values Survey 2005—2008.

несмена относятся к традиционным гендерным ролям. Убеждения в том, что высшее образование более значимо для мальчиков, равноправие полов не является необходимым для демократии, оправдание разводов, аборт и домашнего насилия говорят об искажении гендерных ролей, выполняемых мужчинами и женщинами в повседневной жизни.

Описанные гендерные стереотипы формируются под влиянием институциональной среды: формальные и неформальные нормы ограничивают выбор и варианты поведения индивидов. Данная позиция объясняется в теории стереотипов П. Рикёра [Ricoeur, 1990, р. 11—16]: появившись стихийно, стереотипы подвержены изменениям в ходе исторического и культурного развития общества, а формальные нормы и социальные практики выступают в роли основных источников их изменений. Учитывая то, что гендерное законодательство имеет международно признанные стандарты, влияние стереотипов на формальные нормы должно быть минимальным (так как законодательные акты разрабатываются международными организациями, а не единолично представителями стран, подверженными стереотипам). Проблема подверженности стереотипам чиновников может решаться гендерным квотированием числа женщин в парламенте, как это было сделано в Руанде. Не стоит забывать, что в большинстве стран страдает не содержание законодательных актов, а мониторинг их исполнения. В представленной статье реализуется идея первичности стереотипов по отношению к характеристикам экономического поведения. Поскольку теория П. Рикёра говорит о том, что поведение людей соответствует их убеждениям, то отношение к риску, альтруизму и конкуренции также формируется под действием стереотипов. Идея П. Рикёра о первичности убеждений человека подтверждается другими исследователями [Eagly et al., 2000, р. 470], которые обосновывают в том числе и использование формальных норм для изменения стереотипов. В рамках данной работы проводится поиск методов решения проблемы гендерного неравенства, и в таком случае одним из возможных инструментов изменения патриархальных стереотипов является законодательная база. Обратная зависимость формальных норм от стереотипов отходит на второй план, иначе изменение последних во времени стало бы невозможным. Для выявления характера воздействия социальных институтов на представления о гендерных ролях в обществе в представленной статье используется метод дисперсионного анализа.

Дисперсионный анализ — анализ изменчивости признака под влиянием каких-либо контролируемых переменных факторов. Обобщенно задача дисперсионного анализа состоит в том, чтобы из общей вариативности признака выделить три частных вариативности:

- вариативность, обусловленную действием каждой из исследуемых независимых переменных;
- вариативность, обусловленную взаимодействием исследуемых независимых переменных;
- вариативность случайную, обусловленную всеми неучтенными обстоятельствами.

Вариативность, обусловленная действием исследуемых переменных и их взаимодействием, соотносится со случайной вариативностью. Показателем этого соотношения является F-критерий Фишера (частное от деления факториальной дисперсии на остаточную). Метод однофакторного дисперсионного анализа применяется в тех случаях, когда исследуются изменения резульативного признака (зависимой переменной) под влиянием изменяющихся условий или градаций какого-либо фактора. Расчеты начинаются с расстановки всех данных по столбцам, относящимся к каждому из факторов соответственно. Следующим действием становится нахождение сумм значений по столбцам (т.е. градациям) и возведение их в квадрат. Фактически метод состоит в сопоставлении каждой из полученных и возведенных в квадрат сумм с суммой квадратов всех значений, полученных во всем эксперименте. Программа SPSS Statistica 17.0, помимо критерия Фишера, позволяет получить итоговую таблицу с указанием значимости стандартизованных остатков и понять, какие группы значимо различаются по заданному признаку. Кроме того, предоставляется графическая интерпретация результатов, на основании которой можно сделать выводы о зависимости степени согласия с утверждениями от субиндексов SIGI. Стоит отметить, что в том случае, когда объясняющая переменная имеет метрическую, а зависимая переменная — ранговую шкалу, дисперсионный анализ также возможен (оси не стоит рассматривать в привычном контексте: в данном случае по оси ординат — объясняющая переменная, по оси абсцисс — зависимая).

В представленных ниже табл. 4 и 5 знак «+» указывает на положительную зависимость силы стереотипов (степень согласия с утверждением) от субиндексов, выступающих в качестве индикаторов уровня дискриминации в той или иной области институциональной среды. Знак «-» свидетельствует об обратной зависимости; знак «-+» — о параболической форме зависимости силы стереотипа от субиндекса.

Чем выше значение субиндекса *Civil Liberties* (что говорит о высоком уровне дискриминации в свободе передвижения и одежды), тем сильнее уверенность в удовлетворительности роли домохозяйки для женщины. Напротив, чем выше уровень дискриминации в законах о правах собственности, тем ниже уверенность женщин в удовольствии быть домохозяйкой. Высокий уровень гендерного

неравенства в законах и практиках семейного кодекса приводит к формированию у женщин искаженного стереотипа женской роли, основанного на вере в то, что мужчины — более успешные политики и бизнесмены; образование более важно для молодых людей, а не для девушек; равные права женщин и мужчин не являются необходимым условием демократии; избивание жены мужем оправданно.

Таблица 4

Взаимосвязь субиндексов SIGI и представлений о гендерных ролях (женщины)

	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Housewife		+	-	+	-
Politic	+				
Business	+		+		-+
University	+				
Rights	-				
Divorce					
Abort		-+			
Beat	+				+

Источник: составлено автором на основе исследований World Values Survey 2005–2008, SIGI-2009.

Поддержание описанных стереотипов характерно для склонных к риску и не склонных к конкуренции и альтруизму женщин, т.е. для нетрадиционной женской социальной роли. В таком случае в обществе исчезает система противодействия женщин чрезмерному риску мужчин. Стабильность доходов снижается, потому что, как говорилось выше, неприятие риска женщинами обеспечивает стабильность существенной части сбережений и инвестиций. Кроме того, мотив альтруизма в обществе сходит на нет. Однако женщины по-прежнему остаются несклонными к конкуренции, а значит, уровень доходов женщин не увеличивается, хотя рискованность инвестиционных решений, принимаемых женщинами, растет. В итоге гендерная дискриминация в области семейного законодательства приводит к отрицательным последствиям как конкретно для женщины (низкий доход), так и для общества в целом (нестабильные инвестиции, падение объема инвестиций в человеческий капитал, высокий уровень неравенства). Подтверждением данных закономерностей являются трудности с выплатой краткосрочных высокопроцентных микрокредитов женщинами Замбии, порождающие еще большую задолженность [Country Survey Zambia..., 2012, p. 8].

Что касается мужчин, то дискриминирующие законы семейного кодекса способствуют формированию тех же стереотипов, что

и у женщин (за исключением уверенности в успешности первых в сфере политики). Для приверженцев этих стереотипов характерно отсутствие склонности к конкуренции (в результате чего уровень доходов домашних хозяйств снижается): стереотип оправданности домашнего насилия свидетельствует о патриархальных пережитках в обществе; широко распространенный в обществе стереотип, что университеты важнее для мальчиков, обеспечивает мужчинам доступ к образованию без существенной конкуренции.

Таким образом, дискриминация в сфере семейного кодекса оказывает максимальное влияние на формирование стереотипов низкой значимости женской роли и патриархальных гендерных норм, что негативно сказывается на поведенческих установках мужчин и женщин и приводит к бедности [Yesuf, Bluffstone, 2009, p. 1030–1032]. Традиционная гендерная роль характерна для несклонных к риску и конкуренции, но альтруистичных женщин, что способствует стабильности потребительских расходов и инвестиций, росту вложений в человеческий капитал и более равномерному распределению доходов. В таком случае неприятие риска и склонность женщин к альтруизму выступают в качестве системы сдержек чрезмерной склонности мужчин к риску и их несклонности к альтруизму. Дискриминация женщин на рынке труда и ограничение свободы при принятии решений заставляет женщин отказываться от характерных для традиционной женской роли качеств и перенимать стереотипы мужского поведения, что отрицательно сказывается на доходе женщин (склонность к риску не всегда приводит к успешному инвестированию) и экономическом росте [Zilcha, 1996, p. 3–9].

Таблица 5

Взаимосвязь субиндексов SIGI и представлений о гендерных ролях (мужчины)

	Family Code	Civil Liberties	Physical Integrity	Son Preference	Ownership Rights
Housewife		+	-	+	-
Politic		+			
Business	+				-+
University	+				
Rights	-	-			-
Divorce			-+		
Abort			-+		
Beat	+				+

Источник: составлено автором на основе исследований World Values Survey 2005–2008, SIGI-2009.

Свобода в передвижениях и в одежде женщин служит индикатором уровня барьеров для их участия в политической и экономической жизни, так как ограниченное перемещение и нормы внешнего вида сокращают возможности женщин получать доход и распоряжаться им на равных с мужчинами. В этом случае в обществе укрепляется стереотип женщины-домохозяйки, которой несвойственно строить карьеру. Кроме того, в подобном обществе мужчины убеждены в правильности принимаемых ими политических решений и не считают равноправие мужчин и женщин необходимым для соблюдения норм демократии. Данные убеждения приводят к неприятию риска и конкуренции у женщин, склонности к риску и несклонности к альтруизму у мужчин. Тогда в обществе с дискриминирующими законами гражданских прав (передвижение и одежда) существуют традиционные гендерные роли: мужчина — кормилец, женщина — домохозяйка, однако снижается женский альтруизм и перераспределение доходов по мотиву альтруизма.

Субиндекс *Physical Integrity* выступает в качестве показателя гарантии неотчуждаемых прав человека. Высокая гендерная дискриминация по этому признаку свидетельствует о резко негативном патриархате, когда права женщин и детей оказываются второстепенными по отношению к правам мужчин. В таком обществе господствует уверенность в неудовлетворительной роли домохозяйки для женщины. Это означает, что в данном случае женщины склонны к риску, мужчины и женщины не склонны к альтруизму. В результате при прочих равных в указанном обществе будут наблюдаться высокий уровень неравенства и низкие инвестиции в человеческий капитал.

Субиндекс *Son Preference* характеризует общество, где жизнь женщины ценится ниже мужской. Это подтверждается абортами, младенческой и детской смертностью. Высокое значение индикатора неравенства *Son Preference* говорит о крайней степени гендерной дискриминации в обществе, являющейся угрозой жизни населения. Однако в рассматриваемой нами выборке из 21 страны показатели *Son Preference* отличные от нуля имеют всего 4 страны (Индия, Китай, Марокко, Тринидад и Тобаго). Для них свойственны убеждения в удовлетворительности роли домохозяйки для женщины, соответственно, женщины не склонны к риску и конкуренции, а мужчины склонны к риску. В подобной среде женщина чаще подвержена абортам на ранних сроках, когда пол ребенка уже можно определить (например, в Индии, несмотря на законодательный запрет сообщать пол ребенка до его рождения, женщины определяют его нелегально и принимают решение об аборте) [Майструк, 2013]. В итоге женщины не только не оказывают сопротивление гендерной дискриминации, но и способствуют ее укреплению. Как правило,

в таких странах наблюдается низкая отдача от инвестирования в человеческий капитал девочек, так как девушки уходят в семью мужа, а традиционные представления о гендерной роли женщины не позволяют строить карьеру и быть независимой от доходов мужа.

Дискриминация в доступе к правам собственности способствует отрицательному восприятию роли домохозяйки в обществе, ведет к оправданию домашнего насилия и отрицанию стереотипа кормильца. В таких обществах семья не играет никакой роли в аккумуляции доходов, так как высокое неравенство в правах собственности делает семейное партнерство невыгодным для женщины. Кроме того, мужчины не считают равноправие необходимым условием для демократии, из чего можно сделать вывод об укоренившихся принципах неравенства в обществе. Это подтверждает то, что отношения собственности — ключевой аспект как в экономике семьи, так и в экономике страны. Дискриминация в области прав собственности приводит к падению семейных ценностей и нетипичным для женщин склонности к риску и несклонности к альтруизму, иными словами, к расточительности. С другой стороны, мужчины в указанных обществах не склонны к конкуренции и альтруизму. Об отношении мужчин к риску нельзя сделать однозначных выводов, так как отрицание стереотипа кормильца действует на склонность к риску разнонаправленно с отрицанием необходимости равноправия для демократии. В данном случае отношение мужчин к риску будет зависеть от силы того или иного стереотипа. Таким образом, дискриминирующие формальные и неформальные нормы, гарантирующие права собственности, негативно сказываются на восприятии общих доходов семьи и их распределении. Как правило, подобная модель ведения домашнего хозяйства характерна для африканских стран, где распространен расширенный тип семьи и доходы от сельского хозяйства на душу населения низки.

Основной проблемой при выявлении причин гендерного неравенства является одновременное воздействие всех рассмотренных составляющих институциональной среды (субиндексов). Однако благодаря проведенному анализу могут быть установлены институциональные лаги, требующие первостепенного вмешательства. Так, дискриминирующие законы в области семейного законодательства и неприкосновенности личности приводят к нестабильности в экономике и снижению человеческого капитала. Следовательно, эту область законодательства необходимо пересматривать в первую очередь, иначе низкий уровень дискриминации в принятии и соблюдении остальных формальных норм может быть сведен на нет гендерным неравенством, вызванным дискриминирующим семейным кодексом и несоблюдением неотчуждаемых прав женщин.

Заключение

Проведенный анализ доказывает, что основной причиной гендерного разрыва в оплате труда и высокого уровня неравенства в обществе является дискриминирующая институциональная среда, которая способствует формированию стереотипов, далеких от традиционных представлений о роли женщины и мужчины в обществе, что приводит к распространенности высокорисковых решений, низкой конкуренции на рынке труда и падению инвестиций в человеческий капитал. В итоге общество склонно к бедности и нестабильности. Решение проблемы отсталости в экономическом развитии может лежать в сфере политики гендерного равенства, обеспечивающей баланс в степени риска, конкуренции и альтруизма принимаемых в обществе экономических решений.

Гендерные нормы действуют как асимметричный институт, поддерживая гендерную дифференциацию и формируя представления о социальных ролях мужчин и женщин. Являясь вовлеченным в систему ограничений экономического поведения, гендер как институт способствует возникновению гендерных различий в восприятии риска, альтруизма и конкуренции. Однако наряду с гендерными нормами существуют и гендерно дифференцированные институты, выступающие в роли катализаторов социально-экономического воздействия гендерных правил и убеждений. На обеспечение нейтральности таких институтов, как образование, власть и собственность, направлены меры политики гендерного равенства. Учитывая тот факт, что культурно-исторической особенностью представлений о гендерных ролях является их неоднородность и зависимость от семейных ценностей, религиозных взглядов и национальной принадлежности, необходимо комплексное институциональное проектирование во избежание гендерных перекосов. Универсальных методов сокращения уровня гендерного неравенства не существует, так как культурные нормы и традиции каждой страны могут как способствовать проводимой политике гендерного равенства, так и быть барьером для снижения гендерной асимметрии. Именно поэтому установление причинно-следственных связей на микро- и макроуровне является залогом успешной гендерной политики. В качестве дальнейшего направления исследования может быть предложено проведение эконометрического анализа с построением регрессии и выявлением силы причинно-следственных связей между показателями индивидуального дохода, дохода семьи, гендерными ролями, укоренившимися в обществе, и степенью гендерной дифференцированности институциональной среды.

Список литературы

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Институционализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М., 2002.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11.

Калабахина И. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. 2011. № 1.

Майструк Г. Запрет абортс приведет лишь к росту криминальных хирургических вмешательств // Голос столиц: сайт. 2013. Апрель. URL: http://newsradio.com.ua/rus/2013_04_09 (дата обращения: 20.04.2013).

Мезенцева Е. Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? М., 2003.

Мезенцева Е. Гендерные стереотипы в представлениях православных верующих // Гендерные стереотипы в современной России / Отв. ред. И.В. Назарова, Е.В. Лобза. М., 2007.

Римашевская Н. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Народонаселение. 2000. № 2.

Agenor P., Montiel P. Development Macroeconomics. New Jersey, 1996.

Algan Y., Cahuc P. Social Attitudes and Economic Development: An Epidemiological Approach // Institute for the Study of Labor (IZA): Website. Bonn, 2007. URL: <http://ftp.iza.org/dp2935.pdf> (last accessed data: 15.12.2013).

Bjornskov C., Dreher A., Fischer J. On Gender Inequality and Life Satisfaction: Does Discrimination Matter? // S-WoPEc: Website. 2007. URL: <http://swopec.hhs.se/hastef/papers/hastef0657.pdf> (last accessed data: 15.12.2013).

Branisa B., Ziegler M., Klasen S. The Institutional Basis of Gender Inequality // EconStor Website. 2010. URL: http://www.econstor.eu/bitstream/10419/39975/1/280_ziegler.pdf (last accessed data: 20.11.2013).

CIRI Human Rights Data Project // Humanrightsdata.org: Website. 2011. URL: <http://www.humanrightsdata.org/> (last accessed data: 10.03.2014).

Country Survey Zambia: Gender Differences in the Usage of Formal Financial Services // Making Finance Work for Africa: Website. 2012. URL: <http://www.mfw4a.org/documents-details/country-survey-zambia-gender-differences-in-the-usage-of-formal-financial-services.html?dl=1> (last accessed data: 20.02.2014).

Dugger W. Inequality: Radical Institutional Views on Race, Gender, Class and Nation. Westport, 1996.

Eagly A., Wood W., Diekmann A. Social Role Theory of Sex Differences and Similarities: A Current Appraisal. URL: <http://psycnet.apa.org/index.cfm?fa=search.displayRecord&UID=2000-03764-005>

Elson D. Labour Markets as Gendered Institutions // World Development. 1999. Vol. 27. N 3.

Folbre N. Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint. L., 1994.

Harriss-White B. Taking Gender: Social Institutions as Regulators of Markets // Agricultural Markets Beyond Liberalization / Ed. by A. Tilburg, H. Moll, A. Kuyvenhoven. Dordrecht, 2000.

Human Development Report (HDR). 2009 // HDR Website. 2009. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Complete.pdf (last accessed data: 12.12.2013).

Ickes W. Traditional Gender Roles: Do They Make, and Then Break, our Relationships? // J. of Social Issues. 1993. Vol. 49. N 3.

Jennings A. Public or Private? Institutional Economics and Feminism // Beyond Economic Man. Feminist Theory and Economics / Ed. by M. Ferber, J. Nelson. Chicago, 1993.

Krook M., Mackay F. Introduction: Gender, Politics and Institutions // Gender, Politics and Institutions: Towards a Feminist Institutionalism / Ed. by M. Krook, F. Mackay. Basingstoke, 2011.

Martin P. Gender as Social Institution // Social Forces. 2004. Vol. 82. N 4.

Mayhew A. Institutional Economics // The Elgar Companion to Feminist Economics / Ed. by J. Peterson, M. Lewis. Cheltenham, 1999.

Powell M., Ansic D. Gender Differences in Risk Behaviour in Financial Decision-Making: An Experimental Analysis // J. of Economic Psychology. 1997. Vol. 18. N 6.

Ricoeur P. Time and Narrative. Chicago, 1990.

Seguino S., Floro M. Does Gender Have Any Effect on Aggregate Saving? An Empirical Analysis // International Rev. of Applied Economics. 2003. Vol. 17. N 2.

Social Institutions and Gender Index (SIGI) Website. Country Profiles. 2012. URL: <http://genderindex.org/countries> (last accessed data: 20.12.2013).

The Global Gender Gap Report. 2009 // The World Economic Forum: Website. 2009. URL: <http://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2009> (last accessed data: 25.12.2013).

WVS 2005 Wave Data Files // World Values Survey: Website. 2011. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp?Idioma=I> (last accessed data: 15.09.2013).

Yesuf M., Bluffstone R. Poverty, Risk Aversion, and Path Dependence in Low-Income Countries: Experimental Evidence from Ethiopia // American J. of Agricultural Economics. 2009. Vol. 91. N 4.

Zilcha I. Altruism, Economic Growth and Income Distribution. Baltimore, 1996.

ДЕМОГРАФИЯ

Е.Я. Варшавская¹,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия),

О.С. Чудиновских²,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

МИГРАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ ВЫПУСКНИКОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ РОССИИ³

В статье представлены основные результаты исследования миграционных планов выпускников региональных российских вузов, в том числе оценка объема и структуры потенциального миграционного потока и характеристика факторов, влияющих на формирование миграционных намерений выпускников. Эмпирической основой исследования являются результаты опроса 2797 студентов выпускных курсов десяти вузов, расположенных в девяти крупных городах РФ. Методологически анализ основывается на подходах, принятых для исследования миграционных процессов, в частности факторов, определяющих миграционное поведение (притягивающих, выталкивающих или стабилизирующих) и выбор направлений потенциальной миграции (внутренней и международной).

Исследование показало, что выпускники региональных вузов выражают склонность к миграции в первую очередь в пределах России. Возвратная миграция имеет во многом «вынужденный» характер, оценивается выпускниками как экономически нецелесообразная и связана с наличием в родном городе определенной инфраструктуры (прежде всего жилья) и социальных связей. Потенциальную международную миграцию выпускников стимулируют факторы, связанные с дружелюбностью среды проживания, и высоко оцениваемые возможности получения хороших доходов. В качестве выталкивающего фактора действует выраженная неудовлетворенность различными аспектами жизнедеятельности внутри страны. Однако большинство выпускников, в том числе иногородних студентов, не планируют переезда по окончании вуза.

Результаты исследования могут быть использованы заинтересованными структурами на уровне страны и регионов для принятия управленческих решений в области молодежной, миграционной и образовательной политики.

¹ *Варшавская Елена Яковлевна*, докт. экон. наук, доцент, профессор кафедры управления человеческими ресурсами; тел.: +7 (495) 772-95-84; e-mail: evarshavskaya@hse.ru

² *Чудиновских Ольга Сергеевна*, канд. экон. наук, зав. сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического ф-та МГУ, директор центра миграционной политики ИУСП НИУ ВШЭ; e-mail: migrstat@yandex.ru

³ Статья основана на результатах проекта «Оценка миграционного потенциала студентов выпускных курсов высших учебных заведений стран СНГ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Ключевые слова: постобразовательная миграция, внутренняя миграция, возвратная миграция, международная миграция, миграционные намерения.

Е.Я. Varshavskaya,

Higher School of Economics — National Research University (Moscow, Russia),

O.S. Chudinovskikh,

Moscow State University, Higher School of Economics — National Research University (Moscow Russia)

MIGRATION INTENTIONS OF GRADUATES OF RUSSIA'S REGIONAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article presents the basic results of a research focused on migration intentions of university graduates in several regions of the Russian Federation, including estimation of scale and composition of potential migration flow as well as characteristics of the factors that influence the formation of migration intentions. The empirical information of the research is based on the results of a sample survey of 10 universities located in 9 regions of Russia. Methodology of the project is based on the approaches used in the research of migration process, including factors determining the difference in migration behavior (pulling, pushing or stabilizing) and the choice of destinations of potential movement (internal or international).

The research demonstrated that future graduates of regional universities more often intend to move within the country. Return migration in most cases is “forced”, respondents evaluate it to be economically unfavourable; it is caused by social ties and support (including dwelling) the graduates may have in the home city or town. Potential international migration is stimulated by factors related with friendly environment for residence as well as an opportunity to have high income. Dissatisfaction with different aspects of life in Russia works as the main push factor. However the majority of respondents after graduation do not intend to move anywhere from the city they study in.

The results of the research could be used by interested agencies at both regional and federal level as a ground for policy-making in the sphere of youth, migration and educational policies.

Key words: post-graduation migration, internal migration, return migration, international migration, migration intentions.

Введение. Ежегодно в мире сотни тысяч выпускников высших учебных заведений задаются вопросом: что делать по окончании вуза? Они принимают решение о начале или продолжении трудовой деятельности, дальнейшей учебе или сочетании того и другого. Выбор конкретного предприятия (организации, фирмы) или учебного заведения всегда подразумевает выбор населенного пункта, региона и/или страны, где расположено место будущей работы или обучения. Очень часто именно предполагаемое место прожи-

вания является доминантой в принятии решения о том, где человек будет работать или учиться. За выбором будущего места жительства стоит комплекс обстоятельств и факторов, отражающих представление молодых специалистов не только о возможностях найти работу с адекватной зарплатой или продолжить учебу в хорошем вузе, но и в целом о среде, в которой им предстоит жить. В связи с этим постобразовательная миграция представляется весьма интересным предметом исследования.

Для России же изучение миграционного поведения выпускников имеет особое значение, поскольку, в отличие от ситуации в зарубежных странах, учащимся в период существования СССР и первое десятилетие после его распада была свойственна скорее «оседлость», нежели мобильность. Даже иногородние студенты в большинстве случаев предпочитали оставаться в тех же городах, где прошли студенческие годы. Так, по оценкам, основанным на материалах Всесоюзной переписи населения 1970 г. и микропереписи 1994 г., не более трети иногородних выпускников уезжали из города, где учились [Чудиновских и др., 2003, с. 5].

Целью работы является оценка объема и структуры потенциального миграционного потока, а также анализ факторов, определяющих выбор места жительства после окончания учебы выпускниками региональных вузов. Эмпирической основой исследования выступают результаты опроса 2797 студентов выпускных курсов десяти вузов, расположенных в девяти российских городах — Екатеринбург, Иркутске, Калининграде, Кемерово, Набережных Челнах, Омске, Перми, Ростове-на-Дону и Самаре. Опрос проводился весной—осенью 2013 г.⁴ Основной целевой группой являлись студенты — граждане России, хотя это не было условием участия в опросе. Доля иностранцев среди опрошенных была незначительна — 2,3%, что близко к общероссийскому показателю (2,7% в 2012/13 учебном году [Российский статистический..., 2013]).

Состояние исследования проблемы. За последние 15–20 лет в российской научной литературе появились работы, посвященные изучению потенциала внутренней и международной миграции студентов российских вузов, в том числе в контексте «утечки умов» [Катровский, 1999; Леденёва, 1995]. В большинстве исследований на основе данных социологических опросов анализируются миграционные намерения выпускников вузов отдельных регионов

⁴ Данное исследование имеет две особенности. Во-первых, оно является частью проекта, посвященного анализу миграционных намерений выпускников вузов России (в том числе Москвы и Санкт-Петербурга, которые в данном случае исключены из анализа), а также нескольких стран СНГ. Во-вторых, оно во многом продолжает исследование Центра по изучению проблем народонаселения МГУ, проведенное в 2001–2002 гг. [Чудиновских и др., 2003]. Однако сравнение результатов обоих опросов лежит за рамками данной статьи и, кроме того, имеются ограничения, связанные с особенностями выборки.

России [Горбачева, 2006; Зубков, 2013; Мотрич и др., 2008] или молодых специалистов, получивших конкретные специальности (например, выпускников медицинских вузов) [Разработка комплекса мероприятий..., 2013].

Зарубежный опыт изучения постобразовательной миграции выпускников весьма обширен и основывается на более разнообразных данных. В частности, анализируются базы данных учебных заведений (часто объединенные на государственном уровне), в которых отражена последующая биография выпускников, например База данных лонгитюдного обследования выпускников высших учебных заведений Агентства по статистике высшего образования Великобритании [Destinations of Leavers...]. В контексте более широкого исследования влияния вузов на региональную экономику и формирование человеческого капитала изучаются миграционные биографии и «траектории» выпускников, причем переезд на учебу и постобразовательная миграция рассматриваются как звенья единого процесса [Sage et al., 2012; Mosca, Wright, 2010, p. 36–53]. Отдельное место в исследованиях занимает изучение детерминант [McCann, Sheppard, 2002; Faggian, McCann, 2006] и мотивов постобразовательной миграции [Marinelli, 2011].

Основные характеристики респондентов. Информация о распределении респондентов по вузам, форме обучения (бюджетная/контрактная) и месту проживания до поступления (местные/иногородние) представлена в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов по вузам, форме обучения и месту проживания

Название вуза	Опрошено		Доля респондентов, обучающихся по контракту, %	Доля иногородних респондентов, %
	человек	% от числа опрошенных		
Балтийский федеральный университет (г. Калининград)	302	10,8	17,5	40,8
Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск)	300	10,7	58,2	51,0
Кемеровский государственный университет	290	10,4	11,4	47,6
Набережночелнинский институт Казанского федерального университета (КФУ)	167	6,0	83,7	33,5
Омский государственный университет	292	10,4	25,3	25,8

Название вуза	Опрошено		Доля респондентов, обучающихся по контракту, %	Доля иногородних респондентов, %
	человек	% от числа опрошенных		
Пермский государственный национальный исследовательский университет	300	10,7	26,3	34,1
Самарский государственный медицинский университет	350	12,5	15,1	68,1
Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург)	256	9,2	26,3	65,2
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)	207	7,4	38,7	55,4
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)	333	11,9	13,3	52,9
<i>Итого</i>	<i>2797</i>	<i>100,0</i>	<i>28,5</i>	<i>48,3</i>

Большинство респондентов (80,5%) являются выпускниками специалитета, 13,1% заканчивают бакалавриат, 6,4% — магистратуру. Такое распределение отражает переходный период, который переживают региональные вузы в связи с внедрением двухуровневой системы высшего профессионального образования.

71,5% респондентов учатся за счет государственного бюджета. Наиболее распространено контрактное обучение в вузах и на факультетах, готовящих специалистов по популярным направлениям, к которым относятся в первую очередь «Экономика и управление» и «Правоведение».

Распределение респондентов на две базовые для нашего исследования группы — местных (которые до поступления проживали и проживают в том же городе, где учатся) и иногородних (приехавшие на учебу из других мест) — показало, что доля местных среди выпускников, участвующих в исследовании, составила 51,7%, иногородних — 48,3%. Вузы отличаются значительной дифференциацией по этому показателю (табл. 1).

Лидерами по доле иногородних студентов оказались два региональных медицинских вуза — Самарский (68,1%) и Уральский (65,2%). Следует обратить внимание на то, что в данных вузах значительно выше, чем в других, доля студентов, поступивших по це-

левому набору, — 34,0 и 31,7% соответственно (средняя по выборке втрое меньше — 10,4%)⁵. При этом абсолютное большинство (90,8%) студентов-целевиков в этих вузах — иногородние студенты. В Самарский медицинский университет почти половина (48,5%) иногородних респондентов поступили по целевому набору, в Уральский — 40,8%. Целевой набор в большей мере распространен среди иногородних студентов, шестая часть (16,2%) которых поступила в вуз таким образом. Доля «целевиков» среди местных респондентов втрое ниже — 5,1%. Иначе говоря, целевой набор является механизмом, который используется для поступления в вузы иногородней молодежью, уступающей по уровню подготовки своим сверстникам, закончившим школы в крупных региональных городах, имеющих учебные заведения.

Среди опрошенных 72,9% составили девушки и всего 27,1% — юноши. Преобладание среди респондентов девушек связано с тем, что опрос проводился в вузах и на факультетах, готовящих студентов по экономическим, гуманитарным, социальным, медицинским наукам. Средний возраст респондентов составлял 22,4 года. Свыше 80% опрошенных (84,1%) — это молодежь в возрасте 21–23 лет.

Большинство опрошенных выпускников (83,9%) никогда не состояли в браке; 9,2% ответили, что состоят в зарегистрированном браке, еще 5,8% — в незарегистрированном браке. Дети имеются у 5,1% опрошенных.

Выбор места учебы, по оценкам опрошенных, определяется главным образом четырьмя факторами. Первый — престиж вуза, о чем упомянул каждый второй респондент (50,1%). Около 43% респондентов указали в качестве ключевого фактора выбора вуза возможность учиться бесплатно. На третьем месте по частоте упоминаний оказались престижность факультета/направления подготовки (38,4%) и хороший уровень образования (34,0%).

Планы респондентов — учеба или работа? Прежде чем давать характеристику миграционным планам респондентов, нужно описать их представления о будущем.

Более половины выпускников (54,5%), отвечая на вопрос: «Что Вы собираетесь делать после окончания вуза?» — однозначно заявили: работать. Четверть (26,0%) собирается совмещать работу и учебу, каждый десятый (10,3%) — продолжить обучение. Планы респондентов — выпускников бакалавриата, специалитета и магистратуры различны. Выпускники бакалавриата гораздо чаще связывают ближайшее будущее с продолжением обучения. Так, совмещать учебу с работой намерены более трети (35,2%), только учиться — чет-

⁵ В этих двух вузах обучаются 69% всех студентов-целевиков.

верть (24,6%). Всего 27,9% оканчивающих бакалавриат собирается только работать, что вдвое меньше, чем среди выпускников специалитета (58,0%), и в 2,5 раза меньше, чем среди выпускников магистратуры (68,3%). Очевидно, что бакалавриат рассматривается многими респондентами как не совсем законченное (полноценное) высшее образование.

Объем и структура потенциального миграционного потока. Базовые вопросы исследования о миграционных планах задавались в нескольких вариантах, что позволило проверить согласованность ответов респондентов и уточнить их представления.

Для анализа респонденты были разделены на 4 группы:

1) немигранты — те, кто собирается остаться в городе, где находится вуз;

2) возвратные мигранты — выпускники, собирающиеся вернуться в населенный пункт, откуда приехали на учебу;

3) внутренние мигранты — респонденты, планирующие переехать в другое место в пределах РФ;

4) международные мигранты (эмигранты) — планирующие переехать в другую страну.

Распределение ответов на вопрос о будущем месте жительства («Где Вы собираетесь жить по окончании вуза?») представлено в табл. 2.

Половина (51,6%) респондентов намерены остаться в городе, где проходило обучение. В среднем место жительства предполагают сменить 29,2% респондентов. С точки зрения направлений возможной миграции 15,2% опрошенных можно отнести к потенциальным внутренним мигрантам, 7,1 — к возвратным, 6,9% — к международным. Почти пятая часть (19,3%) выпускников затруднились с ответом на вопрос о предполагаемом месте жительства после окончания вуза. Таким образом, объем потенциального миграционного потока можно оценить в 30–33% выпускников. При этом в структуре миграции выпускников региональных вузов РФ внутренняя миграция (включая возвратную) составляет основную часть (около 75%)⁶.

Объем миграционного потенциала различается по вузам, участвовавшим в опросе. Наиболее высокая доля студентов — потенциальных мигрантов в Самарском медицинском (36,4%), Омском и Балтийском университетах (32,6 и 31,2% соответственно). Минимальную склонность к миграции проявили студенты из Уральского экономического университета (20,1%).

⁶ Речь идет о выпускниках региональных вузов. Среди студентов вузов Москвы и Санкт-Петербурга доля потенциальных внутренних мигрантов, скорее всего, была бы меньше.

Таблица 2

Объем и структура потенциального миграционного потока по вузам

Название вуза	Собираются остаться в городе, где находится вуз (немигранты)	Собираются переехать (потенциальные мигранты), в том числе				Затруднились ответить
		в город / населенный пункт, откуда приехали на учебу (возвратные мигранты)	в другой город / населенный пункт РФ (внутренние мигранты)	в другую страну (эмигранты)	всего (столбец 4+5+6)	
Балтийский федеральный университет	46,0	3,7	10,7	16,8	31,2	22,8
Байкальский государственный университет экономики и права	60,3	11,3	14,7	2,7	28,7	11,0
Кемеровский государственный университет	56,3	6,1	14,0	4,7	24,8	19,0
Набережночелнинский институт КФУ	51,5	1,2	20,4	6,6	28,2	20,4
Омский государственный университет	43,6	3,2	23,0	7,4	33,6	22,7
Пермский государственный национальный исследовательский университет	54,8	2,0	13,3	8,7	24,0	20,7
Самарский государственный медицинский университет	42,1	13,8	18,9	3,7	36,4	21,5
Уральский государственный медицинский университет	52,5	16,8	12,3	1,2	30,3	17,2
Уральский государственный экономический университет	62,3	6,4	8,8	4,9	20,1	17,6
Южный федеральный университет	51,7	4,0	14,9	10,2	29,1	19,2
В среднем по массиву	51,6	7,1	15,2	6,9	29,2	19,3

Еще более кардинально (по сравнению с объемом) различается структура миграционного потока по направлениям (рис. 1). Отчетливо выделяется группа вузов, выпускники которых проявляют в первую очередь склонность к международной миграции. Прежде всего это респонденты из Балтийского федерального университета, более половины (53,8%) от числа потенциальных мигрантов которого планируют эмиграцию. Заметно выше среднего показателя удельный вес потенциальных международных мигрантов среди выпускников Пермского национального и Южного федерального университетов (35,6 и 35,1% соответственно). На другом «полюсе» расположены вузы, выпускники которых выразили готовность к миграции главным образом в пределах России (Уральский и Самарский медицинские университеты, Байкальский университет экономики и права). Среди потенциальных мигрантов из названных вузов доля международных мигрантов составляет 4,1, 10,2 и 9,5% соответственно.

Анкета, используемая для исследования, содержала также вопрос, позволяющий выяснить отношение респондента к вероятности личного отъезда за границу. Варианты ответов «Решение об отъезде в принципе мною принято» и «Точно уезжаю» выбрали 4,7% респондентов, которых можно отнести к потенциальным международным мигрантам. Более половины опрошенных (54,4%) не расположены к эмиграции, они ответили: «При любых обстоятельствах будут жить и работать в своей стране» и «Считаю отъезд маловероятным». Задумываются об отъезде 26,3% выпускников. Но этих респондентов, по мнению авторов статьи, нет оснований включать в группу склонных к внешней миграции. Следует признать, что довольно часто такие ответы интерпретируются как сформировавшееся решение об эмиграции, однако между размышлениями и реальными шагами к отъезду за рубеж — очень большая дистанция.

Ответы студентов о готовности к международной миграции отличаются достаточно высоким уровнем согласованности и непротиворечивости. Так, две трети (66,1%) потенциальных международных мигрантов (вопрос об отношении к возможности личного отъезда за границу) заявили, что после окончания вуза собираются жить за границей. Среди задумывающихся о возможности отъезда таких оказалось существенно меньше — 12,3%, а среди тех, кто не допускает для себя такой возможности или считает ее маловероятной, их практически нет (менее 0,6%). Таким образом, полученные результаты позволяют оценить объем потенциальной внешней миграции в размере не более 5–6% выпускников российских региональных вузов. Безусловно, за этими процентами кроются тысячи выпускников. По данным Росстата, в 2013 г. выпуск государственных

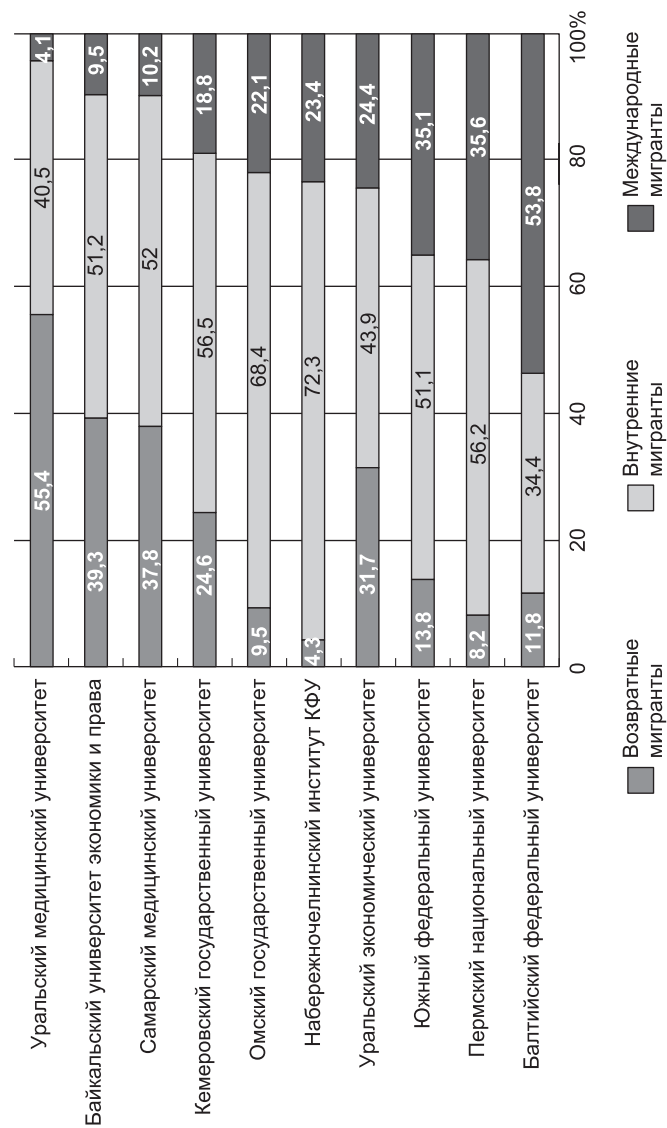

Рис. 1. Структура потенциального миграционного потока по вузам (в % от числа респондентов, выразивших готовность к переезду)

и муниципальных вузов составил 1060 тыс. человек [Социально-экономическое положение..., 2013], поэтому потенциал эмиграции молодежи может находиться в пределах 50–60 тыс. человек в год.

Следует отметить, что планы респондентов, предполагающих продолжать обучение в той или иной форме, чаще связаны с отъездом за границу по сравнению с планами тех, кто имеет исключительно «трудовые» намерения. Так, среди выпускников, собирающихся работать, только 4,8% заявили, что планируют жить в другой стране; в то же время среди тех, кто намерен продолжать учебу, таких оказалось вдвое больше (9,4%).

Потенциальные международные мигранты собираются переезжать за границу на продолжительное время. Наиболее предпочтительным видом эмиграции треть опрошенных (33,7%) назвали переезд на постоянное место жительства, пятая часть (20,6%) — долгосрочный контракт (более 1 года). Четверть респондентов (26,1%) затруднились с ответом на данный вопрос.

Особого внимания заслуживает вопрос о возвратной миграции, так как Россия отличается от многих стран тем, что иногородние студенты после окончания вуза в подавляющем большинстве случаев не возвращаются домой, а остаются в тех городах, где учились. Как уже отмечалось, в среднем около 7% от общего числа опрошенных выпускников выразили намерение вернуться в родной город. Однако более корректные данные об объеме потенциального потока к прежнему месту жительства дает показатель «Доля возвратных мигрантов в численности иногородних студентов вуза» (рис. 2).

В среднем 13,7% иногородних студентов собираются вернуться в город, в котором жили до поступления в вуз. Скорее всего, доля возвратных мигрантов может несколько увеличиться за счет тех, кто на момент опроса еще не принял решение о предполагаемом месте жительства, однако она вряд ли превысит 16–18%. В итоге с учетом других направлений миграций доля иногородних студентов, оставшихся в городе, в котором проходила учеба, составит не менее 50–55%.

Наблюдается существенная дифференциация вузов по доле потенциальных возвратных мигрантов в численности иногородних студентов. К вузам-лидерам относятся Уральский и Самарский медицинские университеты, а также Байкальский университет экономики и права, в которых пятая часть иногородних студентов заявила о намерении вернуться в родной город. Минимальную готовность к возвратной миграции продемонстрировали респонденты из Набережночелнинского института КФУ и Пермского университета, в которых доля возвратных мигрантов в числе иногородних выпускников не превышает 5%.

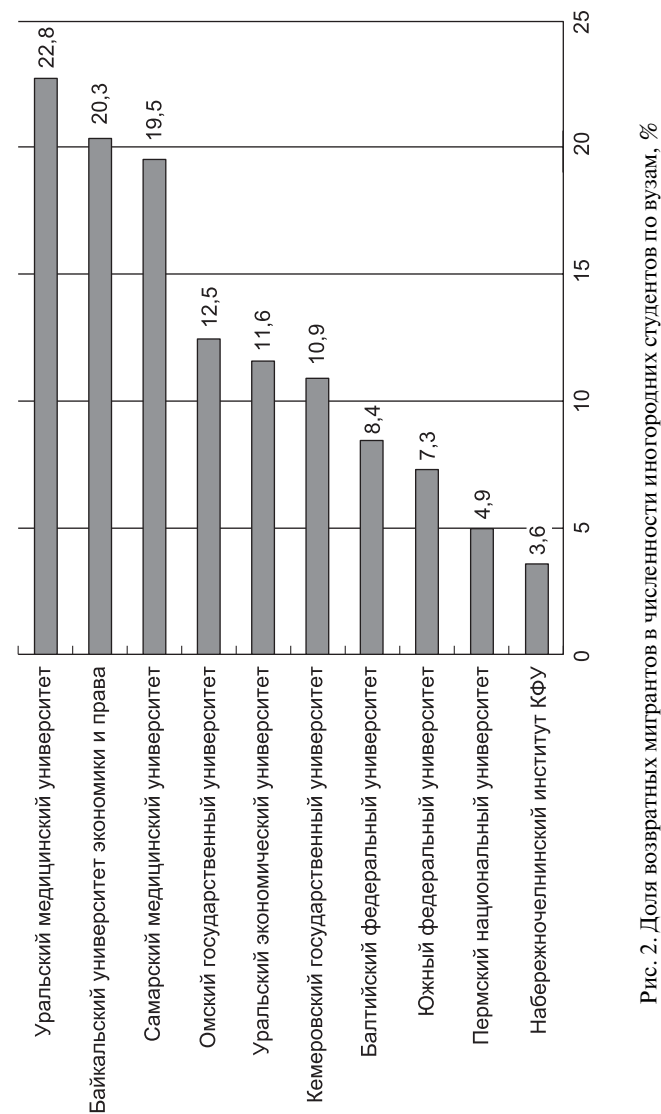

Рис. 2. Доля возвратных мигрантов в численности иногородних студентов по вузам, %

Относительно высокий уровень намерений вернуться обеспечивается механизмом целевого набора. Четверть иногородних студентов-целевиков (24,4%) высказали намерение вернуться в родной город⁷, среди поступивших по общему конкурсу таких было 8,8%, по договору платного обучения — 16,6%.

В процессе исследования рассматривался вопрос о влиянии прошлого миграционного опыта на готовность к новой миграции (иначе говоря, кто более мобилен — местные или иногородние студенты?). Иногородние студенты в целом проявляют себя более настроенными на переезд, чем местные (табл. 3). Большая миграционная мобильность иногородних респондентов определяется в первую очередь распространенной среди них установкой на возвратную миграцию. Несколько выше среди иногородних студентов и готовность к миграции в другие города или регионы в пределах Российской Федерации.

В свою очередь более выраженную склонность к переезду в другую страну продемонстрировали местные студенты: среди них такой выбор сделали 9,3% по сравнению с 4,3% иногородних. Повышенные миграционные запросы местных студентов в отношении международной миграции понятны: для иногородних студентов перспектива остаться в том же городе, где прошла учеба, уже во многом означает расширение возможностей и улучшение условий жизни и работы, для местных выпускников ситуация выглядит по-другому.

Таблица 3

Миграционные планы местных и иногородних студентов (процент по столбцу)

Вопрос: «Где Вы собираетесь жить после окончания вуза?»	Местные студенты			Иногородние студенты		
	в среднем	юноши	девушки	в среднем	юноши	девушки
1. В городе, где находится вуз	57,9	56,8	58,2	45,5	36,3	47,9
2. В населенном пункте, откуда приехал	0	0	0	13,7	15,2	13,3
3. В другом населенном пункте России	13,5	9,7	15,4	17,1	15,2	17,7
4. В другой стране	9,3	11,5	8,3	4,3	5,2	4,0
<i>Потенциальные мигранты (сумма строк 2, 3, 4)</i>	<i>22,8</i>	<i>21,2</i>	<i>23,7</i>	<i>35,1</i>	<i>35,6</i>	<i>35,0</i>
5. Затрудняюсь ответить	19,2	21,9	18,1	19,5	28,1	17,1

⁷ Согласно нормативным документам, студент, поступивший в вуз по целевому набору, обязан после окончания обучения трудоустроиться в той организации, которая его направила на учебу, и отработать там не менее 3 лет. При несоблюдении указанной нормы работодатель вправе обратиться в суд и через него взыскать с нарушителя расходы по обучению. Иначе говоря, по букве закона уровень возврата студентов-целевиков должен составлять 100%. Однако на практике вопрос возвращения решается не всегда однозначно.

Более детальный анализ с учетом гендерного фактора подтверждает сделанные выше выводы. Иногородние юноши и девушки имеют большую склонность к миграции в пределах страны, главным образом за счет возвратной миграции, но меньшую к внешней миграции. При этом миграционные планы иногородних юношей и девушек практически идентичны. Значительный разрыв в доле немигрантов среди иногородних юношей и девушек (11,6 п.п.) объясняется высокой долей неопределившихся молодых людей среди приезжих, которая на 10,0 п.п. превышает данный показатель среди их иногородних сверстниц. Местные девушки выразили большую готовность к переездам внутри России, юноши — к миграции за рубеж.

В целом, по данным опроса, 49,0% юношей и 52,9% девушек не собираются уезжать из города, в котором находится вуз. Однако на основании этих данных нельзя говорить о большей склонности к миграции юношей, так как доля потенциальных мигрантов среди девушек несущественно, но все-таки больше по сравнению с юношами (29,6 и 26,7%). Такое соотношение потенциальных мигрантов и немигрантов объясняется тем, что планы девушек более конкретны: среди них меньше затруднившихся ответить на вопрос о том, где они собираются жить после окончания вуза (17,5 и 24,3%). Таким образом, к моменту завершения учебы миграционные намерения юношей и девушек практически идентичны. Однако на этапе «школа — вуз» девушки демонстрируют большую миграционную подвижность, чем юноши. Более половины девушек (51,9%) проживали до поступления в вуз в другом населенном пункте, среди юношей таковых на треть меньше — 38,6%.

Мотивация миграционного выбора. Несомненный интерес представляет проблема мотивации миграционного поведения. В табл. 4 представлены результаты ответов на вопрос: «Почему Вы собираетесь уехать именно в этот город/страну?» — среди групп респондентов с разными миграционными планами и в среднем по всему массиву.

Абсолютными лидерами по популярности являются две причины выбора места жительства — оплата труда («Там я могу рассчитывать на хорошую зарплату») и его содержание («Там я могу найти интересную работу»). На них указал почти каждый второй респондент. Далее по значимости (с существенным отрывом) идет ответ, связанный с образом города/страны мечты, который отметила четверть опрошенных.

Иерархия причин выбора предполагаемого места жительства дифференцирована в различных группах потенциальных мигрантов. В ответах потенциальных возвратных мигрантов первую позицию в рейтинге, причем со значительным отрывом от остальных, ожидаемо занимает вариант «Это мой родной город». Его выбрали

две трети респондентов (67,1%), что в 4,4 раза больше среднего показателя. Причины, связанные с хорошей зарплатой и интересной работой, выбираются возвратными мигрантами значительно реже, чем в остальных группах. С другой стороны, гораздо чаще ими в качестве обоснования выбора называется социальная поддержка («Там живут мои родственники, друзья, которые могут помочь, поддержать»), а также наличие жилья («Там есть где жить»). Очевидно, что высокие цены на покупку недвижимости и аренду жилья в крупных региональных центрах, где расположены вузы, заставляют молодежь возвращаться в родные города, даже несмотря на низкие перспективы на высокую зарплату и интересную работу.

Таблица 4

Причины выбора места жительства респондентами с разными миграционными планами (в процентах от числа ответивших*)

Причины	Немигранты	Возвратные мигранты	Внутренние мигранты	Эмигранты	В среднем
Это мой родной город / страна	13,7	67,1	5,8	6,7	15,4
Это родной город / страна супруга(и)	2,0	10,1	4,7	0,7	3,9
Хочу продолжить учебу в вузе этого города / страны	20,9	1,3	14,6	24,4	16,5
Там я могу найти интересную работу	45,1	11,4	52,6	49,6	45,1
Там я могу рассчитывать на хорошую зарплату	43,1	22,8	48,2	45,9	43,4
Там есть где жить	9,2	22,8	11,3	10,4	12,0
Там живут мои родственники, друзья	15,0	32,9	21,2	16,3	20,1
Там есть спрос на специалистов моего профиля	11,8	12,7	16,4	17,8	15,1
Там планирую изменить семейный статус	11,8	10,1	21,9	17,0	17,0
Из этого города / страны получил приглашение на работу или учебу	3,3	7,6	3,6	5,2	4,4
Это «город / страна моей мечты»	26,8	8,9	24,5	39,3	26,2

* Респонденты могли выбрать от одного до трех вариантов ответов, поэтому сумма по столбцу превышает 100.

По сравнению с возвратными мигрантами среди тех, кто собирается жить в других (неродных) российских городах, особенно много назвавших в качестве причин интересную работу (52,6%) и хорошую зарплату (48,2%).

Среди потенциальных мигрантов за рубеж, так же как и в группе внутренних мигрантов, высок удельный вес назвавших вполне прагматические причины, связанные с работой — интересная работа (42,3%) и высокая зарплата (45,9%), — которые вместе с тем уживаются с несколько идеалистической формулировкой «Это город/страна моей мечты» (39,3%). Ни в одной другой группе мигрантов эта причина не входит в тройку лидеров по своей значимости.

Респондентов просили оценить по 5-балльной шкале характеристики места, куда они хотели бы уехать. Полученные оценки представлены в табл. 5.

Таблица 5

Средние оценки характеристик предполагаемого места жительства*

Характеристики	Немигранты	Возвратные мигранты	Внутренние мигранты	Эмигранты	В среднем
Возможность трудоустройства по любой другой специальности	3,75	3,44	4,14	4,07	3,92
Возможность трудоустройства по своей специальности	4,06	4,23	4,09	3,85	4,02
Возможность получения высоких доходов	4,18	3,79	4,33	4,45	4,23
Возможность найти / получить жилье	3,53	3,55	3,60	4,02	3,68
Наличие родственников	2,83	4,09	2,31	2,15	2,63
Наличие друзей, хороших знакомых	3,35	3,87	3,00	2,90	3,17
Профессиональные контакты	3,07	3,37	2,37	2,36	2,75
Экологическая обстановка	3,47	3,74	3,03	4,10	3,48
Безопасность	3,57	3,96	3,28	4,26	3,66
Культурная среда	4,01	3,75	4,20	4,66	4,15
Толерантность общества	3,80	3,78	3,73	4,59	3,90
Приемлемый уровень жизни	4,08	4,00	4,13	4,73	4,18

* Оценки выставлялись по 5-балльной шкале, где 1 — очень плохо, 5 — очень хорошо.

В ходе исследования было выяснено, что студенты, собирающиеся уехать за рубеж, чаще других давали наиболее высокие оценки характеристикам будущего места жительства. Исключение (и это вполне естественно и логично) составляют параметры, связанные со степенью развитости социальных связей — наличием родственников, друзей и знакомых, профессиональных контактов. В число наиболее высокооцениваемых характеристик вошли приемлемый уровень жизни, культурная среда, толерантность общества. С незначительным отрывом на четвертом и пятом месте оказались возможность получения высоких доходов и безопасность. Иными словами, наиболее высоко респонденты ставили те факторы, которые делают более «дружелюбными» условия жизни и ее среду в будущем месте жительства, несмотря на то что перспективы трудоустройства там были оценены относительно низко. Интересно, что возможность найти/получить жилье для потенциальных международных мигрантов имеет более высокую значимость по сравнению с другими группами респондентов.

Для тех, кто выразил намерение переехать в другой российский город, наиболее важными оказались возможность получения высоких доходов, трудоустройства (в том числе и по своей специальности), культурная среда, а также приемлемый уровень жизни.

Потенциальные возвратные мигранты по сравнению с другими группами респондентов выше всего оценили параметры, относящиеся к развитости социальных связей: наличие родственников, друзей и знакомых, профессиональных контактов. Нужно подчеркнуть, что высокую оценку получила также возможность трудоустройства по специальности (скорее всего, также благодаря наличию развитых социальных связей и сетей) при том, что шансы трудоустройства вообще были оценены очень низко. В этой связи показательными являются сравнительные оценки перспектив найти работу по специальности в родном городе и в городе, где расположен вуз, которые дали иногородние студенты — потенциальные возвратные мигранты и немигранты (собирающиеся остаться в городе, где проходило обучение) (табл. 6).

Оценки перспектив трудоустройства выпускников без опыта работы в городе, где расположен вуз, иногородних студентов — возвратных мигрантов и остающихся в городе — месте учебы практически полностью совпадают. Причем негативные оценки значительно преобладают над положительными. Однако представления о ситуации с трудоустройством в родном городе кардинально расходятся. Выпускники, планирующие вернуться, оценивают шансы трудоустройства в родном городе значительно лучше, чем те, кто собирается оставаться в городе, где учатся. Так, плохими их назвали 17,9% возвратных мигрантов и 32,9%, т.е. почти вдвое больше,

собирающихся остаться. 38,6% возвратных мигрантов считают перспективы трудоустройства выпускников без опыта работы в родном городе высокими по сравнению с 23,5% немигрантов. В результате, по мнению возвратных мигрантов, в родном городе они имеют существенно более высокие шансы устроиться на работу, чем в городе, где находится вуз.

Таблица 6

Оценка перспектив трудоустройства выпускника вуза без опыта работы (процент по столбцу)

Степень оценки	Иногородние студенты, собирающиеся вернуться в родной город		Иногородние студенты, остающиеся в городе, где учатся	
	в родном городе	в городе, где расположен вуз	в родном городе	в городе, где расположен вуз
Очень высокие и высокие	38,6	17,3	23,5	12,1
Средние	43,4	54,8	43,6	58,4
Плохие и шансов нет	17,9	27,8	32,9	29,4

В анкете некоторые вопросы касались возможного уровня заработной платы выпускников вузов в месте учебы и в месте предполагаемого жительства. Иногородние студенты также оценивали зарплату, на которую они могли бы рассчитывать в случае возвращения домой. В итоге не удалось обнаружить существенные различия в оценках размеров заработной платы иногородними студентами, возвращающимися домой и собирающимися остаться в городе, в котором они учатся. И те и другие полагают, что в случае возвращения в родной город их заработная плата составит в среднем около 25 тыс. рублей. Если они останутся в городе — месте учебы, то средний размер заработка возрастет до 29–30 тыс. рублей. Иначе говоря, возвращение домой предполагает, по мнению всех респондентов (как потенциальных мигрантов, так и немигрантов), 20-процентную потерю заработной платы.

Респонденты, собирающиеся переехать в другую страну после окончания обучения, считают, что этот переезд обеспечит им работы, как минимум втрое превышающие те, которые бы они получали в городе, где находится вуз. По их представлениям, если они останутся там, где учатся, заработная плата после окончания вуза составит в среднем около 27 тыс. рублей⁸, а в предполагаемом месте переезда — около 86 тыс. рублей.

⁸ Респонденты, планирующие остаться в городе — месте учебы, оценили предполагаемый уровень зарплаты аналогичным образом — чуть более 27,5 тыс. рублей.

Таким образом, возвратная миграция является для иногородних студентов субъективно экономически нецелесообразной. Она связана с потерей в уровне будущего заработка и низко оцениваемой возможностью получения высоких доходов. Вероятно, финансовые потери в этом случае отчасти компенсируются хорошими шансами трудоустройства по специальности, которые определяются личными и социальными связями респондентов. В отличие от возвратной потенциальная международная миграция воспринимается респондентами как экономически выгодное действие, с ней связывают надежды на возможность получения более высоких доходов, чем на родине.

Какие еще факторы определяют миграционные намерения выпускников? Так, респондентам предлагалось оценить различные аспекты своей жизни — от качества образования, которое они получают, до социально-экономической ситуации в стране.

В табл. 7 представлены ответы опрашиваемых с разными миграционными планами об удовлетворенности качеством получаемого образования.

Таблица 7

Удовлетворенность качеством образования по группам респондентов с разными миграционными планами (процент по столбцу)

Варианты ответов	Немигранты	Возвратные мигранты	Внутренние мигранты	Международные мигранты
Удовлетворен полностью	45,3	42,4	40,4	22,5
Удовлетворен не вполне	43,5	46,1	42,9	48,7
Не удовлетворен	6,7	6,8	12,8	23,5
Затрудняюсь ответить	4,5	4,7	3,9	5,3

Наблюдается любопытная закономерность: чем более далеко идущими в плане предполагаемого места жительства являются миграционные планы респондентов, тем ниже у них уровень удовлетворенности качеством получаемого образования. Наиболее не удовлетворены качеством образования потенциальные международные мигранты. Среди заявивших о готовности выехать за рубеж не удовлетворенных качеством образования оказалось почти на 11 п.п. больше, чем среди внутренних мигрантов, и на 17 п.п. больше, чем среди возвратных мигрантов и немигрантов.

Можно предположить, что на миграционные намерения выпускников влияет то, как котируются их дипломы в разных регионах. Опрошенные достаточно высоко оценили котируемость дипломов

в регионе, где расположен вуз — 58,7% (табл. 8). Оценить, котируются ли их дипломы в других регионах, респондентам оказалось сложно. Так, 22,4% затруднились сказать, насколько ценны их дипломы в других регионах РФ, почти треть (31,0%) не смогли дать ответы в отношении Москвы, около половины (47,7%) — в отношении зарубежных стран.

Таблица 8

Оценки котируемости дипломов (процент по строке)

Котируемость диплома	Высоко	Умеренно	Не котируются вообще	Затрудняюсь ответить
В регионе, где находится вуз	58,7	31,7	2,4	7,2
В регионах РФ	21,1	52,4	4,2	22,4
В Москве	10,9	46,3	11,8	31,0
В зарубежных странах	7,0	13,2	32,1	47,7

В целом оценка уровня котируемости дипломов резко снижается за границей родного региона. При движении по направлению «другие регионы РФ — Москва — зарубежные страны», по мнению респондентов, происходит существенное обесценивание дипломов, а при выходе за пределы России они практически полностью теряют свою значимость. Фактически большинство опрошенных выпускников региональных вузов признали ценность своих дипломов об образовании только на местных (локальных) рынках труда.

Наибольшее число низких оценок котируемости дипломов отмечалось в группе международных мигрантов (как и в отношении их неудовлетворенности качеством образования). Именно среди потенциальных эмигрантов оказалась максимальной доля тех, кто считает, что дипломы в зарубежных странах не котируются вообще, — 52,8%. Среди внутренних мигрантов (включая возвратных) такой точки зрения придерживаются 33,4%, среди немигрантов — 29,4%.

При этом международные мигранты показали максимальную осведомленность в этом вопросе: доля затруднившихся с ответом среди них составила 27,8%, среди других групп респондентов — 45–50%. Респонденты, планирующие жить в другой стране, оказались и наиболее скупыми на высокие оценки котируемости дипломов внутри РФ. Так, почти две трети (61–63%) респондентов-немигрантов, а также возвратных и внутренних мигрантов считают, что дипломы котируются высоко в регионе, где находится вуз, среди международных мигрантов таковых менее половины (45,4%).

Респондентам также предлагалось оценить текущую социально-экономическую ситуацию в России и ее экономические перспективы. Результаты опроса выпускников, имеющих разные миграционные планы, представлены в табл. 9.

Таблица 9

Оценки текущей социально-экономической ситуации в России и экономических перспектив страны респондентами с разными миграционными планами (процент по столбцу)

Варианты оценок	Немигранты	Возвратные мигранты	Внутренние мигранты	Внешние мигранты
<i>Оценки общей социально-экономической ситуации в России</i>				
Благополучная и хорошая	15,3	24,2	13,6	5,8
Средняя	57,6	59,4	54,6	43,9
Неблагополучная и тяжелая	25,8	16,4	29,4	49,1
Затрудняюсь ответить	1,4	0	2,4	1,2
<i>Оценки экономических перспектив России</i>				
Значительное и некоторое улучшение	41,8	41,7	36,7	22,8
Не изменится	30,3	29,9	31,1	29,2
Значительное и некоторое ухудшение	20,8	16,5	26,3	43,9
Затрудняюсь ответить	7,1	11,8	5,9	4,1

Полученные данные позволяют утверждать, что потенциальные мигранты за рубеж более пессимистично оценивают современную социально-экономическую ситуацию в России и ее перспективы, чем их сокурсники — внутренние мигранты или те, кто вообще никуда не собирается переезжать. Так, половина потенциальных эмигрантов (49,1%) характеризуют текущую ситуацию в России как неблагоприятную и тяжелую, что в 2–2,5 раза больше, чем в других группах респондентов. Хорошей и благополучной ее назвали только 5,8% потенциальных международных мигрантов, что почти в 3–5 раз меньше по сравнению с другими группами опрошенных.

Ухудшения экономической ситуации ожидают 43,9% международных мигрантов, что в 1,8 раза больше среднего показателя (23,8%). На ее улучшение рассчитывает менее четверти планирующих отъезд за рубеж (22,8%), что на 14–19 п.п. меньше, чем среди

внутренних мигрантов и немигрантов. Таким образом, негативное восприятие текущей социально-экономической ситуации и ожидание ее изменения в худшую сторону являются фактором, стимулирующим отъезд за границу.

Итоги. Объем совокупного миграционного потенциала выпускников региональных вузов России довольно значителен и составляет 30–33% респондентов. Выпускники выражают готовность в первую очередь к миграции в пределах России. К потенциальным внутренним мигрантам можно отнести 23–25% респондентов. Не более 5–7% выпускников являются потенциальными международными мигрантами.

Иногородние юноши и девушки (по сравнению с местными сверстниками) показали большую склонность к миграции в пределах страны (главным образом за счет возвратной миграции), но меньшую — к миграции за рубеж. Вместе с тем девушки на переходном этапе «школа — вуз» продемонстрировали большую миграционную активность, чем юноши. После окончания обучения миграционные намерения юношей и девушек идентичны.

Не более 16–18% иногородних студентов собираются вернуться в родной город, в котором они жили до поступления в вуз. Возвратная миграция для студентов региональных российских вузов имеет во многом вынужденный характер и связана с наличием в родном городе (населенном пункте) определенной инфраструктуры (прежде всего жилья) и социальных связей. Возвращение домой является для респондентов субъективно экономически нецелесообразным. Эти экономические потери отчасти компенсируются более высокими шансами трудоустройства по специальности. По мнению возвратных мигрантов, в родном городе они имеют более высокие шансы трудоустройства, чем в городе, в котором находится вуз.

Международную миграцию выпускников стимулируют факторы, связанные с дружелюбностью среды проживания (уровень культуры общества, безопасность, толерантность), а также экономические факторы (высокооцениваемые возможности получения хороших доходов за рубежом, которые значительно превышают уровень зарплат дома). При этом потенциальные эмигранты готовы отказаться от возможности работы по специальности. Кроме того, в качестве «выталкивающего» фактора действует выраженная неудовлетворенность различными аспектами жизнедеятельности внутри страны — качеством получаемого образования, уровнем котированности дипломов, социально-экономической ситуацией в РФ и перспективами ее развития.

Горбачева Е.А. Миграционное поведение студенческой молодежи: теория и практика. М., 2006.

Зубков В.В. Жизненные планы и миграционный потенциал выпускников дальневосточных вузов: социологический подход // Pandia.ru: энциклопедия знаний: сайт. 2013. URL: <http://www.pandia.ru/text/78/324/2407.php> (дата обращения: 15.02.2014).

Катровский А. Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж. Зайончковской. М., 1999.

Леденёва Л.И. Эмиграционные намерения студентов крупных городов европейской части бывшего СССР. М., 1995.

Мотрич Е.Л., Лу Е.Л., Скрипник Е.О. Студенчество Хабаровского края. Социально-профессиональные и миграционные ориентиры и мотивация поведения // Социологические исследования. 2008. № 5.

Разработка комплекса мероприятий по сохранению медицинских кадров в системе здравоохранения: Краткая аналитическая записка по результатам социологического исследования в рамках НИР // S-Media: сайт. 2013. URL: <http://www.s-media.ru/focused/razrabotka-kompleksa-meroprijatii-posohraneniyu-medicinskih-kadrov-v-sisteme-zdravoohranenija/index.html> (дата обращения: 10.03.2014).

Российский статистический ежегодник-2013. М.: Росстат, 2013.

Социально-экономическое положение России — 2013 г.: Образование // Федеральная служба государственной статистики: сайт. 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d12/3-5.htm (дата обращения: 15.03.2014).

Чудиновских О., Денисенко М., Донец Е. Миграционные намерения выпускников высших учебных заведений: методика проведения и основные результаты выборочного обследования. М., 2003.

Destinations of Leavers from Higher Education (DLHE): Longitudinal Survey // Higher Education Statistics Agency: Website. URL: http://www.hesa.ac.uk/index.php?option=com_collns&task=show_collns&targetYear=any&targetStream=11&Itemid=231 (last accessed data: 12.02.2014).

Faggian A., McCann Ph. Universities, Agglomerations and Graduate Human Capital Mobility // The Centre for Business Research (CBR): Website. 2006. http://www.cbr.cam.ac.uk/pdf/UKirc_Wksp_4-5Jun_Presentations/session_2_alessandra_faggian_human_capital_mobility.pdf (last accessed data: 15.03.2014).

Marinelli E. Graduate Migration in Italy — Lifestyle or Necessity? // ERSA 2011. Conference Paper. URL: <http://www.sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa11/e110830aFinal01608.pdf> (last accessed data: 20.02.2014).

McCann Ph., Sheppard St. An Analysis of the Gender Determinants of UK Graduate Migration Behaviour // Research Papers in Economics: Website. 2002. URL: <http://ideas.repec.org/p/wiw/wiwsa/ersa02p194.html> (last accessed data: 10.03.2014).

Mosca I., Wright R.E. National and International Graduate Migration Flows // Population Trends. 2010. N 141.

Sage J., Evandrou M., Falkingham, J. The Complex Migration Pathways of UK Graduates // CPC Briefing Paper. 2012. N 9.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

В.Н. Белявский¹,

Национальный авиационный университет (Украина)

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ АДАПТИВНОЙ ОПЕРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье определен поэтапный механизм формирования адаптивной операционной системы предприятия, который предусматривает осуществление кардинальных изменений структуры и функциональности подразделений с одновременным внедрением ERP-системы. Исследованы проблемы, которые необходимо учитывать при формировании адаптивной операционной системы на базе ERP-систем, что позволяет руководству предприятия принять меры по построению эффективного операционного процесса. Разработан механизм качественной оценки полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы, базирующейся на составляющих, которые характеризуют современный этап развития отечественных предприятий. Исследованы преимущества использования процессно-ориентированного подхода на каждой стадии проекта по внедрению ERP-системы. Результаты анализа свидетельствуют о том, что эффективное использование этих преимуществ может стимулировать повышение конкурентоспособности предприятия.

Ключевые слова: система управления, адаптивная операционная система, реинжиниринг бизнес-процессов, интегрированная ERP-система.

V.N. Bilyavskiy,

National University of Aviation (Ukraine)

MECHANISM OF FORMING ADAPTIVE OPERATING SYSTEM OF ENTERPRISES

The article determines gradual formation mechanism of adaptive operating system of an enterprise, which involves fundamental changes in the structure and functioning of units alongside implementing the ERP-system. The problems addressed in the study should be taken into account while forming an adaptive operating system based on ERP-systems, that allows company management to maintain effective operational process. The paper presents the mechanism for qualitative evaluation of the comprehensiveness and complexity of forming an adaptive operating system based on the components characteristic of the current stage in the development of domestic enterprises. The author examines the advantages of using process-oriented approach at each stage of ERP-system imple-

¹ Белявский Валентин Николаевич, канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента внешнеэкономической деятельности предприятий; тел. +7 (10-380-99) 604-12-13; e-mail: nbilyavskiy@gmail.com

mentation of. The effective use of these benefits may lead to a growing competitiveness of an enterprise.

Key words: system management, adaptive operating system, re-engineering of business processes, integrated ERP-system.

Введение

Современные тенденции и характер социально-экономического развития свидетельствуют о том, что изменения, которые происходят во внешней среде бизнеса, отличаются высокой степенью неопределенности и стохастичности. Эти факторы мешают предприятию формировать целостную стратегию функционирования на рынке и делают управление несовместимым с шаблонами и штампами. Отсутствие теоретических положений, а также механизма принятия управленческих решений в операционном менеджменте обостряют проблемы менеджеров при исполнении своих обязанностей. Поэтому к числу важнейших задач перспективного долгосрочного развития относится обеспечение стабильного функционирования предприятий на основе разработки механизма формирования адаптивной операционной системы. Это, по сути, означает необходимость обеспечивать предприятию стратегическое управление, которое направлено на создание информационной основы для совершенствования управленческой деятельности в современных условиях.

Анализ последних исследований и публикаций

Степень научной разработанности проблемы характеризуется большим числом публикаций, посвященных фундаментальным исследованиям операционных систем хозяйствующих субъектов, в том числе производственных предприятий. В современной научной литературе значительное внимание уделяется характеристике операционных систем и современных интегрированных концепций управления организациями; инструментам формирования конкурентных преимуществ; комплексному подходу к операционному менеджменту в части добавления ценности для клиентов; теоретико-методологическим аспектам создания стоимости в цепочке потребления; методике проектирования процессов, прогнозирования, планирования, снабжения, сбыта и размещения производства и т.п.

Существенный вклад в рассмотрение перечисленных проблем внесли такие украинские и российские ученые, как Д. Гаврилов, Д. Иртегов, В. Козловский, В. Макаров, Т. Маркина, Н. Микитенко, В. Попов, В. Родионов, А. Стерлигова, О. Туровец, А. Фаль и др.

Среди зарубежных специалистов, чьи труды представляют наибольший интерес для исследования операционных систем, необ-

ходимо отметить прежде всего таких ученых, как Н. Аквиллиано, В. Бернанд, Л. Валлен, Л. Гелловей, Э. Голдратт, Ф. Джекобс, Д. Кокс, С. Рассел, Б. Рендер, М. Ротер, С. Свенссон, В. Стивенсон, Д. Хейзер, В. Хилл, Р. Чейз и др.

Несмотря на большое количество научных работ и значительные достижения в теории и практике управления операционными системами предприятий, имеется ряд вопросов, которые остаются дискуссионными, в частности разработка механизма формирования адаптивной операционной системы предприятия как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Решению этой научно-практической задачи посвящена данная работа, что определило ее актуальность, научную и практическую значимость для повышения эффективности функционирования операционных систем отечественных предприятий в условиях глобальной экономики. Указанная задача включена в государственную программу модернизации экономики страны, поскольку один из аспектов модернизации состоит в таком переустройстве экономики Украины в целом и каждого предприятия в частности, которое позволило бы гибко реагировать на все существенные изменения во внешней среде.

Целью статьи является разработка механизма формирования адаптивной операционной системы предприятия и определение путей повышения уровня эффективности его работы.

Для достижения этой цели сформулированы следующие задачи:

- исследовать проблемы процесса формирования адаптивной операционной системы на базе ERP-систем;
- разработать механизм качественной оценки полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы предприятия;
- определить последовательность функционирования механизма формирования адаптивной операционной системы предприятия;
- проанализировать преимущества использования процессно-ориентированного подхода на каждой стадии проекта по внедрению ERP-системы.

Решение Украиной задачи создания конкурентоспособной экономики требует приведения адаптивной операционной системы и методов управления предприятиями в соответствие с объективной реальностью, где все быстрее изменяются условия внешней среды, состояние экономических и общественных отношений.

Необходимо использовать новые механизмы и инструменты управления, которые отвечали бы сегодняшнему уровню стохастичности внешней среды и позволяли бы предприятию стабильно функционировать и развиваться. Также следует выделить направление деятельности, которое ориентировано на уменьшение угроз, увеличение использования возможностей и на обеспечение конкурентоспособности предприятия.

В целях повышения адаптивности операционной системы и улучшения деятельности производственных предприятий было проведено исследование на примере крупного национального производителя хлебобулочных изделий с европейскими стандартами производства — ОАО «Киевхлеб». Его ассортимент насчитывает около 600 наименований, которые распределены на три группы — хлеб, хлебобулочные и кондитерские изделия. Основными клиентами-партнерами предприятия являются национальные торговые сети ООО «Фоззи групп», ООО «Фора», ООО «Фудмаркет», ООО «Эко», ООО «Велика кишеня» и ООО «Сильпо», основными конкурентами — крупнейшие производители хлебобулочных изделий на Украине ОАО «Холдинг “Т и С”», Ассоциация «Донбассхлеб» и ОАО «Концерн Хлебпром».

Источником формирования определенной последовательности этапов разработки адаптивной операционной системы предприятия стали результаты анкетирования работников ОАО «Киевхлеб». В результате опроса персонала были выделены два этапа.

На *первом этапе* на основе анализа внутренней и внешней среды предприятия, состояния операционной системы, ориентируясь на приоритетные направления стратегии, имеющиеся возможности и угрозы, следует осуществить реорганизацию существующей структуры и создать на базе отделов логистики, экономики, производства, бухгалтерии, канцелярии, фирменной торговли, продаж, маркетинга дочерних предприятий ОАО «Киевхлеб» департамент коммерции. Реорганизация структурных подразделений оптимизирует деятельность отделов и департаментов предприятия, освобождая от функций, которые не связаны с технологическим процессом производства хлебобулочных изделий.

В состав департамента коммерции необходимо включить финансовое и коммерческое управление. Делегированием созданному департаменту операционных функций от вышеупомянутых отделов и создание в его составе аналитического подотдела обеспечит комплексное управление адаптивной операционной системой всего предприятия. Вместе с полномочиями должна делегироваться и ответственность за будущие входящие денежные потоки и уровень рентабельности хозяйственной деятельности предприятия в целом. При осуществлении реинжиниринга бизнес-процессов необходимо учесть внедрение систем автоматизации управления операционной деятельностью предприятия.

На *втором этапе*, более длительном во времени, нужно осуществить внедрение ERP-системы, интегрированной в организационно-функциональную структуру операционной системы. При внедрении ERP-системы у руководства предприятия могут возникать определенные проблемы, связанные с нежеланием персонала адаптироваться к оперативно вводимым новшествам.

Внедрение ERP-системы

Основная проблема, которая порождает многие другие, связана с внедрением ERP-систем. Это вопрос не столько информационных технологий, сколько управления и перестройки структуры предприятия. Систему сложно внедрить на предприятии, на котором не отлажены бизнес-процессы. Второй важной проблемой, тесно связанной с первой, является несоответствие «идеологии» зарубежных ERP-систем [Stevenson, 2008, p. 348] существующему на данном предприятии внутрихозяйственному механизму. Ранее все попытки внедрения на ОАО «Киевхлеб» автоматизированных систем управления (АСУ) были ограничены автоматизацией отдельных управленческих функций, что давало кратковременный положительный результат, но никогда не было связано с полным преобразованием внутрихозяйственного механизма (возникшего из командно-административной системы хозяйствования). Более того, будучи вложенным в разработанные системы управления, этот механизм продолжал воспроизводить прежние внутрихозяйственные отношения в процессе действия этих систем. Под внутрихозяйственным механизмом понимается единство таких систем, как оплата труда; управление основным и вспомогательным производством; управление материально-техническим обеспечением производства; управление сбытом готовой продукции; бухгалтерский учет и отчетность в фискальные органы.

На ОАО «Киевхлеб» данный внутрихозяйственный механизм остался неизменным с командно-административного периода.

С развитием и расширением предприятия, увеличением количества изготовленной продукции, поставщиков и потребителей управление всей системой усложнилось и замедлилось. Так возникла необходимость создать интегрированную комплексную систему, предназначенную для обслуживания всех структурных подразделений ОАО «Киевхлеб». Для этого следует использовать программный продукт, который бы предусматривал коммуникацию (обмен информацией, общение и т.д.) между департаментами предприятия на основе единой базы данных. В целях оптимизации и для повышения эффективности управления всеми элементами в подразделениях ОАО «Киевхлеб» стали использовать обеспечивающую подсистему операционной системы предприятия.

В соответствии со словарем APICS (American Production and Inventory Control Society) под ERP-системой может пониматься «...методология эффективного управления всеми ресурсами предприятия, которые необходимы для осуществления продаж, производства, закупок и учета при исполнении заказов клиентов в сферах производства, дистрибуции и оказания услуг» [Russell, Taylor,

2010, p. 234]. ERP-система упрощает и ускоряет выполнение рутинной работы, снижает риск возникновения ошибок в процессе ввода данных, повышает производительность работы предприятия. Ценность этой системы состоит во взаимодействии сервисно ориентированной архитектуры всей ERP-системы предприятия (рис. 1).

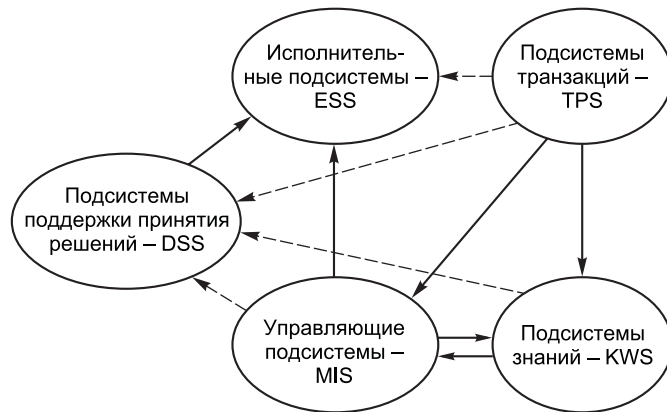

Рис. 1. Взаимодействие сервисно-ориентированной архитектуры ERP-системы предприятия

На схеме показано, каким образом модули ERP-системы предприятия связаны друг с другом. Модуль TPS обслуживает основные производственные и вспомогательные процессы и обычно является главным источником информации для других модулей. Модуль ESS — главный получатель данных и внутренних систем из внешней среды.

Другие подсистемы также обмениваются данными. Здесь возникает один из самых трудных вопросов для руководителя о формировании адаптивной операционной системы. Возникает соблазн иметь абсолютно интегрированную систему, но такая интеграция чрезвычайно трудоемкая и капиталоемкая. Поэтому руководству предприятия стоит взвесить все за и против внедрения ERP-системы.

Взаимосвязи между DSS и совокупностью TPS, KWS и MIS специально показаны пунктирной линией. Иногда подсистема поддержки принятия решений тесно связана с другими подсистемами ERP-системы. Но это только в том случае, если на предприятии существует высокая степень автоматизации всех бизнес-процессов [Svensson, Wallen, 2013, p. 147]. Обычно же данная подсистема изолирована от основных производственных систем и использует их данные и информационные потоки для работы своих аналитических систем.

Несоблюдение последовательности внедрения ERP-систем приводит к уменьшению результативности и увеличению связанных с этим расходов, а также к неудовлетворению запросов заказчиков. Из-за того что за разработку системы часто берутся специалисты с невысоким уровнем квалификации [Chase et al., 2004, p. 241], она может иметь значительные недостатки и нарушения, быть настолько сложной в использовании, что предприятие отказывается от нее [Heizer, Render, 2010, p. 172].

Ниже в представленной статье описаны причины неудачного внедрения ERP-систем и исследованы основные проблемы, которые необходимо учитывать при формировании адаптивной операционной системы.

1. Проектирование системы управления ERP без учета задач предприятия. При настройке системы невозможно учесть все существующие и будущие цели предприятия. Некачественное проектирование может стать причиной финансовых потерь, поэтому необходимо проводить долгосрочное бизнес-планирование.

2. Чрезмерный реинжиниринг бизнес-процессов. Руководство предприятия, внедряя ERP-систему, часто впадает в крайности:

- или соглашается на реинжиниринг всех бизнес-процессов предприятия и их подчинение требованиям выбранной системы (есть большой риск того, что система через существенную перестройку бизнес-процессов не сможет эффективно функционировать [Chase et al., 2004, p. 254]);

- или настаивает на кардинальной перестройке выбранной системы (полученная система при обилии произведенных изменений может потерять свою надежность, а введенная информация может обрабатываться неверно).

Польза от автоматизации этих бизнес-процессов будет сомнительной, так как предприятие потеряет возможность улучшить свою деятельность (будет «зажатым» в жесткие рамки работы программы). Очень важно определить правильное соотношение между реинжинирингом бизнес-процессов и доработкой системы [Heizer, Render, 2010, p. 647].

3. Неверная оценка экономической эффективности внедрения ERP-системы. Внедрение системы требует значительных затрат на комплексную автоматизацию — компьютеры, серверы, лицензии, сетевое оборудование, консультационные услуги и т.д. Поэтому важно соотносить затраты на автоматизацию различных процессов с конечными финансовыми результатами проекта, в противном случае возникает риск увеличения затрат на автоматизацию процессов (вложенные средства будут истрачены неэффективно и безвозмездно). Для оптимизации затрат предприятию необходимо анализировать и тестировать экономическую эффективность каждого элемента ERP-системы еще на этапе разработки ее концепции.

На формирование адаптивной операционной системы также оказывают влияние факторы внешней среды. Они могут быть представлены факторами, воздействующими на работу предприятия извне, и факторами, которые действуют внутри предприятия, но находятся вне операционной системы. Связи системы с факторами, не входящими в ее состав, позволяют влиять на систему, используя ее как средство. Связи операционной системы с факторами, которые направлены из системы во внешнюю среду, представляют продукты работы операционной системы. Ресурсы являются переменными затратами, которые нуждаются в учете операционных расходов. Они представляют собой средство достижения целей организации.

Поэтому для выбора системы целей и конкретизации исполнителей и ответственных целесообразно при разработке механизма полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы предприятия применять метод структуризации, суть которого сводится к построению «дерева целей».

Построение «дерева целей» предусматривает ранжирование целей по их первоочередности, важности, комплексности, простоте или сложности достижения и включает несколько уровней:

- первый определяется стратегической целью предприятия;
- второй определяется как первичное звено целей, направляемое на обеспечение стратегической цели;
- третий формируется как конкретизация и определение частных целей первичного звена;
- четвертый устанавливается как детализация основных задач, которые стоят перед предприятием для достижения тактических и на их основе стратегических целей.

Соотношение различных целей находится в диалектической взаимосвязи: достижение цели низшего порядка является одновременно средством реализации целей высшего порядка.

Таким образом, качественное формирование целей призвано помочь внедрению интегрированной ERP-системы, которая будет результативной только в том случае, если спроектируется для предприятия с эффективной системой управления. Следует также четко определить оптимальную конфигурацию ERP-системы, состав ее модулей и необходимый набор функциональных обязанностей. Согласно плану проекта, нужно будет оптимизировать состав бизнес-модулей, что позволит сэкономить финансовые ресурсы предприятия. Итак, проектирование ERP-системы происходит с учетом имеющегося ресурсного потенциала предприятия и жизненного цикла проекта путем конструирования операций на основе принципов организации операционных процессов (таблица).

Основные принципы организации операционных процессов

Принципы	Основные положения
Специализация	Предусматривает ограничение разнообразия элементов операционного процесса, таким образом повышая однородность производства (специализация способствует упрощению его организации)
Пропорциональность	Требует наличия в системе взаимосвязанных подразделений предприятия согласованной пропускной способности (достигается тогда, когда совокупная производительность технологически взаимосвязанных звеньев операционной системы пропорциональна объему выполняемых работ)
Параллельность	Предусматривает одновременное выполнение отдельных операций и процессов, необходимых при производстве продукции, которая имеет много компонентов
Прямоточность	Означает, что составляющие продукции должны иметь оптимальные маршруты на всех стадиях и операциях производственного процесса без встречных перемещений
Ритмичность	Предусматривает обеспечение выпуска продукции в равных промежутках времени, на всех стадиях и операциях способствует рациональному использованию всех производственных ресурсов предприятия, четкому выполнению договорных обязательств перед потребителями и улучшению финансового положения организации
Непрерывность	Предусматривает, чтобы перерывы между смежными технологическими операциями были минимальными или чтобы их вообще не было

Опираясь на основные принципы организации операционных процессов и их основные положения, можно сделать следующие выводы. Экономическая эффективность рациональной организации производственного процесса выражается в сокращении длительности производственного цикла проекта, в снижении издержек на производство продукции, улучшении использования основных производственных фондов и увеличении оборачиваемости оборотных средств.

Полнофункциональная ERP-система в значительной степени направлена на снижение себестоимости продукции. Это достигается за счет использования механизма учета прямых затрат в основном производстве с выделением из них непродуктивных расходов и выбора правильного метода расчета себестоимости.

Для обеспечения эффективности управления «под ERP» предполагается, что действующая форма оплаты труда должна стимулировать работников на уменьшение непродуктивных расходов. В деятельности ОАО «Киевхлеб» подобные механизмы отсутствуют.

Для этого предприятия характерным осталось премирование персонала за выполнение производственной программы (месячной или квартальной). Отход от такого способа поощрения, несмотря на его логическую оправданность, и переход к другим составляющим системы стимулирования возможен только за счет изменения сложившегося внутривозвратного механизма (болезненно воспринимается на предприятии). Поскольку не существует единых стандартов для оценки полноты и комплексности процесса формирования адаптивной операционной системы на базе ERP-систем, в работе ОАО «Киевхлеб» предложено использовать механизм качественной оценки, основанный на составляющих, которые характеризуют современный этап развития отечественных предприятий, а также определяют улучшение их финансово-экономического положения. Механизм структурирован и представлен на рис. 2.

Одна из первых проблем, с которыми придется столкнуться руководству, — сопротивление со стороны персонала предприятия. Внедрение такого масштабного нововведения на длительный период принесет дополнительную работу сотрудникам (особенно менеджерам). Проблемы с персоналом возникают и потому, что ERP-система автоматически делает все процедуры на предприятии прозрачными.

Поэтому в работе процесс анализа адаптивной операционной системы включает в себя *три основных этапа*, которые влияют на разработку механизма качественной оценки полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы предприятия.

Этап проектирования подразделяется на 3 подэтапа.

I. Предпроектные работы: разработка операционной стратегии и плана мероприятий проекта, а также определение прикладных форм реализации проекта. Для этих целей проводится предварительная работа по сбору и подготовке исходных данных. Подэтап включает также заключение договора на проектирование.

Основным документом, регулирующим финансовые и правовые отношения между заказчиком и разработчиком проектной документации, является договор, который заказчик заключает с проектной организацией или другим подрядчиком, получившим в установленном порядке право на выполнение проектных работ. К договору должно быть приложено задание на проектирование.

II. Проектные работы: изыскания для разработки проекта с учетом районной планировки, застройки, которые определяют выбор площади для месторасположения предприятия.

III. Экспертиза и утверждение проекта. Все разработанные проекты независимо от стадии проектирования подвергаются экспертизе до их утверждения.

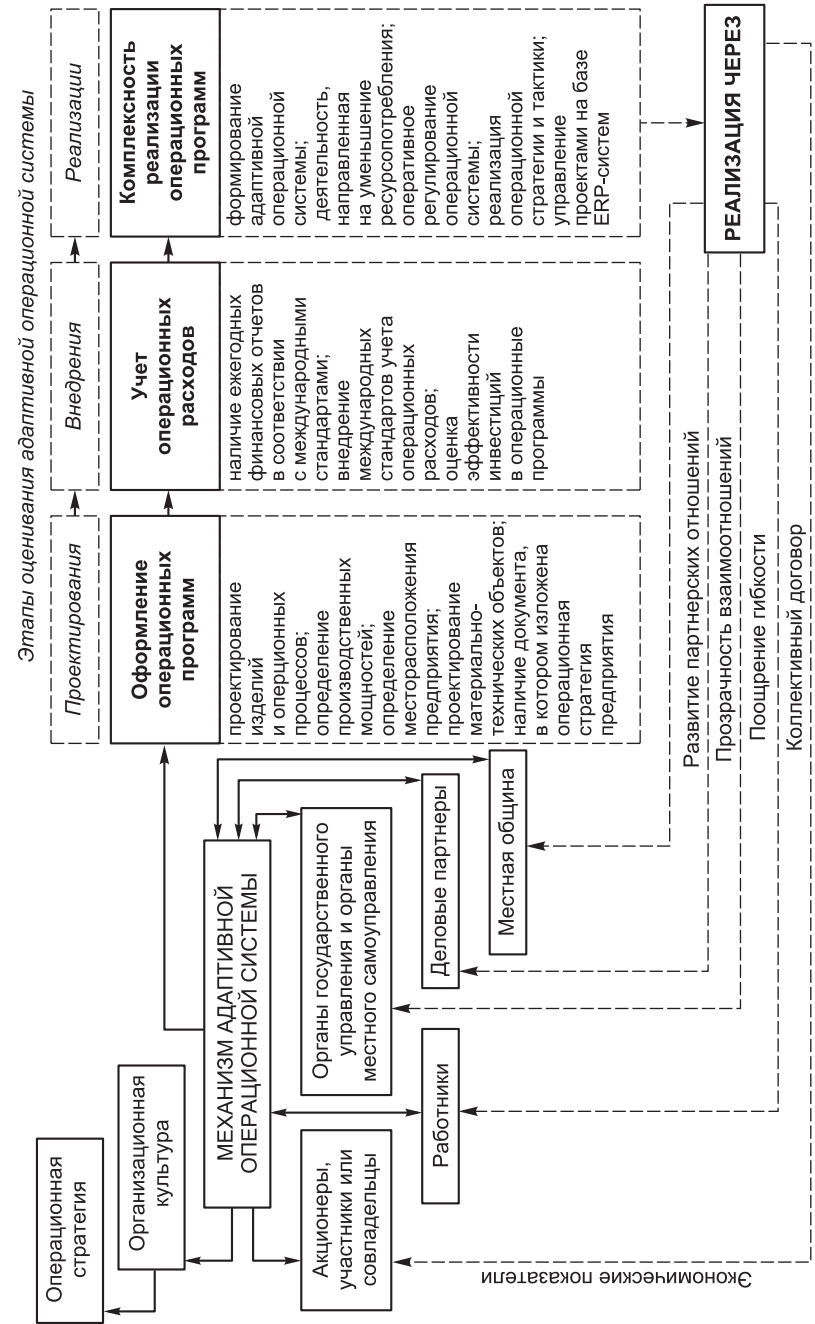

Рис. 2. Механизм полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы предприятия

Этап внедрения. На этом этапе важно объяснить работникам, что целью разработки механизма полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы является оптимальное распределение функций и ответственности сотрудников предприятия. Все налаженные процессы должны быть согласованы с работником, назначенным ответственным за их выполнение, и руководством предприятия, а корректировка проекта должна осуществляться в соответствии с предложениями и замечаниями деловых партнеров и анализом результатов. После утверждения всех процессов и механизма в целом появится возможность сгенерировать регламентирующую документацию для ISO 9001:2008 и др.

Этап реализации. Построение вышеупомянутого механизма и формирование регламентов, отображающих реально выполняемые работниками функции, — не окончательный этап внедрения. Руководство предприятия должно обеспечить и проконтролировать выполнение данных регламентов персоналом, а также спланировать дальнейшие пути развития проекта. В связи с этим под механизмом качественной оценки полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы предприятия чаще всего понимается совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта для восстановления нарушенного равновесия в системе. Включение механизма происходит при возникновении адаптивной ситуации, которая складывается под влиянием двух обстоятельств. Во-первых, таких изменений во внешней среде, которые делают невозможными достижение старых целей и ориентиров в новых условиях и прежними средствами. Во-вторых, таких изменений в субъекте адаптации, которые делают невозможными достижение новых целей в прежних условиях внешней среды. Внутренняя напряженность, присущая субъекту в момент обнаружения этих несоответствий, вынуждает его начать поиск выхода из дискомфорта ситуации.

Поэтому практически любой переход операционной системы из одного относительно стабильного состояния в другое (через периоды кризисов) вызывает потребность в адаптации.

На сегодняшний день большинство операций требует использования ПК, в частности в офисной автоматизации, проектировании продукта, контроле производственных процессов, автоматизированных линиях и т.д.

На внедрение, обучение и адаптацию к ERP-системе расходуется не менее 30% рабочего времени сотрудников [Hill, 2012, p. 112].

При этом внедрение данной системы приведет к существенному повышению эффективности управления операционной системой предприятия:

- обеспечит высокий уровень ритмичности и синхронизации производства;
- обеспечит контроль над полной загрузкой оборудования и работников, а при необходимости позволит своевременно перенаправить заказы между предприятиями ОАО «Киевхлеб»;
- обеспечит создание рациональных запасов сырья, материалов и комплектующих изделий (важный фактор существования предприятия);
- обеспечит ускорение оборачиваемости денежных средств;
- приведет к существенной экономии материальных и нематериальных ресурсов, минимизирует воздействие человеческого фактора при управлении операционной системой, а именно исчезнет борьба между структурными подразделениями за ресурсы;
- поддержит высокое качество выпускаемой продукции за счет внедрения критических точек контроля;
- обеспечит систему управления запасами и отказ от избыточных запасов;
- приведет к отказу от завышения времени на выполнение основных транспортно-складских операций;
- обеспечит своевременный отказ от изготовления продукции, на которую отсутствует заказы покупателей;
- не допустит простоев основного оборудования;
- осуществит обязательное устранение брака;
- устранил нерациональные внутривозовские перевозки.

Иными словами, внедрение ERP-системы положительным образом отображается на показателях хозяйственной деятельности ОАО, что становится возможным через автоматизацию всех операций благодаря высокому уровню стандартизации.

Процессно-ориентированное внедрение ERP-систем

Исследование деятельности отечественных предприятий с точки зрения эффективности используемых на практике методов управления и принятия рациональных управленческих решений показало, что в существующих экономических условиях возможны разные варианты поведения, которые принципиально отличаются по своей сущности и результатам. Очевидно, что наиболее целесообразным является использование процессно-ориентированного подхода к управлению предприятием, так как этот подход позволяет получить структуру, деятельность которой направлена на постоянное улучшение качества конечного продукта и удовлетворение клиента.

Рассмотрим преимущества использования процессно-ориентированного подхода на каждой стадии жизненного цикла проекта по внедрению ERP-системы.

Подготовка проекта. На данной стадии строится модель системы, которая позволяет определить рамки проекта, получить некоторое представление о конкретных объектах, а также описать правила поведения этой системы. Здесь обычно используются так называемые отраслевые референтные модели. Они разрабатываются коммерческими организациями, а также консультантами на основе их опыта работы с предприятиями определенной отрасли. Соответствующая модель может быть использована при имитационном моделировании бизнес-процессов предприятия и их анализе, что позволяет упростить работу на данном этапе, сведя ее к оценке и изменению или доработке уже описанных процессов в модели-прототипе.

Процессно-ориентированный подход на стадии подготовки проекта позволяет объединить организационную структуру и структуру данных и функций в единую модель взаимосвязанных бизнес-процессов, которая даст возможность получить определенное представление о работе предприятия с разных точек зрения:

— организационной: доступ сотрудников различных подразделений предприятия к функциям и элементам данных бизнес-процессов системы;

— функциональной: какие документы являются «входными», а какие — «выходными», кто отвечает за выполнение функции бизнес-процесса (событие является первопричиной выполнения функции);

— информационной: какие данные необходимы на каждом этапе бизнес-процессов для выполнения определенной функции;

— процессной: какие функции объединены в процесс, какие данные необходимо передавать от функции к функции в рамках процесса и как участники процесса (сотрудники) взаимодействуют.

По своей сути ERP-системы являются интегрированными, и при их внедрении определенные функции структурных подразделений предприятия часто пересекаются. Поэтому при вводе системы происходит перераспределение функций между представителями различных отделов или департаментов предприятия.

Процессно-ориентированный подход позволяет учесть эту особенность ERP-систем уже на этапе ее имитационного моделирования.

Разработка и реализация. На данных стадиях происходит постепенное погружение в бизнес-процессы предприятия. Такая стратегия носит название «стратегия итеративной разработки» и характеризуется наличием нескольких итераций (на каждой выполняются шаги по разработке и реализации системы). Ранее эти стадии были разделены, но в соответствии с указанной стратегией они протекают одновременно. Такой подход дает возможность использовать информацию из стадии разработки непосредственно при реализации проекта, а также знания, полученные при реализации, для из-

менения модели системы (модели-прототипа). Итак, на каждой следующей итерации по разработке и реализации можно использовать более адаптированную для данного предприятия модель-прототип системы и проводить работы по проекту более качественно. При применении стратегии итеративной разработки в совокупности с процессно-ориентированным подходом на каждом этапе — итерации внедрения — рассматривается единый сквозной процесс, характеризующийся определенными условиями «входа» и «выхода» (результатом). Например, на первой итерации осуществляются реализация и внедрение сквозного процесса. Итогом этого этапа является работающая система, которая объединяет функции производства и сбыта. Последние направлены на получение конкретного результата — реализацию продуктов на внутреннем рынке по договорам купли-продажи. Стратегия итеративной разработки в совокупности с процессно-ориентированным подходом имеет целью на каждом этапе (итерации) охватывать все большее число бизнес-процессов предприятия, в отличие от функционально ориентированных стратегий разработки, при которых на каждом этапе отрабатываются конкретные функции отдельных отделов или департаментов предприятия. При таком подходе на каждом этапе разработки и внедрения особое внимание уделяется именно механизмам взаимодействия структурных подразделений, нацеленных на получение конечного продукта, а не на фиксирование разработки на конкретных функциях. Это позволяет внедрять систему не помодульно, а попроцессно, т.е. на каждом этапе внедрения автоматизировать выделенный сквозной процесс. В последующих итерациях разработки происходит подключение новых процессов в систему: это либо создание новых модулей, либо развитие функциональных характеристик существующих. Если на этапе подготовки проекта было выделено несколько продуктов, которые характеризуются определенными бизнес-процессами, объединяющими воедино подразделения (например, основное или вспомогательное производство), а также работу планового отдела и бухгалтерии, то при использовании процессно-ориентированного подхода на первом этапе будут внедрены все модули, которые отвечают за работу этого процесса. Такой вариант позволяет своевременно выявить недостатки, допущенные на этапе планирования системы по всем участкам. Можно оперативно их проанализировать и внести изменения в модель-прототип системы. Если основываться на функциональном подходе, то первые результаты несоответствия межмодульного взаимодействия будут обнаружены только на этапах внедрения второго и последующих модулей системы, что может привести к существенному изменению уже внедренных модулей. Внесение же изменений в уже работающие модули приведет к определенным осложнениям, а именно к повышению энтропии систе-

мы, но никак не к оптимизации работы. Постоянное внесение изменений в систему создаст необходимость ее перепроектирования (в случае функционально ориентированного подхода к реорганизации). При использовании процессно-ориентированного подхода появляется возможность перепроектировать систему уже на первых этапах ее реализации, а не применять реорганизацию на последующих этапах проекта.

Контроль, поддержка и оптимизация. Результатом полнофункционального внедрения ERP-системы при процессно-ориентированном подходе является эффективно структурированная система, а также набор стандартных моделей функционирования и взаимодействия подразделений, использование которых намного упрощает работы по дальнейшему развитию, модернизации, обучению и контролю системы.

Таким образом, использование процессно-ориентированного подхода к организации системы управления позволяет отобразить идею вертикальной интеграции и развитие бизнес-единицы, уже заложенных в структуру управления предприятия. Лучше представить систему на этапе планирования, выявить структурные и процедурные ошибки управления и выработать механизмы их устранения, получить лучшие результаты на этапе внедрения, снизить трудозатраты на поддержку и развитие системы (это обусловлено качественной структурированностью полученной системы и введением стандартов), снизить стоимость проекта и сократить сроки его внедрения. Внедрение системы управления операционной системой также приводит к таким положительным результатам, как быстрая реакция на изменения окружающей среды; заинтересованность всех сотрудников в конечном результате; оптимальный механизм обмена информацией между функциональными подразделениями (основополагающий принцип процессно-ориентированного подхода).

В итоге предприятие получает оптимально спроектированную систему управления операционной системой, которая позволяет уменьшить затраты на развитие системы (можно ограничиться своими штатными сотрудниками, а не привлекать разработчиков системы каждый раз для внесения изменений), обучение новых сотрудников (эффективно структурированная система становится более прозрачной для понимания). Кроме того, значительно упрощаются процедуры координации, контроля и организации работ.

Внедрение отечественных полнофункциональных ERP-систем

Сегодня на отечественном рынке уже существуют полнофункциональные отраслевые системы, поддерживающие управленческий учет и охватывающие финансово-хозяйственную деятельность пред-

приятия. Наиболее известным, востребованным и максимально адаптированным под специфические особенности хлебобулочного и кондитерского предприятия является отраслевое решение «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство», разработанное на основе ERP-системы «1С: Управление производственным предприятием» фирмой «1С» совместно с компанией «1С-Архитектор бизнеса». «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» сконструировано на основе опыта автоматизации более 50 предприятий [Стерлигова, Фаль, 2009, с. 58], занимающихся производством хлеба или кондитерских изделий. Обладая всей полнотой типового функционала системы «1С: Управление производственным предприятием», «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» полностью учитывает отраслевые особенности хлебопечения и предоставляет менеджерам всех уровней удобные и функциональные инструменты для эффективного управления производством и сбытом, стабилизации качества и сокращения расходов. Для решения важнейших задач производственного подразделения, в частности минимизации рисков срыва выпуска готовой продукции вследствие нехватки сырья и оптимизации загрузки складских площадей, применяются такие инструменты управления производством, используя которые можно точно рассчитать сроки готовности каждого заказа и расхода сырья (расчет идет автоматически по нормам в соответствии с рецептурами и с учетом влажности муки). В подсистеме управления сбытом ведется учет всех видов возвратов (черствая продукция, брак и т.д.), чтобы по результатам анализа их причин выявить слабые места в производстве и в будущем максимально сократить такую группу расходов предприятия. Если говорить об отраслевых особенностях, то в «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» автоматизирован, например, учет возвратной тары по клиенту и водителю (лотки и контейнеры), что позволяет полноценно контролировать движение тары. Использование гибкой системы скидок и наценок, формирование цены отгрузки в автоматическом режиме в зависимости от вида выбранного контрагента и типа доставки позволяют повысить эффективность работы менеджеров и обеспечить индивидуальный подход к каждому клиенту. При этом маршрут доставки с учетом заказов клиентов, времени, географического расположения формируется автоматически или в ручном режиме на основании имеющегося шаблона. Сокращать расходы на содержание автотранспорта, планировать рациональную загрузку и создавать оптимальные маршруты позволяют имеющиеся в «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» инструменты для автоматизированного учета собственного и подрядного автотранспорта. Для сокращения финансовых затрат следует лишь ввести ограничения для дебиторской задолженности, и в случае превышения сроков или объема задолженности заказ

должника автоматически блокируется (исключается вероятность того, что злостному должнику ошибочно могут продолжать отгружать товар). С другой стороны, в подсистеме управления сбытом контролируется выполнение условий договоров с покупателями по графикам доставки, по ассортименту, что дает возможность избежать штрафов уже самому хлебозаводу, например, в работе с торговыми сетями, в которых существуют жесткие стандарты сотрудничества с поставщиками.

Ранее использовавшаяся на ОАО «Киевхлеб» MES-система (система PolyPlan) позволяла корректировать либо полностью пересчитывать производственное расписание и все необходимые для оперативной работы данные в течение рабочей смены ровно столько раз, сколько было необходимо. Перепланирование в ERP («1С: Хлебобулочное и кондитерское производство») оказывается целесообразным не чаще одного раза в день, что вполне объяснимо. Дело в том, что формирование подробных производственных расписаний с учетом всей необходимой специфики и на требуемом уровне детальности — это сложнейшая задача как по количеству вычислений, так и по сложности вычислительных алгоритмов. Поэтому для разработчиков ERP-системы важно осуществить этот расчет за обозримое для производства время.

Внедрение программного продукта «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» приводит к сокращению трудозатрат, позволяет одновременно получать полную и достоверную информацию о результатах деятельности предприятия. Кроме того, указанный программный продукт дает возможность предприятию перейти от среднего уровня автоматизации (MES-системы — управление производственными процессами) к высшему (ERP-системы — управление ресурсами предприятия). Все это позволит ОАО «Киевхлеб» восстановить свою мощность крупного производственного предприятия в пределах как региона, так и страны в целом. Особенно сильный эффект от внедрения ERP-системы проявляется в оптимизации сбытовых процессов и логистики. Можно отметить, что дальнейшее сопровождение «1С: Хлебобулочное и кондитерское производство» обходится предприятию дешевле (стоимость приобретения данной ERP-системы — 43 200 грн.) по сравнению с зарубежными аналогами [Kamauff, 2009, p. 74]. Как показывают технико-экономическое обоснование проекта и международная практика их внедрения [Фингар, 2011], вложенные средства окупаются за 1,5–2 года.

По прогнозам аналитиков ARC Advisory Group в сфере информационных технологий, Украина находится на этапе массовых внедрений ERP-систем [Cunnane, Banker, 2012], поскольку это является важным фактором для автоматизации бизнес-процессов в целях повышения их эффективности.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что в статье:

- определен поэтапный механизм формирования адаптивной операционной системы предприятия, который предусматривает осуществление кардинальных изменений структуры и функциональности подразделений с одновременным внедрением ERP-системы;
- исследованы проблемы, которые необходимо учитывать при формировании адаптивной операционной системы на базе ERP-систем. Это позволит руководству предприятия принять меры по построению эффективного операционного процесса;
- разработан механизм качественной оценки полноты и комплексности формирования адаптивной операционной системы, базирующейся на составляющих, которые характеризуют современный этап развития отечественных предприятий;
- проанализированы преимущества использования процессно-ориентированного подхода на каждой стадии проекта по внедрению ERP-системы. Результаты анализа свидетельствуют о том, что эффективное использование этих преимуществ может стимулировать повышение конкурентоспособности предприятия.

Перспективы дальнейших научных исследований связаны с поиском эффективных операционных структур управления предприятиями тех или иных отраслей деятельности при различных стратегиях функционирования.

Список литературы

- Стерлигова А.Н., Фаль А.В.* Операционный (производственный) менеджмент. М., 2009.
- Фингар П.* Облачные вычисления — бизнес-платформа XXI века. М., 2011.
- Chase R.B. Jacobs F.R., Aquilano N.J.* Operations Management for Competitive Advantage. N.Y., 2004.
- Cunnane C., Banker S.* Ukraine on the Verge Introduction of ERP-systems // ARC Advisory Group: Website, 2012. URL: <http://www.arcweb.com/pages/default.aspx> (last accessed data: 15.02.2014).
- Heizer J.R., Render B.A.* Operations Management. New Jersey, 2010.
- Hill V.* The Encyclopedia of Operations Management. New Jersey, 2012.
- Kamauff J.* Manager's Guide to Operations Management. N.Y., 2009.
- Russell R.S., Taylor B.W.* Operations Management. N.Y., 2010.
- Stevenson W.S.* Operations Management. N.Y., 2008.
- Svensson C., Wallen L.* SOA and M&A — Relationships between Service Oriented Architectures (SOA) and Mergers and Acquisitions (M&A). Lund, Sweden, 2013.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Н.И. Васильева¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия),

И.А. Назарова²,

Московский государственный университет тонких химических технологий (МИТХТ) имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются модели промышленных кризисов в мирное время и в условиях военной экономики, их влияние на развитие мировых экономических кризисов, выясняются факторы нарушения хозяйственного равновесия в России и Германии в 1914–1918 гг. по трудам известных российских экономистов. Авторы статьи приходят к выводу, что исследование причин нарушения равновесия спроса и предложения, циркуляции товарно-денежных потоков, дефицита оборотного капитала (безденежья), инфляции и др. в рамках теории промышленных кризисов вскрывает специфику бюджетного финансирования и механизмов функционирования макроэкономической системы в чрезвычайных ситуациях в начале XX в.

Ключевые слова: конъюнктура, эндогенная теория промышленных кризисов, безденежье, «золотые точки», военная экономика.

N.I. Vasilieva,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),

I.A. Nazarova,

Lomonosov Moscow State University of Fine Chemical Technologies (Moscow, Russia)

INDUSTRIAL CRISES IN THE RUSSIAN ECONOMIC THEORY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article examines the models of industrial crises both in peaceful time and in conditions of war economy, their influence on the development of global economics crises. The authors then address the factors of industrial disequilibrium in Russia and in Germany in 1914–1918 presented in the works of famous Russian economists. In the context of theory of industrial crises the study of reasons for the distortion in supply and demand, goods and currency circulation,

¹ *Васильева Нина Ивановна*, канд. экон. наук, доцент ф-та глобальных процессов, e-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

² *Назарова Ирина Александровна*, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и организации производства; тел.: +7 (495) 936-82-56; e-mail: irinanazarova.mitht@mail.ru

currency deficit (slender purse), inflation, etc. reveal the specifics of budget financing and mechanisms of functioning of macroeconomic system in force major situations at the beginning of the XX century.

Key words: conjuncture, endogenous theory of industrial crises, slender purse, “gold points”, war economy.

В современном мире промышленные кризисы представляют одно из наиболее сложных явлений, требующих своевременной диагностики и комплексной программы стабилизации экономики. Несмотря на разнообразие позиций, многие аналитики оценивают текущий кризис как кризис воспроизводства и распределения благ, как хроническую болезнь финансовых институтов. Сложность современного кризиса связана с тем, что переход к новому индустриально-цивилизационному циклу, ставшему итогом промышленного развития более чем за 100–200 лет [Яковец, 2000, с. 27], совпал с началом нового большого этапа экономической конъюнктуры. Процесс технологической трансформации экономик ведущих промышленных стран, не только предполагающий изменение форм организации и функционирования хозяйственных структур, но и затрагивающий социальное устройство общества в целом, приведет к возрастанию роли государственных институтов. Специфика шестого технологического уклада, по мнению некоторых экономистов, заключается в том, что более половины экономической активности (соответственно до 50% ВВП) будет приходиться на гуманитарные отрасли народного хозяйства (здравоохранение, науку и образование) [Глазьев, 2011]. В качестве одной из наиболее опасных особенностей последнего кризиса считается усиление его военно-политической доминанты, когда потребность в высоком качестве жизни в ряде развитых стран оказывает влияние на характер решения геостратегических задач. В то же время, пронизывая все уровни хозяйственной жизни, «новая экономика» как особый уклад формирующегося информационного общества не свободна от влияния рыночной экономики и периодических кризисов [Пороховский, 2002, с. 285–287; Экономические проблемы..., 2009, с. 515–517]. В этом контексте становится целесообразной активная интеграция государства, науки, региональных органов власти и бизнеса для выявления экономических направлений инновационного «прорыва» в условиях экономического кризиса [Суслова, Сысоев, 2013].

Следует отметить, что проблемы конъюнктуры и поиски вектора экономического развития в научной литературе воспроизводятся с той же периодичностью, что и сами промышленные кризисы. Известный финансист первой половины XX в. С.А. Первушин отмечал, что в 1920–1922 гг. наблюдалась полная неопределенность

во взглядах на природу и масштабы послевоенного кризиса. Стронники концепции М.И. Туган-Барановского считали, что военные события не изменили сущности и темпов развития капиталистической конъюнктуры, а лишь переместили кризис во времени — с 1914 г. на 1920-е гг. Их научные оппоненты усматривали в хозяйственной разрухе 1920-х гг. сходство с «кризисом стихийной хозяйственной ликвидации Наполеоновских войн» 1815 г. Еще одна группа исследователей трактовала послевоенный упадок как особый кризис, который таит в себе начало коренной перестройки всего социального, хозяйственного и культурного уклада Европы (среди них встречались и пессимисты: послевоенное состояние экономики они считали началом разложения высших хозяйственных форм и «закатом Западной Европы»). Например, об этом написал немецкий философ О. Шпенглер в книге *Untergang des Abendlandes* [Первушин, 1922, с. 100].

Однако трактовка кризиса как трансформации социально-экономической системы общества, по мнению авторов статьи, не противоречит его пониманию как хозяйственного упадка, вызванного военными действиями. Повторяемость процесса и периодичность его воспроизведения в научных дискуссиях дают богатый материал для изучения длинных волн Н.Д. Кондратьева, столетних циклов и промышленных кризисов, протекающих в наиболее острой форме после окончания мировых войн. Следует отметить, что проблемы послевоенного восстановления народного хозяйства и экономического роста рассматривались в отечественной литературе начала 1920-х гг. в контексте фундаментальных положений российской концепции динамического равновесия социально-экономической хозяйственной системы (А.В. Чаянов, А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, В.К. Дмитриев), на основе которой были созданы первые в мировой науке теории народно-хозяйственного планирования и экономического роста (В.А. Базаров, Г.А. Фельдман и др.) [Ольсевич, 1997, с. 153; *Мировая экономическая...*, 2005, с. 842]. Предметом настоящей статьи является исследование особенностей развития кризисов в условиях военной экономики на основе трудов таких корифеев, как М.И. Туган-Барановский, М.И. Боголепов, С.А. Первушин, И.М. Кулишер, З.С. Каценеленбаум, изучавших послевоенный кризис по горячим следам.

Первые попытки научного анализа указанного явления связаны с именами К. Жугляра (1860) и У. Джевонса (1862). В их работах фиксировался факт повторяемости (периодичности) циклов, формулировалось понятие экономического кризиса, который они понимали как «болезненное» состояние, несвойственное капиталистической системе в целом. В связи с этим рассматривались главным образом экзогенные факторы нарушения равновесия. В конце 60-х гг. XIX в. К. Маркс высказал предположение о том,

что нарушение хозяйственного равновесия было связано с процессом массового обновления основного капитала, который он назвал материальной основой цикла.

Первыми попытками системного исследования совокупности причин, приводящих к возникновению кризисов (60–90-е гг. XIX в.), стали работы таких известных российских экономистов, как В.П. Безобразов, А.Я. Антонович, А.Н. Миклашевский и А.И. Чупров. Они вскрыли причины и механизмы перехода от оживления к спаду производства, показали взаимосвязь таких явлений, как состояние бумажно-денежного обращения и развитие промышленного кризиса. В.П. Безобразов считал, что характер денежной системы оказывал сильное воздействие на хозяйственную конъюнктуру. Он подчеркивал, что покупательная сила бумажных денег более энергично воздействовала на рынок, чем монеты, потому что население стремилось «сбрасывать» обесценивающиеся билеты, обменивая их на товары. В силу этого, во-первых, дополнительные выпуски кредитных денег, писал ученый, резко усиливали спрос на все товары, нарушая установившиеся довоенные пропорции спроса и предложения. Это приводило к тому, что «...выпуски кредитных денег усилили во всех классах общества непроизводительное потребление, а этот вид спроса оживил прежде всего отечественное производство и ввоз предметов роскоши» [Безобразов, 1863, с. 31]. Каналы распространения бумажных денег, отмечал В.П. Безобразов, влияли на ход промышленного цикла: деньги поступали из казны в руки потребителей и лишь от них — фабрикантам и купцам, и таким образом рост спроса стимулировал рост цен. Во-вторых, обилие бумажных денег создавало иллюзию избытка капиталов и стимулировало усиленное капитальное строительство и чрезвычайное оживление кредитного рынка.

В ходе анализа динамики промышленного цикла ученым были отмечены следующие закономерности: несинхронность роста цен по различным группам товаров («вилка цен») и возрастание доли импорта в торговом балансе, рост непроизводительного потребления. В результате этих изменений происходила деформация докризисной структуры производства и народного хозяйства в целом. Денежные эмиссии не приводили к росту основного капитала в отраслях, производящих средства производства, следовательно, способствовали сужению воспроизводственной базы страны в будущем. Народное хозяйство ставилось в опасную зависимость от «эмиссионного допинга»: на фоне обилия бумажно-денежной массы возникало такое труднообъяснимое явление, как безденежье, свидетельствующее об истощении оборотных капиталов.

А.И. Чупров, характеризуя мировой кризис 1883 г., указывал, что в капиталистической системе того времени вследствие развития

транспорта и расширения рынков появилась опасность искажения информации и передачи с помощью биржи ложных ценовых сигналов. В хозяйстве, состоявшем из множества независимых предприятий, в основе взаимодействия которых лежало разделение труда, единственным сигналом для изменения объемов производства служили рыночные цены. До тех пор, пока цены верно отражали потребности общества и условия производства, в народном хозяйстве соблюдалось равновесие. Когда нарушилась работа этого экономического барометра, отмечал ученый, хозяйственное общество потеряло под собой почву. В итоге спекулянты, используя биржу, получили возможность влиять на цены, маскируя истинное положение вещей на рынке. Руководствуясь этими фальшивыми сигналами, промышленность вступила на ложный путь. «Затемнение истинных размеров спроса, — писал А.И. Чупров, — дает толчок к чрезмерному расширению производства; средства же к тому доставляются громадным развитием кредита» [Чупров, 1889, с. 11]. Вместо использования собственного капитала предприниматель сделал ставку на заемные средства. В период с 1871 по 1885 г. величина накопленного капитала, помещенного в ценные бумаги по государственным займам и облигациям кредитных учреждений, составляла 6,5 млрд рублей ежегодно.

Однако искусственное расширение спроса и производства при помощи кредита и роста грюндерства, подчеркивал А.И. Чупров, могло держать промышленность в напряжении лишь до известного предела. «Как бы ни был обилен кредит, но нельзя же бесконечно накапливать запасы товаров... Отсюда — расстройство в делах то одной, то другой фирмы. Но каждое предприятие было связано с целым рядом других взаимной задолженностью; цепь долговых обязательств соединила хозяйства не только одной страны, но целого мира» [Там же, с. 11–12]. Кризис 1883 г. он считал особым и выделял ряд важных системных экономико-технологических изменений, происходящих в результате его развития: технологические инновации, снижение транспортных издержек, рост тарифов и перемещение отдельных трудоемких производств на экономическую периферию. В качестве специфических особенностей кризиса 1883 г. он отмечал следующие:

1) длительное снижение цен не приводило к сокращению производства и расширению потребления;

2) кризис развивался в условиях обилия свободных капиталов и резкого снижения ссудного процента.

Обилие свободных дешевых капиталов (на уровне 2%) создавало условия для искусственного расширения производства и цепи частных банкротств, охвативших мировое хозяйство. Стабильное снижение цен А.И. Чупров считал результатом развития техниче-

ского прогресса и депрессии в сельском хозяйстве. В этой оценке просматривались черты мирового хозяйственного кризиса, которые в начале XX в. более детально были исследованы Н.Д. Кондратьевым.

М.И. Туган-Барановский о механизмах развития промышленных кризисов в мирное время и в условиях военной экономики

Продолжая исследования, начатые предшественниками, М.И. Туган-Барановский создал эндогенную импульсно-волновую модель циклического развития экономики. Рассматривая динамику свободного ссудного капитала и рыночной конъюнктуры, ученый показал механизмы взаимодействия различных уровней народного хозяйства как единой системы. В качестве главных факторов цикличности М.И. Туган-Барановский выделял анархию и неорганизованность капиталистического хозяйства. К специфическим причинам «вызревания» промышленных кризисов он относил несовпадение темпов накопления основного и оборотного капиталов, спроса и предложения на факторных рынках, движение ссудного процента. Общее перепроизводство, подчеркивал ученый, являлось в условиях денежного обмена выражением непропорционального распределения общественного труда и частичного перепроизводства. Он отмечал, что капитал в денежной форме накапливался непрерывно, а производство расширялось «толчками». Повышение ссудного процента в модели М.И. Туган-Барановского стало верным признаком истощения запасов свободного денежного капитала. В этот момент оказалось, что «...деньги внезапно “вздорожали”»; на самом же деле дорожают не деньги, а ссудный капитал, и дорожает он потому, что на ссудном рынке осталось мало свободного незанятого капитала» [Туган-Барановский, 1914, с. 297].

В качестве первых симптомов наступления кризиса М.И. Туган-Барановский называл снижение цен на железо и рост ставки ссудного процента, которые свидетельствовали о «погружении» народного хозяйства в понижательную фазу. Он писал, что «...накопление капитала создает постоянную тенденцию к расширению производства. Капитал... постоянно давит на производство, стремится двигать его вперед. Но для возможности сбыта товаров требуется пропорциональное распределение общественного производства. Капиталистическое же хозяйство в целом хаотично и неорганизовано» [Там же, с. 107]. В капиталистическом хозяйстве производство управляло потреблением и диктовало ему свои правила игры. Трудности сбыта продукции в этих условиях приводили к перепроизводству, а кредит лишь усиливал глубину циклических колебаний.

Конъюнктурную теорию М.И. Туган-Барановского, которая являлась синтезом теории промышленных кризисов и теории денег, на взгляд авторов статьи, следует рассматривать в контексте всех работ ученого, опубликованных в конце XIX — начале XX в. В них детально исследовались особенности экономического развития страны в ординарных и чрезвычайных ситуациях. Причем в анализ теории рыночной конъюнктуры необходимо включить его работу по теории денег (1917), где изучались механизмы изменения общего уровня товарных цен.

Картина развития кризиса в условиях *военной экономики* у М.И. Туган-Барановского стала зеркальным отражением экономического кризиса в мирное время. Однако причины и следствия поменялись местами. На первый план выступило сужение предложения из-за вздорожания сырья и сокращения импорта промышленного оборудования.

При промышленном кризисе сокращение производства явилось следствием сокращения спроса и инвестиций: превышение предложения по сравнению со спросом приводило к снижению общего уровня товарных цен. В хозяйстве, работавшем на удовлетворение военного спроса, наблюдалась иная последовательность событий. Сокращение производства в нем было вызвано не снижением спроса, а сокращением предложения, вздорожанием сырья и средств производства, что неизбежно создало условия для роста цен. В этих условиях даже госзаказы не могли компенсировать резкое снижение предложения. Такая ситуация «перевернутой пирамиды» причин и следствий возникла с развитием экономики по военному сценарию, который представлял, по выражению ученого, «грандиозный опыт протекционизма», доведенного до своего предела — запретительной системы. Этот опыт М.И. Туган-Барановский рассматривал в двух аспектах — с точки зрения финансирования и с позиций сопротивляемости хозяйства разрушительному воздействию чрезвычайных внешних факторов.

С точки зрения финансирования экономики промышленные страны, считал ученый, находились в лучшем положении, чем Россия, потому что богаче капиталами. Для хозяйственного развития в мирное время потеря рынка была опаснее, чем прекращение ввоза, потому что капиталистическая система хозяйства имела естественную тенденцию к перепроизводству, а любые затруднения сбыта при снижении спроса приближали начало общего кризиса. Сокращение импорта, наоборот, переносилось данной хозяйственной системой легко. В условиях военной экономики ситуация кардинально изменилась: «...потеря внешнего рынка оказывается для Германии гораздо менее опасной, чем прекращение подвоза иностранного сырья» [Туган-Барановский, 1915, с. 276]. Это объяснялось

тем, что блокирование внешних рынков затрудняло внутреннее обращение товаров при сохранении производственно-технических возможностей страны.

О методах организации внутреннего обмена в Германии в новых условиях ученый писал, что по природе своей они чужды духу капиталистической системы. На смену «свободной игре рыночных сил» пришло планомерное распределение национального производства и подчинение народного хозяйства «единой регулирующей сознательной воле». Задачей созданного в то время Военно-промышленного совета стало перераспределение общественных производительных сил страны (капиталов и рабочей силы), контроль над движением хлебных запасов. М.И. Туган-Барановский подчеркивал, что «рынок, создаваемый войной, значительно превышает по своим размерам общую сумму германского вывоза за границу» [Там же, с. 276]. Однако помимо сокращения продовольственной и кормовой базы наибольшую опасность для Германии представляло сокращение подвоза промышленного сырья (ученый писал о возможности «медного голода», так как собственное производство обеспечивало лишь 1/9 немецкого потребления меди). Слабость немецкого народного хозяйства, считал М.И. Туган-Барановский, заключалась в том, что оно находилось в зависимости от иностранного импорта сырья.

Новый спрос в условиях военной экономики менял структуру всего народного хозяйства:

1) застой промышленности приводил к угрожающим размерам безработицы;

2) происходило перепрофилирование производства ведущих фирм. Особенно сильно это отражалось на железодельном производстве, так как железо, подчеркивал ученый, являлось в то время универсальным средством производства и движение цен на него характеризует переход от фазы кризиса к фазе подъема в мирное время;

3) наконец, деформация структуры национальной экономики приводила в окончательное расстройство денежное хозяйство страны.

Данные статистики свидетельствуют о том, что Германия, размещавшая до начала 1914 г. свои избыточные капиталы на внешних рынках, вследствие изменения структуры воспроизводства в военное время вынуждена была прибегать к дополнительной эмиссии бумажных денег, а это снижало курс марки.

Характеризуя экономические возможности нашей страны, ученый отмечал, что по сравнению с Германией Россия беднее капиталами. Поэтому с началом военных действий здесь был прекращен обмен кредитных билетов. Несмотря на то что бумажно-денежное обращение было отличительной чертой российского государственного хозяйства в XIX в., писал М.И. Туган-Барановский, в 1915 г.

уже все признали опасность режима бумажных денег для народного хозяйства. В то же время без бумажных денег финансирование бюджетного дефицита для стран — участниц военных действий было невозможно.

Лишение внешнего рынка не имело для отечественной промышленности решающего значения, полагал ученый, так как она в основном работала на внутренний рынок. Однако прекращение импорта лишало промышленность необходимого ей сырья и оборудования. Среди отраслей, пострадавших от прекращения экспорта сильнее всего, М.И. Туган-Барановский называл лесную промышленность, а также кожевенную и нефтеперерабатывающую. Например, сокращение нефтедобычи вследствие дефицита железа и оборудования изменило направление деятельности нефтеперегонных заводов, которые стали увеличивать выработку мазута, сокращая производство бензина и смазочных материалов. Запрет на вывоз нефтепродуктов привел к снижению технического уровня нефтеперегонных заводов, сокращению деятельности механических заводов и потере квалифицированных кадров.

От прекращения импорта в первую очередь пострадали химическая и текстильная промышленность: сказывался недостаток красителей, которые Россия получала из Германии. Произошло снижение потребления каменного угля, так как пришлось отказаться от 20% его импорта. В сложной ситуации оказались такие отрасли производства, как железодельная, кирпичная и цементная, которые работали исключительно на внутренний рынок и не нуждались в импорте. Однако именно в них началось резкое сокращение общественного спроса (на 51%), связанного с войной. Ученый подчеркивал, что положение железодельной промышленности являлось наилучшим показателем общего состояния промышленной конъюнктуры. Огромное снижение спроса на металл он объяснял сокращением в стране учредительства и строительной деятельности. В то же время фабриканты, выпускающие сукно, сумели извлечь значительную прибыль из сложившегося положения. Сокращение производства и сбыта сукна на внутреннем рынке компенсировалось ростом государственных спецзаказов для нужд военного ведомства. Благодаря росту военного спроса фабриканты повысили цены на свои изделия, в результате чего эта отрасль смогла миновать фазу застоя и реализовать значительную долю довоенных товарных излишков. Безработица и расстройство транспортной системы усилили процессы дестабилизации народного хозяйства.

Изучая специфику развития народного хозяйства России и Западной Европы, российские экономисты провели интересный анализ бумажно-денежного обращения. Рост бумажной массы являлся

экономической необходимостью для многих европейских стран, которая была продиктована особым характером войны 1914 г., не имеющей по своим масштабам аналогов в мировой истории. Каждый месяц военных действий стоил для ее участников 2–2,5 млрд рублей золотом, причем речь идет только о затратах государственных казначейств (убытки населения в эту сумму затрат не включены). Но даже такая сумма официальных расходов в значительной степени превосходила максимальную величину мировой эмиссии ценных бумаг 1910 г., равную 10 млрд рублей. Причем М.И. Туган-Барановский делал оговорку, что накопление всего общественного капитала за год не совпадало с величиной эмиссии ценных бумаг: следует иметь в виду, что не весь добавочный капитал помещался в ценные бумаги и, таким образом, часть его не могла привлекаться для государственных займов. Громадные средства, поглощенные в ходе военных действий, нельзя было получить с населения в виде налогов, не разрушив всю систему капиталистического хозяйства. В то же время внешние займы уже не могли удовлетворить растущие потребности государства, так как необходимые суммы превышали величину ежегодной мировой эмиссии ценных бумаг.

В силу этого, подчеркивал М.И. Туган-Барановский, роль огромных финансовых ресурсов стали играть бумажные деньги. Выпуская их, государство производило как бы *«принудительную реквизицию народного богатства»*, захватывало известную часть этого богатства в свое распоряжение, не нарушая прав частной собственности. Только Англия могла использовать на военные расходы займы, не прибегая к эмиссии бумажных денег. Это объяснялось двумя причинами — тем колоссальным богатством и тем, что из всех стран блока война менее всего затронула народное хозяйство данной страны.

Для России, считал М.И. Туган-Барановский, выпуски кредитных билетов являлись необходимым инструментом финансирования военных расходов. Иностранный рынок не мог дать эти средства, поэтому использование бумажных денег диктовалось экономической необходимостью. Ученый замечал, ссылаясь на пример Франции, что усиленные выпуски бумажных денег не должны с жесткой необходимостью приводить к резкому снижению их курса и возникновению лажа на золото.

В России высокий лаж на золото объяснялся в первую очередь особенностями расчетного баланса страны. В первом десятилетии XX в. наша страна имела активный торговый баланс, однако с 1909 г. положительное сальдо неуклонно снижалось. Данная тенденция была опасна, так как страна ежегодно платила сотни миллионов рублей в виде процентов по иностранным займам, и эти выплаты значительно превосходили размеры положительного сальдо торго-

вого баланса. Чем было вызвано снижение активности торгового баланса? М.И. Туган-Барановский связывал сокращение сальдо с быстрым ростом импорта. Несколько последних предвоенных лет были временем сильного промышленного подъема, который в России сопровождался расширением импорта. Дело в том, что основу отечественного экспорта составляли продукты сельского хозяйства, количество которых не менялось (или менялось в незначительной степени) в фазе промышленного подъема. В то же время отечественный ввоз состоял главным образом из промышленных полуфабрикатов. Таким образом, промышленный подъем в России приводил к значительно более быстрому росту импорта. Такое явление (правда, в меньшей степени), замечал ученый, характерно для фазы промышленного подъема и в других странах. Последняя мера торгового протекционизма, согласно которой правительство запретило вывоз продукции аграрного сектора, фактически уничтожила российский экспорт. Импорт, несмотря на сильное сокращение, все же сохранился. К концу 1914 г. отрицательное сальдо торгового баланса России составило 161,2 млн рублей. Неудивительно, резюмировал М.И. Туган-Барановский, что спрос на иностранную валюту значительно превысил ее предложение, и это явилось главной причиной снижения курса кредитного рубля.

Верный своей эндогенной теории, М.И. Туган-Барановский связывал проблемы расстройств валютно-финансовой системы страны в начале XX в. в первую очередь с особенностями промышленного подъема и его развертыванием в условиях военной экономики.

Подводя итоги, М.И. Туган-Барановский писал, что «война явилась как бы грандиозным опытом протекционизма, доведенного до своего предела — запретительной системы» [Туган-Барановский, 1915, с. 302], потому что Россия оказалась в торговой изоляции. Однако влияние военных событий на экономику России было, считал ученый, более слабым, чем в Германии. Во-первых, Германия потеряла свои внешние рынки, которые имели для нее исключительно важное значение, а в России большинство отраслей было ориентировано на внутренний рынок. Во-вторых, немецкая промышленность в большей степени, чем русская, зависела от импорта. В-третьих, расстройство кредита и транспорта в Германии было сильнее. В-четвертых, число рабочих в ходе мобилизации в Германии сократилось на 40% по сравнению с 12–15% в России. Все эти данные приводили к выводу, что развитие военной экономики весьма существенно отличалось от хода промышленного кризиса. Для развития хозяйства в чрезвычайных ситуациях характерно сокращение производства, вызванное сокращением предложения и вздорожанием сырья. Для промышленного кризиса характерно об-

щее снижение цен; в условиях военной экономики имело место их обратное движение. Следовательно, превышение спроса над предложением было вызвано внешними причинами, не связанными с общей промышленной конъюнктурой, резюмировал М.И. Туган-Барановский.

М.И. Боголепов и С.А. Первушин о факторах макроэкономической нестабильности и механизмах восстановления послевоенной экономики

Рассматривая причины снижения курса рубля в начале Первой мировой войны 1914 г., М.И. Боголепов³ акцентировал внимание на влиянии внешнеэкономических факторов. Указанное обесценивание он объяснял чрезмерным вздорожанием иностранных векселей, отнюдь не отражающим действительного снижения курса рубля, которое М.И. Боголепов называл «условным». Неблагоприятную динамику курса рубля он связывал с нарушением международной системы расчетов. Ученый писал, что в современной экономике любое национальное хозяйство неразрывно связано с мировым рынком; все страны составляют круг участников одного общего счета, поэтому «...механическое повреждение этой цепи, выбытие одного звена тем самым наносило заметный ущерб всей системе и отдельным участникам» [Боголепов, 1915, с. 432].

Нарушение международной системы расчетов проявилось в том, что с началом военных действий были прекращены всякие экономические отношения с воюющими странами и получили механическую отсрочку обязательства между союзниками и нейтральными странами (замораживание счетов). Такая отсрочка была выгодна Германии, но расстраивала платежную систему Англии. В результате этих процессов кредитные документы потеряли свою силу, и многие страны были обречены на длительный застой в области международного обмена.

Учитывая, что товар как главное средство платежа по международным обязательствам во время войны оказался несостоятельным, писал М.И. Боголепов, вместо сложной многозвенной системы международных расчетов появилась практика одностороннего обмена. В мирное время выравнивание пассивного сальдо платежного баланса чаще всего происходило при помощи новых займов или посредством продажи на мировых фондовых рынках ценных бумаг страны. Однако «моратории иммобилизовали банковские средства Англии и Франции, поэтому русские, американские бан-

³ Известный экономист, член-корр. АН СССР (1939), специалист в сфере финансов и денежного обращения, организатор и первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде.

ки были лишены возможности не только получить в этих странах новые кредиты, но даже воспользоваться своими собственными текущими счетами, имевшимися в Англии и Франции. Чек и вексель, — эти основы международных расчетов, — оказались бессильными во время войны» [Там же, с. 436]. В сложившейся ситуации осталось последнее средство (*ultima ratio*) — расчеты золотом. Но и здесь произошло ухудшение рыночной конъюнктуры: трудности и возросший риск, связанный с пересылкой золота в военное время, повышали стоимость фрахта (по некоторым данным, пересылка золота могла составить 14–15% всей стоимости благородной монеты).

В то же время, несмотря на острую необходимость погашения внешней задолженности золотом, существовал не менее важный аргумент в пользу его удержания внутри страны: золото оставалось «основой финансовой боевой готовности». Поэтому в государствах, принявших главные удары, произошла стремительная демонетизация золота во внутреннем обращении, причем данный процесс шел одновременно на двух уровнях.

На официальном уровне был прекращен обмен банкнот на золото. Одновременно произошла стихийная демонетизация «снизу» как ответ населения на непредсказуемость и нестабильность денежного обращения. Она привела к тому, что золото, свободно циркулировавшее на внутреннем рынке, под влиянием всеобщей паники было моментально изъято из обращения. Сложилась противоречивая ситуация: международные расчеты золотом могли проводить только центральные банки, но перед ними стояла другая, не менее важная задача — по возможности увеличить стратегические золотые запасы. Таким образом, писал М.И. Боголепов, «золото, оставшееся единственным средством выравнивания международных платежей, в то же время оказалось в положении недостижимости» [Там же, с. 437].

Нарушение мирового экономического обмена осенью 1914 г. привело к тому, что страны — экспортеры сельскохозяйственной продукции (США, Россия), еще не успевшие вывезти свой товар за границу, терпели серьезные убытки (экспорт был приостановлен), а страны-кредиторы (прежде всего Англия) ожидали уплаты долгов золотом по прежним кредитам. Неудивительно, что все это привело к снижению вексельных курсов России и Америки на Лондонском фондовом рынке, и на рынках стран-задолжниц начались настойчивые поиски иностранной валюты (в том числе переводных векселей и чеков). Сильный и односторонний спрос на валюту приводил к тому, что валютные цены вскоре приняли, по выражению М.И. Боголепова, характер «*голодных цен*», порвавших с «золотыми точками». Анализируя динамику вексельных курсов

Петрограда на Лондон, ученый отмечал, что если цена десятифунтового векселя находилась в пределах «золотых точек» (от 94,125 до 95,025 рубля), то уплата производилась векселями. Если вексельный курс поднимался выше, то за него приходилось давать большую цену в рублях, поэтому становилось выгоднее выплачивать данную сумму золотом. Вывоз золота в таких условиях являлся регулирующей силой, автоматически приводящей вексельные курсы к норме (к «золотым точкам»). Военные события, разрушив автоматические механизмы выравнивания вексельных курсов, привели к анархии в вексельном обороте. Таким образом, сильное обесценивание рубля в международных расчетах из-за вздорожания иностранных векселей, подчеркивал М.И. Боголепов, отнюдь не означало действительного снижения его ценности.

Вексельный курс на уровне 110–120 рублей за трехмесячный вексель в 10 ф. ст. ученый называл «совершенно невероятной золотой точкой», которую правильнее было бы назвать «военной точкой». Старания русского правительства по смягчению отрицательной динамики внешней задолженности, в том числе с помощью заключения новых займов, не принесли серьезных результатов. Главным условием восстановления нормального вексельного курса могло стать, писал М.И. Боголепов, возобновление экспорта товаров.

Крупный специалист в области истории народного хозяйства И.М. Кулишер наиболее важным звеном в цепи факторов, влиявших на состояние денежного обращения, торгового баланса, характер внутреннего производства и направление внешнеэкономических отношений в послевоенный период, считал вексельные курсы. Он подчеркивал, что до 1914 г. умеренные колебания вексельных курсов происходили в пределах «золотых точек»: в случае отклонения от них начинался отток золота за границу (или, наоборот, приток его). Этот механизм обеспечивал макроэкономическое равновесие. Однако война 1914–1918 гг. разрушила этот регулятор и «...вместо небольшого количества золота, переходившего границу при переходе вексельного курса за пределы золотых точек, в настоящее время море бумажек переливается через границы отдельных стран и колебания курсов достигают огромных, прямо невероятных размеров» [Кулишер, 1923, с. 106].

Ученый обращал внимание на интересную закономерность: точка кульминации в колебаниях курсов приходилась не на период развития военных действий, а на период восстановления народного хозяйства и возобновления международной торговли. Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса являлась Германия. И.М. Кулишер отмечал, что во время военных действий (несмотря на временные успехи) курс марки начал падать, и к 1918 г. он составил 71% от номинала. Но с момента поражения Германии и установле-

ния репарационных платежей марка «безудержно летит в пропасть», и в 1922 г. за нее давали уже менее 1% от номинала. В послевоенное время страны с низким валютным курсом неожиданно для себя стали получать экспортную премию, которая стимулировала вывоз их товаров, затрудняя импорт. Опасная конкуренция со стороны Германии, Австрии, Чехии, Польши стала одной из причин разрастания кризиса в Голландии, Швеции, Англии и Швейцарии. Однако в странах с низким валютным курсом происходила распродажа части национального богатства, писал И.М. Кулишер.

С.А. Первушин⁴ писал, что необходимость восстановления нарушенных хозяйственных связей Европы и Америки в 1920-е гг. сделала актуальными исследования динамики мирового хозяйства и его конъюнктуры. Причины послевоенного кризиса 1920-х гг., по мнению ученого, весьма сложны, и данный кризис нельзя трактовать как обычную свойственную капитализму депрессию.

Послевоенный кризис народного хозяйства был вызван рядом причин, среди которых С.А. Первушин выделял следующие:

- 1) нарушение пропорциональности между отдельными отраслями производства;
- 2) резкое сокращение потребления вследствие снижения покупательной способности населения;
- 3) полное расстройство валютных отношений и практически полное отсутствие кредита;
- 4) чрезвычайное увеличение налогов, которое привело к снижению покупательной силы населения и явилось причиной угнетенного состояния промышленности и торговли;
- 5) усиление репараций из-за кризисных тенденций.

Непродолжительное оживление, наблюдавшееся в январе 1920 г., отличалось необычными для нормального подъема чертами: «робкое» оживление с частичными перебоями проходило на фоне разрыва хозяйственных связей из-за валютного хаоса. Движение не отличалось всеобщностью и нарастанием темпов и сопровождалось действием «политического фактора» [Первушин, 1922, с. 131].

Внутрихозяйственный кризис в воевавших странах и промышленный рост в других государствах создали условия для развития мирового экономического кризиса. С.А. Первушин писал, что первые симптомы мирового кризиса проявились в Японии, затем они распространились на США и другие неевропейские страны с высокими темпами экономического роста в годы Первой мировой войны. Особенность этого кризиса заключалась в том, что он начался с отраслей промышленности, выпускающих товары народ-

⁴ Известный экономист, специалист в области ценообразования и хозяйственной конъюнктуры, заведовал подотделом цен и индексов в ЦСУ СССР (1945–1962).

ного потребления (текстильное производство и другие отрасли). Первым фактором развития кризиса стала конкуренция на стороне товаров.

В развитии мирового экономического кризиса С.А. Первушин выделял следующие моменты. Во-первых, высокая цена серебра и дизажио на европейскую валюту способствовали успешному завоеванию европейскими товарами восточных рынков. Во-вторых, значительное сокращение американского импорта во Франции и Англии объяснялось притоком дешевых товаров из Германии. В-третьих, высокий урожай хлопка на фоне вынужденного сокращения экспортных поставок в западноевропейские страны создавал условия для начала развития промышленного кризиса в США.

С.А. Первушин показал, что нарушение хозяйственного равновесия в воевавших странах и промышленный рост в нейтральных странах, изменение направления товарных потоков и экспортно-импортных пропорций на мировом рынке стали главными факторами развертывания мирового экономического кризиса. Он считал, что для исследования конъюнктуры необходимо использовать комбинацию признаков. Прочные основания для таких расчетов заложили К. Жугляр, Ж. Лескюр⁵, М.И. Туган-Барановский, А. Афтальон⁶.

Характеристика феномена безденежья в послевоенной экономике России в работах З.С. Каценеленбаума

Характеризуя послевоенное хозяйство России в 1918 г., профессор Московского университета З.С. Каценеленбаум, крупный специалист в области финансов, кредита и денежного обращения, отмечал, что одновременно с обесцениванием рубля (в то время каждый рубль оценивался не более чем в 5 копеек золотом) произошел скачок цен. Причем цены выросли неравномерно: одни товары подорожали в 10–15 раз, другие — в 50–75 раз.

Как и М.И. Туган-Барановского, З.С. Каценеленбаум в первую очередь интересовали внутренние причины развития хозяйственной нестабильности в послевоенной экономике страны. Поэтому прежде всего он выделял факторы, лежащие «на стороне товаров» и «на стороне денег», показывая их влияние на внешний курс рубля. К причинам роста цен «на стороне товаров» З.С. Каценеленбаум относил уменьшение числа занятых в народном хозяйстве и расстройство транспорта.

⁵ Французский экономист, автор работы «Общие и периодические кризисы», изданной в России в 1908 г.

⁶ Известный французский экономист, профессор Лильского университета, специалист в области промышленной конъюнктуры, автор книги «Периодические кризисы перепроизводства» (1913). Выдвинул принцип акселерации.

Вторую группу причин расстройства денежного обращения представляли изменения, случившиеся в мире собственно денежных отношений: это прежде всего переход к бумажной валюте, увеличение бумажно-денежной массы, крайняя неустойчивость цен. «По мере того, как населению насильственно навязывались новые и новые массы бумажек, оценка этих денежных масс со стороны населения падала, а вместе с тем падала оценка и покупательная сила денежной единицы, бумажного рубля» [Каценеленбаум, 1918, с. 7]. Такой неравномерный рост цен по разным группам товаров изменял основы правильного коммерческого расчета и создавал благоприятные условия для расцвета спекуляции, приводя к нарушению товарообмена.

Кульминацией данного процесса стало безденежье, развившееся, по выражению ученого, «посреди изобилия денег». Его появление З.С. Каценеленбаум объяснял нарушением правильной циркуляции денежных знаков в стране: расширение военного производства вызывало усиленный спрос на рабочие руки и сырье, поэтому главный поток денежных знаков шел от центра к периферии, но все меньше товаров поступало в обмен на эти деньги в деревню, таким образом был нарушен обратный приток денег в город. Получалось, что в провинциях скапливались значительные денежные массы и ощущался острый дефицит товаров, в то время как город, испытывая постоянное безденежье, вынужден был прибегать к новым эмиссиям. Безденежье проявлялось в двух формах: во-первых, существовал острый недостаток денег мелкого достоинства; во-вторых, промышленное производство испытывало дефицит оборотных капиталов, который происходил вследствие переоценки всех материальных ценностей в процессе снижения покупательной силы рубля и роста цен на рабочую силу и сырье (когда цены на сырье обогнали цены на готовую продукцию, а рост заработной платы из следствия превратился в одну из причин дороговизны, обнаружился недостаток в оборотных средствах). Данный процесс усугубила политика нового правительства: большевики, национализировав Госбанк, прекратили кредитование коммерческих банков, а чуть позже объявили об их ликвидации. Все это лишало промышленность необходимых оборотных капиталов.

Острая потребность в денежных знаках мелкого номинала в розничной торговле и в оборотных капиталах для промышленности стала главной причиной выпуска местных знаков обращения в различных регионах страны. З.С. Каценеленбаум отмечал: если безденежье будет более длительным и нарушение работы транспорта еще более изолирует окраины, то количество местных денег возрастет и встанет особая проблема урегулирования этих суррогатных денежных потоков.

Снижение курса кредитного рубля на внешнем рынке З.С. Каценеленбаум относил к третьей группе факторов обесценивания: оценка бумажных денег, оторвавшихся от своей золотой основы, стала колебаться под влиянием перемен общеполитического и финансового характера (например, от 12 рублей 50 копеек в августе 1914 г. до 65 рублей за 1 ф. ст. в октябре 1917 г.).

Снижение курса рубля, замечал ученый, помимо политических имеет и глубокие экономические последствия, так как форсирует экспорт и искусственно тормозит импорт. Однако и здесь военная экономика внесла свои коррективы: рост цен на внутреннем рынке обгонял возвышение курса иностранной валюты, что создавало благоприятные условия для импорта, сокращая экспорт отечественных товаров. Резкое снижение курса рубля на внешнем рынке «...лишило всякого значения все те меры таможенной и железнодорожной тарифной политики, которые вырабатывались годами и были направлены на поддержание тех или иных отраслей промышленности» [Там же. С. 9].

Колебание курса бумажных денег на внешнем рынке и снижение его покупательной силы на внутреннем рынке привели к появлению лажа на металл. Однако, писал З.С. Каценеленбаум, с учетом того, что золото в рассматриваемый период времени перестало выполнять функции денег и превратилось в особого рода товар, в России возник лаж на «отдельные сорта бумажных денег» (например, «керенки» оценивались дешевле николаевских денег). Для России, по мнению ученого, оставался один путь упорядочения денежного обращения — путь возврата к золотому монометаллизму, т. е. путь «*реставрационного*» перехода к твердой валюте.

Особенности модели экономических кризисов в работах российских ученых первой половины XX в.

В заключение следует отметить, что в эндогенной модели М.И. Туган-Барановского были вскрыты общие и специфические факторы циклического развития экономики, показаны особенности течения промышленного кризиса в мирное и военное время. В центре его внимания находились проблемы накопления основного и оборотного капитала, динамики спроса и предложения на факторных рынках. В то же время помимо признаков вступления в понижательную волну, ставших уже классическими (рост ставки ссудного процента, снижение цен на железо), на взгляд авторов статьи, незамеченным остался такой важный симптом «вызревания» кризиса, как нереализованное предложение на рынке основного капитала. М.И. Туган-Барановский впервые исследовал характер хозяйственной инверсии в условиях военной экономики, когда сужение произ-

водства следовало за сокращением предложения импортных средств производства и сырья (таблица).

На примере России и Германии М.И. Туган-Барановский показал роль институциональных факторов в развитии кризиса и выхода из него. Он рассмотрел особенности финансирования бюджетного дефицита в начале XX в. в момент развития кризиса и в чрезвычайных ситуациях (в условиях военной экономики), когда деформация довоенной структуры народного хозяйства, его зависимость от эмиссионного «допинга» приводили к истощению оборотных капиталов (безденежью).

Критики его теории отмечали, что динамика ссудного процента и цен на железо могут не только характеризовать промышленный кризис, но отражать состояние аграрного сектора. С.А. Первушин, Ж. Лескюр, А. Афтальян считали, что учение М.И. Туган-Барановского о недостатке свободного капитала как причины возникновения кризиса не соответствует реальности. По мнению И.А. Трахтенберга⁷, кризис возникает, когда «разрывается единство ссудного и действительного капиталов». Денежный кризис лишь на время соединяет эти «разорванные» части воспроизводства путем насильственного сокращения кредитных операций и сжатия кредитной надстройки. Расширение производства, замечал И.А. Трахтенберг, имеет «узкие границы», поэтому выход кредита за пределы действительного капитала сопровождается усилением спекуляций, предвосхищающих начало промышленного кризиса. *Единство рынков ссудного капитала* придает денежным кризисам особое качество: они становятся мировыми [Трахтенберг, 1939, с. 45].

С.А. Первушин называл модель М.И. Туган-Барановского теорией капиталистической конъюнктуры и, несмотря на ряд критических замечаний, признавал ее «высшей формой теории кризисов» в начале XX в. М.И. Туган-Барановский, писал С.А. Первушин, придал «...блестящую и твердую основу той Konjunkturkunde, которая в настоящее время достигла такого широкого развития во Франции, Германии, Америке и имеет такое огромное практическое значение» [Первушин, 1914, с. 31].

Исследование проблем промышленных кризисов и денежного обращения в начале XX в. вызвало у российских экономистов интерес к феномену мирового экономического кризиса. В ходе анализа влияния послевоенного внутрихозяйственного упадка на характер мирового кризиса отмечалось несовпадение темпов экономического роста в различных странах, нарушение циркуляции товарно-

⁷ Известный экономист, специалист в области денежного обращения и кризисов, академик АН СССР (1939), автор историко-экономического исследования кризисов.

Эндогенная модель промышленного цикла М.И. Туган-Барановского

Системные причины развития кризиса	Факторы развития кризиса	в военной экономике (1914–1915)
<p>I. Общие:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) при капитализме накопление капитала определяет размеры общественного воспроизводства; 2) производство управляет потреблением; 3) неорганизованность капиталистического хозяйства; 4) противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения продукта; 5) накопление денежного капитала — непрерывный процесс, расширение производства — волнообразный процесс. <p>II. Специфические:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) рост основного капитала в фазе оживления связан с мультипликацией спроса; 2) расширение производства зависит от доли основного капитала в общей массе ссудного капитала; 3) несинхронность колебаний спроса и предложения на факторных рынках и рынках предметов потребления 	<p>I. Оживление:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) <i>снижение ставки ссудного процента;</i> 2) <i>рост спроса на средства производства, рост цен на железо;</i> 3) <i>создание нового основного капитала в стране;</i> 4) <i>эффект мультипликации спроса:</i> <ul style="list-style-type: none"> — увеличение зарплат рабочих; — рост спроса на предметы потребления; — возрастание спроса на предметы роскоши. <p>II. Кризис:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) <i>первые признаки перепроизводства:</i> <ul style="list-style-type: none"> — истощение запасов ссудного капитала; — безденежье; — снижение спроса на основной капитал при сохранении прежних размеров его предложения; 2) <i>развитие кризиса:</i> <ul style="list-style-type: none"> — <i>рост ссудного процента;</i> — <i>снижение цен на железо;</i> — усиление спекуляций с недвижимостью; — <i>грюндерство;</i> — <i>безработица</i> 	<p>I. Сужение производства вследствие:</p> <ul style="list-style-type: none"> — сокращения предложения (в том числе импорта); — вздорожания сырья; — сокращения прежних объемов производства; — дефицита рабочей силы; — расстройств транспортной системы; — развития инфляции. <p>2. Обесценивание рубля:</p> <ul style="list-style-type: none"> — пассивный торговый баланс вследствие прекращения отечественного экспорта (1914); — усиленный спрос на иностранную валюту вследствие сужения кредита; — лаж на золото

Источник: составлено И.А. Назаровой с использованием работ М.И. Туган-Барановского.

денежных потоков, приводящих к деформации структуры народного хозяйства (З.С. Каценеленбаум), безденежью, «условному» обесцениванию валюты и развитию «золотой» инфляции (М.И. Боголепов, А.А. Соколов). В отечественной экономической литературе того времени рассматривалось влияние валютного демпинга на товарную экспансию стран Западной Европы на мировых рынках (М.И. Боголепов, С.А. Первушин, И.М. Кулишер). Вызывает, по мнению авторов статьи, особый интерес характер переплетения промышленных («заурядных», по выражению А.И. Чупрова) мировых кризисов и больших циклов экономической конъюнктуры. Обращает на себя внимание совпадение мировых кризисов с повышательной волной больших циклов. Первый мировой кризис 1857 г. совпал с началом второго большого цикла. Мировой кризис 1900–1903 гг. и послевоенный кризис 1920 г. были этапами формирования нового технологического уклада третьего цикла, изменившего «географию» размещения производительных сил и структуру транспорта на мировом рынке. Однако эта проблема может быть основой самостоятельного исследования.

В моделях российских экономистов акцент делался на технологических изменениях, происходящих в народном хозяйстве, рассматривались особенности развития промышленных, мировых и больших экономических циклов. Каждый новый хозяйственный уклад менял качество мирохозяйственных связей и укреплял позиции такого институционального субъекта рынка, как государство. Военные конфликты отражали объективные процессы перелива капитала. Государственное регулирование экономики в чрезвычайных ситуациях способствовало реформированию устаревшей хозяйственной системы с учетом роста нового доминирующего технологического уклада. Бумажные деньги сыграли роль специфических инструментов государственной политики.

Развитие трансформационных кризисов в конце XX — начале XXI в. требует нового осмысления фундаментальных классических подходов в теории экономических циклов. Обращение к истории создания теории экономических кризисов может пролить свет на многие проблемы хозяйственной нестабильности настоящего времени, поэтому, по мнению авторов статьи, должно заинтересовать и современного читателя.

Список литературы

Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом. М., 1863.

Боголепов М.И. Война и деньги // Вопросы мировой войны / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. СПб., 2011.

Каценеленбаум З.С. Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М., 1918.

Кулишер И.М. Обзор мирового хозяйства во время войны и после войны и состояние его к началу 1923 г. Пг.; М., 1923.

Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Худокормов. М., 2005.

Ольсевич Ю.Я. К теории экономических трансформаций: Сб. ст. М., 1997.

Первушин С.А. Теория кризисов М.И. Туган-Барановского. М., 1914.

Первушин С.А. Конъюнктура современного мирового хозяйства. М., 1922.

Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М., 2002.

Сулова Е.И., Сысоев Е.В. Промышленная политика как фактор экономического развития России // Транспортное дело России. 2013. № 4.

Трахтенберг И.А. Денежные кризисы (1828–1938) // Мировые экономические кризисы. Т. 3. М., 1939.

Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. СПб., 1914.

Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Пг., 1915.

Чупров А.И. О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. М., 1889.

Экономические проблемы инновационного развития: научная монография / Под ред. К.А. Хубиева. М., 2009.

Яковец Ю.В. Циклы и кризисы XXI века: цивилизационный аспект. М., 2000.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.Ю. Михайлова¹,

Университет Бата (Великобритания)

УСТОЙЧИВОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Климатические изменения в сочетании с высокими оценками минерально-сырьевого потенциала региона открывают огромные перспективы экономического освоения арктических зон, в особенности российской части Арктики. Однако подобная разработка региона может привести к ряду негативных последствий, прежде всего экологических, и усугубить его социальные проблемы. Арктика нуждается в комплексном развитии, основанном на принципах устойчивости.

В первой части данной работы показаны перспективные с экономической точки зрения проекты в Арктике и раскрыты причины их возникновения. Во второй части предпринята попытка обозначить основные проблемы, противодействующие эффективному и устойчивому развитию российской Арктики, и предложены шаги, позволяющие преодолеть сложившиеся трудности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, Арктика, Россия, освоение, региональное развитие.

S. Yu. Mikhailova,
University of Bath (UK)

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ARCTIC: CHALLENGES AND PROSPECTS

Climate changes in combination with high estimates of the raw-materials base create positive prospects for economic exploration of the Arctic, especially, russian part of the Arctic. However, such an expansion can lead to several negative consequences, first of all, environmental ones, and to worsen social problems of the region that already exist. Arctic needs an integrated development based on sustainability principles. In the article the projects that are potentially profitable from an economic prospective are shown, and their origins are discussed. In the second part the author tries to demonstrate the main problems that impede an effective and sustainable development of the russian Arctic, and proposes some steps allowing getting over the difficulties.

Key words: sustainable development, the Arctic, Russia, development, regional development.

¹ Михайлова Стелла Юрьевна, магистр Университета Бата по программе “MSc Sustainability and Management”; тел.: +7 (903) 776-27-37; e-mail: mikhailova.st@gmail.com

Значение Арктики для России и мира

Географически к Арктике относят территории суши и водное пространство, которые располагаются севернее полярного круга (66°33′ северной широты). Иногда границы региона увязывают с изотермой июля на карте, равной +10 °С. На практике к Арктике относят Северный Ледовитый океан с его морями (Гренландским, Баренцевым, Карским, Лаптевых, Восточно-Сибирским, Чукотским, Бофорта, Баффина), заливом Фокс-Бейсин, проливами и заливами Канадского арктического архипелага; северные части Тихого и Атлантического океанов; Канадский арктический архипелаг, Гренландию, Шпицберген, Землю Франца-Иосифа, Новую Землю, Северную Землю, Новосибирские острова, остров Врангеля, а также северные побережья материков Евразия и Северная Америка [Капица, Каплин, 1985].

Также географически выделяют восемь государств, которые могут называть себя арктическими (Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия, США, Канада, Исландия и Дания за счет Гренландии и Фарерских островов), поскольку все они пересекают Северный полярный круг (рис. 1). До сегодняшнего дня основным документом, разграничивающим политические притязания на арктическую зону, остается Конвенция ООН по морскому праву от 1982 г. (далее — Конвенция). Согласно ей, среди восьми обозначенных государств только пять имеют юридическое право на освоение арктического шельфа, так как они непосредственно выходят к Северному Ледовитому океану. Таким образом, правом на исключительную экономическую зону в пределах 200 миль обладают Россия, Канада, США, Норвегия и Дания, которые на практике принято называть «арктическими» странами.

События последних лет способствовали росту интереса к Арктике со стороны европейских и азиатских государств. В 2008 г. Геологическая служба США [Circum-Arctic Resource..., 2008] сообщила, что в регионе находится 30% мировых неразведанных запасов природного газа (примерно 47 трлн м³) и 13% неразведанных запасов нефти (порядка 90 млрд баррелей). Также, по их оценкам, в Арктике залегают порядка 20% неразведанных запасов газоконденсата. Это стало важным событием, которое изменило мировое отношение к Арктике как к региону со значительными экономико-энергетическими перспективами. В результате все больше развитых и развивающихся стран начали предпринимать попытки закрепить свои права на территориях севернее полярного круга.

На текущий момент, согласно Конвенции, Российская Федерация является крупнейшим арктическим государством, которое обладает юридическими правами на исключительную экономиче-

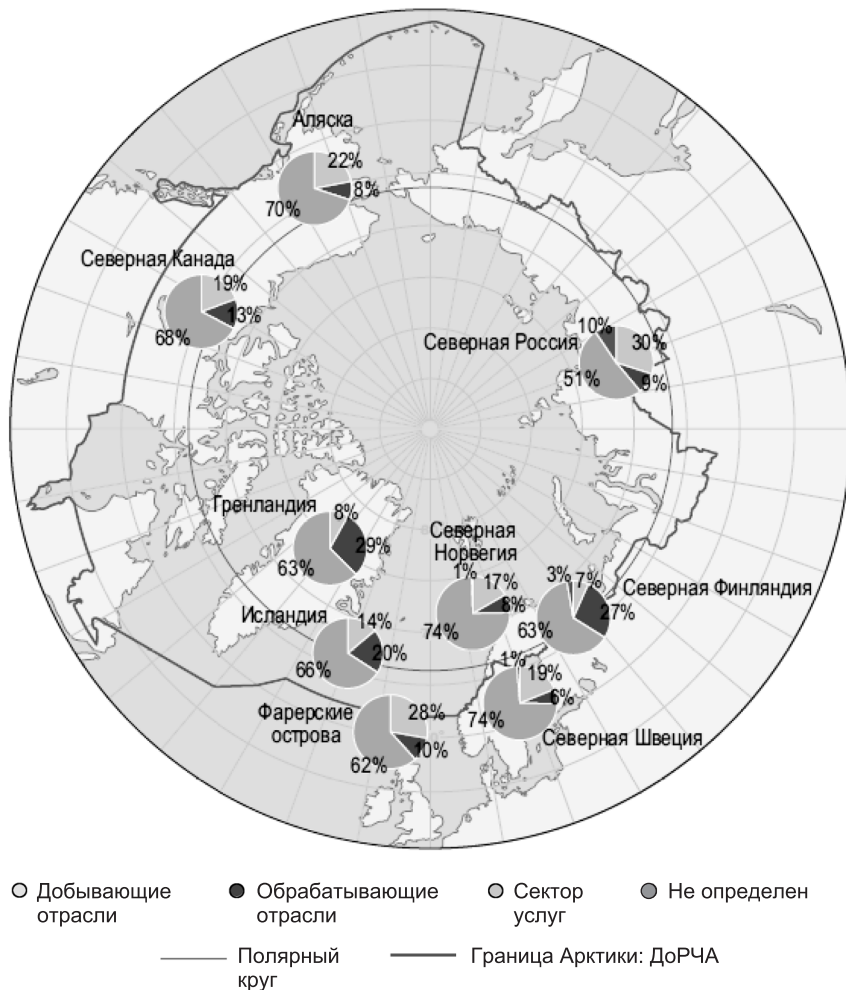

Рис. 1. Распределение валового продукта в Арктике по странам и секторам промышленности в 2001 г.

Источник: [Доклад о развитии человека..., 2007, с. 70]

скую зону в указанном регионе в пределах 200 миль к северу от побережья и островов российской Арктики с правом ее продления до 350 миль² [Конвенция ООН..., 1992]. Арктическая зона РФ занимает 4386,6 тыс. км², или 25,7% от общей площади территории государства. Численность населения здесь, по имеющимся оценкам,

² Согласно Конвенции, последнее возможно в том случае, если будет научно обоснован факт, что арктический шельф является продолжением сухопутной территории государства.

превышает 2,5 млн человек, что составляет менее 2% населения страны и около 40% населения всей Арктики³.

Северная территория России известна месторождениями минерального сырья, например золота (Магадан, Чукотка), никеля (Мурманск, Красноярск), олова (Саха, Чукотка) или алмазов (Саха) [Доклад о развитии человека..., 2007]. Не менее внушительны и сведения об углеводородах (УВ). Согласно имеющимся оценкам, Российская Федерация обладает большей частью арктических УВ (рис. 2) и может получить от Арктики порядка 83 млрд т условного топлива (т.у.т) в виде начально извлекаемых ресурсов УВ. Однако эти показатели являются спорными, так как основываются на данных 1970-х гг. (тогда Министерство геологии СССР стало исследовать запасы на территории континентального шельфа в ответ на открытые американцами и норвежцами месторождения в зонах своей юрисдикции). Указанная цифра много лет переходит из отчета в отчет, несмотря на изменения территориальных и водных пространств государств, что говорит о вероятностном, условном характере существующих оценок. Если все же принять их как верные, то показатели будут соответствовать 22–27% общего объема УВ Мирового океана, хотя им еще предстоит пройти масштабную апробацию в ходе геолого-разведочных работ [Еремин, 2009].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ, или АЗР) обладает колоссальным значением для государства. АЗР обеспечивает 15% ВВП страны и 25% отечественного экспорта [Лукин, 2012]. Помимо углеводородов, в регионе обнаружены богатые месторождения олова, вольфрама, ванадия, молибдена, сурьмы и сульфатов, металлов платиновой группы, тантала, титана, железа, ниобия, кобальта, газа и меди и т.д. [Месторождения..., 2013. Также регион является ценностью с точки зрения экологии: здесь проживают уникальные виды животных и сосредоточены колоссальные запасы пресной воды и чистого воздуха.

Климатические изменения и их социо-эколого-экономические последствия для региона

На протяжении последних десятилетий в Арктике происходят беспрецедентные по скорости и характеру своего протекания климатические изменения. Вне зависимости от так называемого гло-

³ Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Разработка подпрограммы государственной программы Российской Федерации «Экономическое и социальное развитие Арктической зоны Российской Федерации на 2011–2020 годы» в Республике Саха (Якутия)» // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). 2010–2014. URL: <http://www.sakha.gov.ru/en/node/65700> (дата обращения: 25.02.2014).

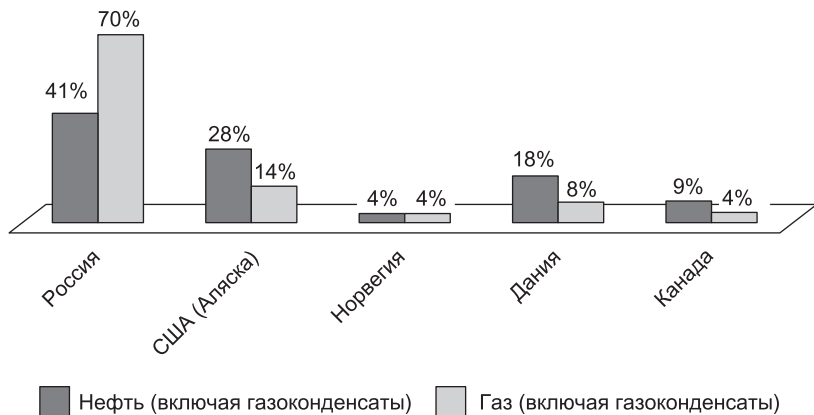

Рис. 2. Региональное распределение арктических нефти и газа (включая газоконденсат)

Источник: адаптировано автором из [Lindholt, Glomsrød, 2011].

бального потепления неоспоримым фактом является положительная тенденция роста среднегодовых температур воздуха. При этом в Арктике рост температур идет быстрее, чем в среднем на планете. В то время как на основной территории РФ за 2012 г. осредненная аномалия температуры воздуха была +1,07 °С, в Арктике данный показатель составил +2,2 °С [Доклад об особенностях климата..., 2013, с. 6]. Повышение температур воздуха влияет на процессы таяния арктических льдов. В частности, по данным Росгидромета, в сентябре 2012 г. средняя площадь льда составила 3,61 млн км² с минимальным значением 3,37 млн км², в то время как в 2007 г., ранее считавшимся годом абсолютного минимума, данный показатель равнялся 4,30 млн км² [Там же, с. 51].

Активное таяние льдов и изменение их качественного состава (падение доли многолетних льдов и возрастание доли однолетних) не только изменяет среду обитания большинства видов животных, но и увеличивает риски для проживающего здесь населения. Таяние вечной мерзлоты ведет, во-первых, к разрушению инфраструктурных объектов, а во-вторых, к масштабному высвобождению опасного парникового газа метана.

Однако обратной стороной происходящих изменений является смягчение суровых погодных условий региона, что позволяет развивать на территории российской Арктики долгосрочные экономические проекты. В частности, на фоне растущего спроса на первичную энергию со стороны таких стран, как Индия и Китай, а также стран Ближнего Востока [Прогноз развития энергетики..., 2013] особенной привлекательностью обладают проекты по добыче углеводородного сырья. На шельфе Баренцева, Печорского и

Карского морей (а также их губ и заливов) открыто более 20 месторождений нефти и газа, в том числе уникальных (например, Штокмановское, Ленинградское, Русановское, Юрхаровское, Каменномысское море, Долгинское, Приразломное и др.). Активно реализуются проекты на полуострове Ямал, такие, как мегапроект «Ямал» (Газпром), «Ямал-СПГ» («Новатэк», Total, CNODC), идет развитие нефтегазохимии в регионе («Сибур»). Иностранные компании Shell, Statoil, ExxonMobil и Eni совместно с отечественными компаниями Газпром и «Роснефть», несмотря на трудности, обусловленные климатическими, технологическими и эколого-экономическими причинами, занимаются разработкой арктических шельфовых проектов.

Перспективным направлением является развитие транспортной магистрали Северный морской путь (СМП), которая позволяет соединить европейские страны с Азией и Дальним Востоком через наикратчайший маршрут. СМП имеет ряд конкурентных преимуществ по сравнению с другими трассами, в частности через Суэцкий канал. Протяженность СМП дает возможность сэкономить не только время в пути, но и как следствие затраты на топливо и прочие сопряженные расходы (табл. 1). Неоспоримым преимуществом СМП считается безопасность, так как он значительно удален от зон военной напряженности, политической и правовой нестабильности [Трус, 2012]. Магистраль способна связать перспективные месторождения минеральных ресурсов с конечными потребителями. Помимо этого для жителей Севера России СМП является крайне важным, а иногда и единственным способом транспортного сообщения с другими регионами.

Таблица 1

Сопоставление длины СМП и основных альтернативных маршрутов морского транспорта

Маршруты плавания	Из Гамбурга до (морские мили)			
	Ванкувера	Йокогамы	Гонгконга	Сингапура
СМП	6635	6920	8370	9730
Суэцкий канал	15 377	11 073	9360	8377
Мыс Доброй Надежды	18 846	14 542	13 109	11 846
Панамский канал	8741	12 420	12 920	15 208

Источник: [Ragner, 2000]

Все большие обороты набирает арктический туризм. Так, в 2012 г. на архипелаге Шпицберген побывало 76 тыс. человек, при этом еще

порядка 20–25 тыс. потенциально могли бы посетить архипелаг в случае отсутствия визовых проблем⁴. Средняя стоимость туров с посещением Новой Земли и Земли Франца-Иосифа составляет около 9 тыс. долл., а стоимость путешествия на Северный полюс оценивается от 25 тыс. долл. Помимо экспедиционного туризма постоянно появляются локальные предложения этнологических, исторических, водных, охотничьих, спортивных туров (например, в Ненецком автономном округе и на Ямале) [Туризм..., 2013].

Проблемы российской Арктики

Несмотря на имеющиеся экономические перспективы, у АЗРФ есть ряд проблем различного рода: неравномерность распределения получаемых на ее территории доходов, демографические проблемы местного населения, экологические опасности, вызванные добычей углеводородного сырья в тяжелых климатических условиях, и т.д. На современном этапе основными факторами, препятствующими эффективному освоению региона, являются:

— слабая и неравномерная изученность арктического шельфа и арктических экосистем, что не позволяет адекватно оценить риски арктических проектов и их финансовые результаты. В настоящее время лидерами в поисковом бурении и исследовании своего континентального шельфа остаются норвежцы, уровень освоения территорий у которых в 20 раз превышает российский⁵. До сих пор изученность российского шельфа находится на очень низком уровне (среднее значение 0,24 км/км²), сейсмическая изученность акваторий арктического шельфа не превышает 0,05 км/км² [Еремин, 2009]. При этом в западной части российского арктического шельфа сосредоточена основная масса локализованных углеводородных ресурсов, в то время как в восточной части преобладают прогнозные ресурсы. Отсюда проистекают расхождения в цифровой оценке энергетического потенциала Арктики и ее отдельных регионов, которые могут усложнить работу компаний-операторов;

— недостаток статистических сведений о функционировании региона. В России практически отсутствуют базы данных по основным показателям экономической, экологической и социальной деятельности в арктической зоне. Отчасти проблема усугубляется

⁴ Шпицберген в 2012 г. посетило 76 тыс. туристов // Арктика-Инфо: сайт. 2013. URL: <http://www.arctic-info.ru/News/Page/spicbergen-v-2012-gody-posetilo-76-tisac-tyristov> (дата обращения: 25.01.2014).

⁵ Для сравнения: американцы в нефтегазовых провинциях Аляски в Чукотском море по этому показателю превосходят Россию в 10 раз [Стенограмма совещания..., 2013].

неопределенностью состава АЗР, которая будет преодолена с принятием закона «Об Арктической зоне Российской Федерации» [Staalesen, 2013]. На текущий момент законопроект не принят, поскольку необходимо окончательно урегулировать притязания различных областей на их включение в систему льготного налогообложения и прочие финансовые привилегии, предоставляемые арктическим территориям РФ. Рассмотрение законопроекта Государственной Думой перенесено на май 2014 г.;

— недоработанная законодательная и нормативная база, а также пробелы в налогообложении арктических недропользователей. Специалисты уже давно обсуждают данную ситуацию, которая порождает довольно широкий круг проблем: от отказа в доступе на шельф иностранным подрядчикам до сложностей, связанных с однократным пересечением границы РФ при ввозе персонала и оборудования для работ на шельфе [Налоговые, таможенные и правовые..., 2013]. Также довольно остро стоит вопрос проработки фискальных, регулятивных, учетных и юридических аспектов реализации шельфовых проектов. Некоторое беспокойство среди специалистов вызывает недавно принятое Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2012 № 443-Р. По расчетам Энергетического центра бизнес-школы «СКОЛКОВО», в случае реализации указанного документа в России сложится самый либеральный налоговый режим в мире, который будет характеризоваться (рис. 3):

- минимальным уровнем НДС;
- минимальной суммой бонуса (одноразового платежа);
- самым низким налогом на прибыль;
- отсутствием налогов на дополнительный доход.

Среди других потенциальных проблем можно назвать:

— монополизм. В стране существуют барьеры для освоения российских арктических УВ негосударственными компаниями. На текущий момент только Газпром и «Роснефть» имеют право на освоение большинства арктических шельфовых территорий, что препятствует конкуренции, характерной для других арктических государств, и понижает эффективность деятельности корпораций;

— централизм. Нефтегазовые ресурсы Севера контролируются на федеральном уровне. Государство видит Арктику в качестве стратегической ресурсной базы страны [Основы государственной политики..., 2008], что обуславливает высокую степень его участия в распоряжении ее ресурсами и относительно невысокую инициативу регионов;

— отсутствие целостности и системности в уже имеющихся нормативно-правовых актах. На текущий момент принят ряд доку-

Регион	Бонус	Роялти и налоги от добычи	Налог на прибыль	Ресурсно-рентные налоги	Доля государства в денежных потоках проекта (дисконт 10%)
Россия – ДНС (без льгот)	Есть	НДПИ и пошлина 65–75%	20%	Нет	110%
Норвегия	Нет	Нет	28%	50%	85%
Россия-ДНС (льготная пошлина)	Есть	Льготный период по НДПИ и пошлине	20%	Нет	72%
Бразилия (шельф)	Есть	10% (может быть снижена до 5%)	34%	Государственное участие 10–40% от чистого дохода	64%
СРП (аналог «Сахалин-2»)	Есть	6%	35%	Доля государства 10–70% в зависимости от ВНД	59%
Канада (арктический шельф)	Нет	1–5%	25,5%	Роялти 30% от чистого дохода после достижения 10% ВНД	52%
Гренландия	Нет	Нет	37%	Роялти от чистого дохода со ставками 7,5%, 10% и 12,5%	46%
Россия (Распоряжение №443-р)	Есть	5–15% НДПИ	20%	Нет	40%

Рис. 3. Особенности российского налогового режима
Источники: расчеты Энергетического центра бизнес-школы «СКОЛКОВО» для Карского моря.

ментов (в частности, Основы государственной политики, стратегии и др.). Однако они неспособны в полной мере обеспечить порядок работы российских компаний на шельфе. В законодательстве отсутствуют различные блоки положений, касающиеся стандартов, порядка финансирования работ, принципов осуществления деятельности и пр.;

— недостаточную степень сотрудничества заинтересованных сторон — государства, бизнеса, НКО и местного населения. Например, результаты опроса коренных жителей Арктики из разных стран на предмет удовлетворения степени их влияния на принятие решений, связанных с управлением природными ресурсами (нефть, газ, минеральное сырье), демонстрируют высокую степень недовольства. Наибольший уровень неудовлетворенности (свыше 80%) наблюдался на российской Чукотке [Arctic Social Indicators..., 2013].

Потенциал для устойчивого развития Арктики

Принимая во внимание все вышеизложенное, необходимо найти наиболее устойчивую и эффективную в долгосрочной перспективе модель освоения и развития российской Арктики. В качестве примера государства, осуществляющего переход к подобной модели, можно привести лидера в области освоения и ведения работ в Арктике — Норвегию, которая уже давно поставила своей целью устойчивое развитие региона. Для деятельности этой страны важны предсказуемость и долгосрочный характер политических действий, направляемых на северные территории, а также усиленное внимание к энергетике и экологии [Стратегия правительства Норвегии..., 2013, с. 14].

Другое арктическое государство, Финляндия, несмотря на отсутствие выходов к Северному Ледовитому океану, также уделяет большое внимание устойчивому развитию северных регионов, особенно с точки зрения защиты окружающей среды. Финны разработали Стратегию защиты окружающей среды Арктики (АЕPS). Принятая и доработанная Канадой, она может превратиться в Стратегию устойчивого развития Арктики (ASDS) [Fow, 2012]. Безусловно, работая над осуществлением такой задачи, как переход к устойчивому экономическому развитию на больших и сложных с точки зрения климатических условий территориях, необходимо осознавать все трудности. Опыт Канады, в частности, показывает, что это длительный процесс. Однако в долгосрочной перспективе менеджмент на основе экосистемного подхода (Ecosystem-based management — ЕВМ) может дать высокие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Межстрановое сравнение основных экономических показателей арктических стран⁶

Страна	Площадь арктической зоны, % относительно площади гос-ва / доля от арктической зоны	Доля населения от общего в Арктике, % (2003 г.)	% арктического ВВП страны от совокупного ВВП Арктики (2001 г.)	ВВП на душу населения в Арктике, долл. США (2001 г.)	Валовой продукт в Арктике, % от национального ВВП (2001 г.)	Основные сектора экономики региона
Россия	25 / 34	49	66,8	12 327	14,95	Добыча углеводородов, минеральных ресурсов, потенциал развития транспорта — СМП, относительно меньшая доля сектора услуг, перспективен туризм
США (Аляска)	15 / 12	16	12,4	45 107	0,29	Добыча нефти, цинковых руд, значителен сектор услуг
Канада	42 / 33	3	1,9	39 915	0,5	Перспективна добыча углеводородов и минеральных ресурсов ⁷ , значителен сектор услуг, потенциально развитие транспорта (Северо-Западный проход)
Норвегия	28 / 0,9	11	4,4	21 939	7,6	Добыча углеводородов, минеральных ресурсов, значителен сектор услуг ⁸
Дания (Гренландия, Фарерские о-ва)	98 ⁹ / 17	3	0,9	20 704 ¹⁰	1,4	Рыбный сектор (китобойный промысел, промышленное рыболовство, отлов креветок)

Источник: составлена автором на основании [Конышев, Сергунин, 2011; Доклад о развитии человека..., 2007], статистических служб государств.

⁶ Несмотря на датирование некоторых данных 2001–2003 гг., в регионе не наблюдается значительных изменений показателей, в особенности долей. В связи с этим представленные данные с достаточной достоверностью отображают картину региона.

⁷ В связи с требованиями законодательства на данный момент работы практически не ведутся.

⁸ В основном касательно всех арктических стран речь идет о розничной торговле, транспорте, туризме, образовании, здравоохранении и общественном управлении.

⁹ Доля от площади Дании, включающей о. Борнхольм, Фарерские о-ва и Гренландию.

¹⁰ Усредненное значение для Гренландии и Фарерских островов.

Применение принципов ЕВМ очень важно для России — государства с богатыми, но постепенно истощающимися природными ресурсами. Экономическая ситуация 1990-х гг. вкпе с переходом от плановой к рыночной экономике серьезно повлияла на развитие арктической части России, которая всегда сильно зависела от централизованного управления и финансирования субъектов. Поэтому особая роль в процессе трансформации экономики Арктики принадлежит государству. Данную историческую особенность необходимо принимать во внимание. Первые попытки внедрения новых управленческих практик были предприняты в нашей стране в конце 1990-х гг., когда появились федеральные научно-исследовательские программы. В 2000-х гг. их продолжением стали ФЦП «Мировой океан» и Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года [Best Practices in..., 2009]. В последние годы нормативно-правовая база, регулирующая различные стороны хозяйственной деятельности, значительно пополнилась. Так, были разработаны следующие документы:

— Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969);

— Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 20.03.2013);

— Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р), в которой арктическим источникам УВ отведена отдельная роль;

— Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2012 № 443-р «Об основных мерах по укреплению стратегических позиций России в мировой энергетической отрасли на период до 1 января 2016 года»;

— Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р);

— Стратегия развития геологической отрасли до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 21.06.2010 № 1039-р);

— Стратегия изучения и освоения нефтегазового потенциала континентального шельфа Российской Федерации на период до 2020 года (проект);

— ФЗ от 28.07.2012 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» (принят Госдумой 03.07.2012; одобрен Советом Федерации 18.07.2012) и т.д.

Однако главная проблема — разрозненность регулирующих документов, не позволяющая учесть интересы всех природопользователей, в том числе в различных субъектах РФ, и обеспечить взаимодействие четырех основных групп лиц — государства, бизнеса, НКО и населения, — до сих пор остается неразрешенной.

Учитывая все сказанное, можно предложить некоторые шаги для достижения устойчивого развития региона. Основная масса рекомендаций, представленных ниже, направлена на социальную и экологическую составляющие устойчивого развития, хотя они способны также положительно воздействовать и на экономический блок. Каждая рекомендация сопоставлена с элементами схемы устойчивого развития (рис. 4) посредством перечисления их номеров в скобках. Итак, необходимо:

1) уделить особое внимание созданию арктической институциональной среды (налоговое, техническое и проч. законодательство), позволяющей вести добычу полезных ископаемых на конкурентных началах с соблюдением правил экологической безопасности и прав коренных малочисленных народов Севера (КМНС) (2, 7, 9–16);

2) сделать социальный компонент развития приоритетным (экономика для человека, а не человек для экономики) (4–7, 9, 12);

3) наладить диалог между государством, бизнесом, НКО и населением, в частности с ассоциациями КМНС (4–7, 11, 15);

4) ориентироваться на долгосрочные проекты и программы, позволяющие получать выгоды будущим поколениям (7, 10–13, 15–16);

5) разработать прозрачные базы данных по основным видам деятельности в российской Арктике (2–3, 5, 10, 12, 15–16);

6) увеличить финансирование научной деятельности в Арктике и обеспечить возможность применения полученных результатов и данных на практике (1, 3, 8, 10–13);

7) определить зоны ответственности бизнеса и, возможно, обозначить условия и обеспечить соблюдение корпоративной социальной ответственности (КСО) предприятий, в особенности градообразующих комплексов (например, в Норильске) (2, 4, 6–7, 9, 11–13, 17);

8) наладить обмен опытом и знаниями с другими арктическими государствами и регионами, применять бенчмаркинг лучших имеющихся практик в случае соответствия их российским условиям (1–2, 5, 9–10, 12–13, 15–17).

Многие пункты списка рекомендаций явно или косвенно затрагивают социальный компонент развития Арктики. Социальные проблемы АЗРФ действительно многообразны и сильно выделяются на фоне прочих арктических государств. Как можно видеть

в табл. 2, на территории российской Арктики производится большая часть совокупного ВВП региона, но показатель на душу населения в долларах США самый низкий среди пяти представленных стран. Основная причина такого расхождения — неравномерность

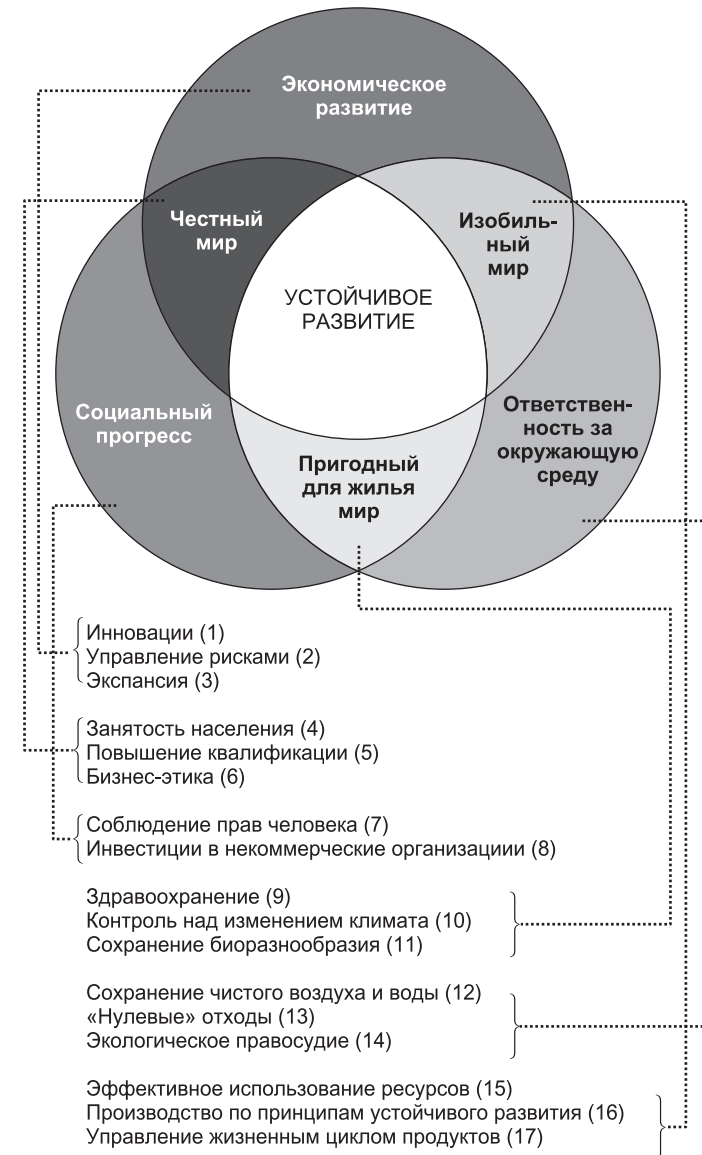

Рис. 4. Схема устойчивого развития

Источник: [Достойная цель..., 2012].

распределения доходов, получаемых от деятельности в регионе. Например, на Аляске коренные народы инуиты, проживающие в богатом нефтеносном районе North Slope, являются акционерами специально созданной региональной корпорации, которая владеет правами на землю и недра и выступает главным поставщиком услуг для нефтяной отрасли. По итогам деятельности добывающих компаний в регионе они получают индивидуальные дивиденды и миллионы долларов совокупных налоговых поступлений, идущих на улучшение систем водоснабжения, канализации и повышение уровня жизни населения [Доклад о развитии человека..., 2007]. В России население аналогичных районов живет довольно бедно [Нильсен, 2013]. Поэтому важно еще раз подчеркнуть необходимость работы по всем трем направлениям — социальному, экономическому, экологическому (рис. 4).

Все арктические страны, кроме России, заявили, что именно комплексный подход будет основополагающим в морехозяйственной деятельности XXI в., и начали разрабатывать комплексные планы управления морскими акваториями Заполярья. Интегрированный, или комплексный, подход направлен на улучшение условий различных видов экономической деятельности, объединенных территориально, с учетом экологических ограничений. Он отличается от отраслевых программ управления, таких, как управление рыболовством, туризмом или образованием, и подразумевает создание единой стратегии для всех вовлеченных отраслей. Интегрированный подход подразумевает долгосрочную стратегию развития в сочетании с учетом ценностей и интересов всех заинтересованных сторон (в том числе местного населения), основывающуюся на взаимосвязях между экосистемными компонентами региона [Денисов, Фомин, 2011]. Потенциальными преимуществами данного подхода являются: обеспечение вовлеченных регионов источником дополнительного экономического роста и конкурентоспособности, повышение привлекательности для инвестиций (как учет интересов бизнеса); обеспечение занятости и достойного уровня жизни в северных регионах (как учет интересов местного населения); снижение ущерба от природных и техногенных катастроф (как учет экологической составляющей). Помимо этого он также позволяет выполнить задачи, поставленные перед арктическими государствами Арктическим советом, а именно: сократить загрязнение региона, сохранить биоразнообразие, обеспечить достойное существование северным коренным народам и рационально использовать богатство имеющихся в Арктике ресурсов [Денисов, Фомин, 2011].

Список литературы

Арктический шельф: насколько оптимальна система регулирования в России? // Энергетический центр Московской школы управления «СКОЛКОВО»: сайт. 2012. URL: http://energy.skolkovo.ru/upload/medialibrary/07c/SEneC_Arctic_Offshore.pdf (дата обращения: 15.03.2014).

Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования: Учебник. М., 2013.

Денисов В.В., Фомин С.Ю. Комплексное управление природопользованием на шельфовых морях: аналитический материал и результаты круглых столов. Мурманск, 2011.

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2012 год. М.: Росгидромет, 2013.

Доклад о развитии человека в Арктике (ДОРЧА) / Пер. с англ.; Ред. А.В. Головнёва. Екатеринбург; Салехард, 2007.

Достойная цель развития // Business Excellence: сайт журнала. 2012. URL: http://www.be-mag.ru/articles/article.php?ID=40351&spphrase_id=464491 (дата обращения: 05.02.2014).

Еремин Н.А. Ресурсная база нефти и газа Арктического шельфа России. М., 2009.

Капица А.П., Каплин П.А. География Мирового океана: Северный Ледовитый и Южный океаны. Л., 1985.

Конвенция ООН по морскому праву // ООН: сайт. 1992. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1980.shtml (дата обращения: 26.07.2013).

Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М., 2011.

Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: Монография // Арктика и Север: сайт журнала. Архангельск, 2012. URL: http://narfu.ru/aan/Russian_Arctic_Lukin/Russian_Arctic_Lukin.pdf (дата обращения: 20.02.2014).

Месторождения Арктики // Арктика-Инфо: сайт. 2013. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/%D0%9C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 26.07.2013).

Налоговые, таможенные и правовые аспекты ведения деятельности в российском секторе Арктического шельфа // Международная конференция «Логистика в Арктике»: сайт. 2013. URL: <http://www.murmanshelf-conf.ru/archive/files/2012/shelkalin.pdf> (дата обращения: 04.02.2014).

Нильсен Т. Нефтяные доходы — врозь // BarentsObserver: сайт. 2013. URL: <http://barentsobserver.com/ru/arktika/2013/08/neftyanye-dohody-vroz-12-08> (дата обращения: 03.02.2014).

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969) // КонсультантПлюс. Версия Проф. [Электронный ресурс]. М., 1992–2014. Дата обновления: 20.03.2014.

Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. М.: ИНЭИ РАН, 2013.

Российская Арктика в изменяющемся мире: Монография // Арктика и Север: сайт журнала. Архангельск, 2012. URL: http://narfu.ru/aan/Russian_Arctic_Lukin/Russian_Arctic_Lukin.pdf (дата обращения: 05.02.2014).

Стратегия правительства Норвегии в северных регионах. Отрывок // Сайт Правительства Норвегии. 2013. URL: <http://www.regjeringen.no/upload/UD/Vedlegg/strategiru.pdf> (дата обращения: 26.07.2013).

Стенограмма совещания «О перспективах освоения ресурсов континентального шельфа России» // Сайт Правительства России. М., 2013. URL: <http://government.ru/docs/22397> (дата обращения: 12.11.2013).

Туризм // Арктика-Инфо: сайт. 2013. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 26.07.2013).

Arctic Social Indicators: ASI-II. Implementation // SDWG Website. 2013. URL: <http://www.sdwg.org/media.php?mid=1599> (last accessed data: 04.02.2014).

Best Practices in Ecosystem-based Oceans Management in the Arctic / Ed. by Alf Håkon Hoel // Norwegian Polar Institute. Report Series. 2009. N 129.

Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // USGS Fact Sheet. 2008-3049.

Fow S.J. The Arctic Sustainability Principle // Vermont J. of Environmental Law. 2012. Vol. 13.

Lindholt L., Glomsrød S. The Role of the Arctic in Future Global Petroleum Supply // Statistics Norway, Research Department. Discussion Papers. 2011. N 645.

Ragner C.L. Northern Sea Route Cargo Flows and Infrastructure — Present State and Future Potential. Norway, 2000.

Staalesen A. Redefining the Russian Arctic // BarentsObserver: Website. 2013. URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/2013/07/defining-russian-arctic-05-07> (last accessed data: 05.07.2013).

Truc O. La Route du Nord-Est: L'autre Canal de Suez? // Le Monde: Website. 2012. URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2012/11/30/l-autre-canal-de-suez_1798564_3210.html (last accessed data: 15.12.2013).

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

ВИКТОРУ НИКИТИЧУ ЧЕРКОВЦУ — 90 ЛЕТ

THE 90TH BIRTHDAY OF VIKTOR NIKITICH CHERKOVETS

Выдающемуся отечественному ученому профессору Виктору Никитичу Черковцу в марте исполнилось 90 лет. За это время ученый прошел большой, достойный глубокого уважения и восхищения жизненный путь.

Виктор Никитич родился 26 марта 1924 г. на Украине в г. Городне Черниговской области. Он окончил с отличием среднюю школу г. Бельцы (Молдавия) за несколько дней до войны. После этого, направившись в Москву для поступления в Московский институт философии, литературы и истории, вместе с эшеленом эвакуированных попал в село Козловка Сталинградской области. Летом он работал в колхозе, а затем поступил на историческое отделение Казанского университета. В июне 1942 г. Виктора Никитича призвали в Красную армию и направили в Астраханскую военно-авиационную школу механиков, готовившую специалистов-бомбардировщиков и штурмовиков. Как механик штурмового авиационного полка он участвовал в боевых действиях на Курской дуге, за освобождение Украины, Белоруссии, Польши, в битве за взятие Берлина.

Еще в юности Виктор Никитич увлекся политэкономическими работами. В 1949 г., после 8 лет срочной службы в армии и демобилизации, он поступил на первый курс заочного отделения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. С этого момента вся его жизнь связана с МГУ.

Незаурядный талант Виктора Никитича Черковца проявился уже в студенческие годы. Окончив с отличием в 1954 г. экономический факультет, затем аспирантуру, он стал преподавателем кафедры политической экономии, пройдя путь от ассистента до профессора. С 1980 по 1987 г. он был деканом и председателем ученого совета экономического факультета МГУ. В настоящее время Виктор Никитич работает главным научным сотрудником кафедры политической экономии, возглавляя проблемную группу «Воспроизводство и экономический рост», которую он организовал в 1965 г.

Важным направлением его научных исследований стали проблемы темпов, пропорций и эффективности общественного воспроизводства. Решение исследуемых им теоретических вопросов

всегда основывалось на прочной методологической базе. Его кандидатская диссертация (1959) была посвящена предмету политической экономии, что было актуально в 1950-е гг. в связи с общесоюзными дискуссиями, которые предшествовали созданию учебника «Политическая экономия» под редакцией К.В. Островитянова. Эта проблема остается дискуссионной до сих пор.

Новаторские научные идеи были положены в основу докторской диссертации Виктора Никитича Черковца на тему «Категория плановости и вопросы системы политической экономии социализма» (1965). В этот же год были опубликованы две его монографии, получившие широкую известность, — «О методологических принципах политической экономии как научной системы» и «Плановость социалистического производства».

В конце 1960-х гг. кафедра политической экономии под руководством Н.А. Цаголова развернула активную работу по разработке системы категорий и законов политической экономии. В тот период она превратилась в один из общепризнанных центров экономической теории. На кафедре сложился сильный творческий коллектив талантливых ученых, целью которых было построение целостной системы производственных отношений способа производства. В этом созвездии талантов Виктор Никитич совершенно закономерно считался одной из самых ярких звезд. В результате плодотворной работы коллектива был опубликован «Курс политической экономии» в двух томах под редакцией Н.А. Цаголова (1963), а позднее - 2-е и 3-е издания курса.

Научные исследования Виктора Никитича глубоки и масштабны. Им лично и под его руководством и научной редакцией были опубликованы 404 работы общим объемом 1600 п.л., из них авторская часть составила 462 п.л. Кроме уже упомянутых работ широкую известность получили монографии «Два подразделения общественного производства» (1971), «Метод политической экономии социализма» (1980), «Отношения производства и воспроизводства» (1982), «Социализм как экономическая система» (1982), «Единый народнохозяйственный комплекс» (1984), «Всемирная история экономической мысли» в шести томах (1987—1997), «Собственность и реформа» (1995), «Собственность в экономической системе России» (1998), «Капитал и экономикс. Вопросы методологии, теории и преподавания» в шести выпусках (1998—2013), «Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика» (2005), «Человеческий капитал и образование» (2009), «Национальное богатство и национальный продукт» в двух книгах (2010, 2012).

Для разных поколений отечественных экономистов Виктор Никитич является учителем не только в прямом смысле слова, но и как автор фундаментальных трудов, а также как пример бескорыстного служения науке. Высочайший научный интеллект, талант

методолога, теоретика признается всеми экономистами — как сторонниками его научных мировоззренческих позиций, так и оппонентами.

Виктор Никитич Черковец на протяжении многих лет был видным организатором и руководителем экономической науки и высшего экономического образования. В разное время он был председателем экспертной комиссии ВАК по политической экономии, членом пленума ВАК, членом экономической секции Комитета по присуждению Ленинской и Государственных премий СССР. Долгие годы он входил и входит в составы ученых советов экономического факультета МГУ, Института экономики АН СССР, ряда диссертационных советов, научного совета экономического факультета МГУ по разработке современной экономической теории и модели социально-экономического развития России.

Виктор Никитич на протяжении многих лет был членом редколлегии журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», а с 1980 по 1987 г. — главным редактором журнала.

Важной и плодотворной вехой в научной жизни Виктора Никитича стала работа в Институте экономики АН СССР в должности заместителя директора по научной работе.

Немало сил отдал Виктор Никитич воспитанию новых поколений экономистов. Его знают как великолепного преподавателя. Его блистательные лекции по политической экономии, спецсеминары по «Капиталу» К. Маркса останутся в памяти учеников надолго. Под руководством Виктора Никитича подготовлено большое число дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций. Его ученики работали и работают в разных вузах и учреждениях нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья заведующими кафедр, учеными, хозяйственными руководителями, членами правительства. Немало экономистов в России и за рубежом гордятся тем, что являются учениками Виктора Никитича Черковца.

Научные труды Виктора Никитича в области методологии и теории политической экономии, истории экономической мысли стали крупным вкладом в сокровищницу экономической науки. Они широко известны отечественным и зарубежным экономистам.

За заслуги перед отечеством Виктор Никитич Черковец награжден орденами и медалями СССР, Российской Федерации и города Москвы. Ему присвоены звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1984), «Почетный работник высшего и профессионального образования Российской Федерации» (2001), «Почетный сотрудник Института экономики РАН» (2004).

Коллектив экономического факультета МГУ и редколлегия журнала «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика» горячо поздравляют Виктора Никитича Черковца с юбилеем и желают ему новых творческих успехов, благополучия и крепкого здоровья.

Требования к статьям, принимаемым к публикации журналом «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято Редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции econeditor@econ.msu.ru. Статья должна быть представлена в виде файла в формате MS Word стандартным шрифтом (№ 12) на русском языке через полтора (компьютерных) интервала. Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (с пробелами).

Статья должна начинаться с аннотации (максимум 250 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть отражены цель, методология, основные результаты исследования и выводы. Несоответствие между русской и английской аннотацией не допускается.

К статье необходимо приложить сведения об авторе (авторах): полные фамилия и имя, основное место работы, занимаемая должность; ученая степень, звание; служебный и домашний адреса, служебный телефон и электронная почта на русском и английском языках. Аспиранты, стажеры, студенты представляют положительную выписку из решения кафедры.

Структура статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение, основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Ссылки на Список литературы даются в тексте в следующем виде: [Oliver, 1980], [Porter, 1994, p. 45], [Иванов, 2001, с. 20], [Porter, 1994; Иванов, 2001], [Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991]. Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: [Гуриев и др., 2002] или [Bevan et al., 2001].

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, а таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте).

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации статьи автору направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов в ВАК редакция предоставляет соответствующие рецензии по статье без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. email: econeditor@econ.msu.ru